

Е.А. Михайлова

СЪЕМНЫЕ УКРАШЕНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ

Тема «Памятники культуры народов Сибири», положенная в основу сборника, ведет свое происхождение от несостоявшегося проекта создания второго тома известного «Историко-этнографического атласа Сибири», один из разделов которого планировалось посвятить украшениям сибирских народов. В рамках этого раздела должны были рассматриваться два основных вида украшений, выделенные по степени их связанности с комплексом одежды, в который они входили, и условно обозначенные как «несъемные» и «съемные». Эти термины нельзя считать удачными, но иных выработать не удалось. К несъемным украшениям были отнесены определенные детали кроя одежды, а также украшения, пришитые (стационарно) к предметам одежды [Федорова 1988]. Съемные украшения, входя в определенный комплекс одежды, носят все же достаточно отвлеченный от нее характер, они связаны не столько с одеждой, сколько с телом человека и могут рассматриваться как самостоятельный феномен культуры.

В статье рассматриваются головные украшения (повязки, пластины, венцы, накосные украшения, серьги, височные подвески), нагрудные и шейные украшения (гривны, ожерелья, нагрудники), украшения рук и ног (кольца, браслеты).

Один из разделов темы – накосные украшения – был ранее опубликован [Клюева, Михайлова, 1988]. Поэтому в предлагаемой статье при рассмотрении украшений того или иного народа накосные украшения описываются кратко (чтобы не пострадало представление о целом комплексе украшений), или же приводятся материалы, не вошедшие в первую публикацию.

Источниками для написания статьи послужили этнографическая литература и музейные коллекции (предметные и иллюстративные).

Достаточно трудно сделать краткий обзор литературы, положенной в основу работы. Замечания, касающиеся украшений различных народов Сибири, разбросаны по многочисленным литературным источникам начиная с XVIII в. Укажу главным образом на основные работы, где можно искать и находить сведения по теме исследования.

Краткие замечания об украшениях ненцев, остяков находим в трудах И.Г. Георги, В.Ф. Зуева, П.С. Палласа. Интересная информация об украшениях тунгусов, бурят, якутов содержится в работе Я.И. Линденау. Более многочисленны материалы, относящиеся к XIX в. Интересующей нас тематике определенное внимание уделяли А.Э. Кибер, В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон, Н.В. Слюнин, Л.И. Шренк, В.Л. Серошевский, Р. Маак, В.В. Радлов, и многие другие. Традиция монографического описания этнической культуры (материальной культуры в частности) была продолжена советскими исследователями. Необходимо назвать монографии А.А. По-

пова, Л.В. Хомич, А.В. Смоляк, Е.А. Алексеенко, Г.М. Василевич, Ю.А. Сема, К.М. Патачакова, Н.В. Лукиной. Заметим, что в обобщающих трудах такого рода сведения об украшениях обычно достаточно кратки и часто носят характер констатации наличия украшений того или иного рода. Но в ряде работ (например, в трудах Ю.А. Сема, Н.В. Лукиной) находим не только подробное описание украшений, но и варианты разработки классификаций некоторых их видов.

Как правило, более подробные сведения содержатся в работах узкой тематической направленности, в первую очередь в тех, которые посвящены одежде народов Сибири. В этой связи необходимо отметить серию публикаций Н.Ф. Прытковой, включающую статьи об одежде самодийских и палеоазиатских народов, хантов [1953; 1970; 1976], работы Л.П. Потапова по алтайцам и шорцам [1955], Е.Г. Федоровой по манси [1978]. Особое место занимает исследование Р.Д. Бадмаевой [1987], которая не только сделала наиболее полное и подробное описание украшений бурят, но и провела их систематизацию по полу и социально-возрастным категориям. Очень важно и то, что автором прослежены четкие ареалы распространения тех или иных вариантов украшений, выделены комплексы украшений по всем этнотерриториальным группам бурят.

Целенаправленный интерес для данной работы представляют также немногочисленные публикации по народно-прикладному искусству, в частности по ювелирному делу [Тумахани 1970; Вайнштейн 1974; Зыков 1976; Кочешков 1979].

Чрезвычайно полезные сведения о бытовании украшений находим в работах, касающихся различных аспектов соционормативной и духовной культуры народов Сибири, в которых зачастую содержатся многочисленные, хотя и отрывочные замечания о различных функциях украшений [Вдовин 1977; Грачева 1983; Дьяконова 1986; 1988] и их роли в обрядах жизненного цикла [Семейная обрядность народов Сибири... 1980; Традиционное воспитание детей у народов Сибири... 1988].

Специальных работ по украшениям отдельных народов Сибири крайне мало. Их нетрудно перечислить даже в рамках самого краткого тематического обзора литературы. Три статьи посвящены украшениям якутов [Стрелов 1937; Носов 1951; Дьяконова 1958], одна – украшениям локальной группы бурят [Бадмаева 1974.], одна – украшениям тувинцев [Сат 1984]. Попытки свести воедино, обобщить имеющийся материал по украшениям всех народов Сибири до сих пор не предпринималось.

Краткая характеристика коллекций съемных украшений народов Сибири из Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Санкт-Петербург) содержится в каталоге, подготовленном в процессе работы над темой [Клюева, Михайлова 1988]. Помимо этого собрания, положенного в основу статьи, учтены также коллекции Российского этнографического музея (РЭМ, Санкт-Петербург), Краеведческого музея им. В.А. Обручева (КМ, Республика Бурятия, Кяхта), Иркутского областного краеведческого музея (ИОКМ, Иркутск), Этнографического музея народов Забайкалья (ЭМНЗ, Улан-Удэ), Американского музея естественной истории (АМЕИ, Нью-Йорк), а также сведения из опубликованных каталогов по другим

музеям [Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Томского университета... 1979].

Оба источника – и литературные, и коллекционные материалы – страдают известной фрагментарностью и эффективно могут использоваться только в комплексе, дополняя, поясняя и уточняя друг друга.

Статья состоит из трех разделов. Первый посвящен рассмотрению фактического материала по отдельным народам. Имеющиеся данные излагаются последовательно, по единой схеме. Неравномерность распределения материала первого раздела связана с неравноценной обеспеченностью источниками информации. Достаточно материала по народам Южной Сибири, в частности алтайским этносам. Но основной недостаток этих источников – частое отсутствие четкой локальной привязки видов и вариантов украшений, их комплексов. В максимальной степени этим недостатком страдают материалы по якутам. Мало материала по народам Северной Сибири. Практически отсутствуют материалы по украшениям селькупов и юкагиров. Не всегда представляется возможным или целесообразным охарактеризовать тот или иной вид украшений по каждому отдельному народу. В некоторых случаях общность украшений позволяет ограничиться их характеристикой по определенной группе народов с указанием на локальные этнические особенности. По такой схеме, в частности, изложен имеющийся материал по народам Амурского региона, палеоазиатам Крайнего Северо-Востока Сибири.

Во втором разделе статьи приведена классификация видов съёмных украшений отдельно по каждой выделенной группе, определены этнический и географический ареалы их распространения. Систематизация и типологизация материала позволила в ряде случаев выявить этногенетические связи или говорить об этнокультурных контактах народов Сибири в различные исторические периоды. Кроме того, появилась возможность поставить вопросы генезиса и эволюции отдельных видов украшений.

План изложения и рассмотрения фактических данных в первом и втором разделах работы обусловлен методикой, присущей историко-этнографическим атласам, что и определило первоначальную цель работы. В ином ключе изложен материал третьего раздела. В нем рассматриваются некоторые аспекты функционирования украшений, выявляются их особенности в ряду других явлений культуры, делается попытка дать определение этому культурному феномену.

Хронологические рамки работы укладываются в период с середины XIX в. до 30–40-х годов XX в. Эти временные границы определяются, с одной стороны, датировкой основного корпуса источников (литературных, предметных, иллюстративных) и, с другой стороны, временем широкого бытования рассматриваемых украшений. В некоторых случаях, как, например, при обозначении проблем, связанных с выявлением генезиса тех или иных видов или типов украшений, их эволюции, привлекается соответственно более ранний материал (в отдельных случаях вплоть до археологического) или, с поправкой на современность, более поздний.

I

Ненцы. Традиционной прической ненцев были косы. У И.Г. Георги есть сведения о том, что в отличие от замужних женщин «девки <...> носят по три косы, висящие на спине» [Георги 1799, ч. 1. с. 72; ч. III. с. 9.]. Как женщины, так и мужчины носили две косы. Однако в конце XIX–начале XX в. в связи с постепенным разрушением традиционной культуры или под влиянием русской культуры мужчины стали стричь волосы «в кружок». В то же время, по свидетельству Л.В. Хомич, и в 50-е годы XX в. мужчины у восточных ненцев иногда немного отращивали волосы и заплетали их в две тугие косички, обматывая их затем полоской сукна или шерсти [Хомич 1958, с. 122–123]. Повседневная прическа женщин – также две косы, часто обмотанные шнуром (Ф. МАЭ. № 2196–12; № 2421–166; буквой «Ф» здесь помечены номера иллюстративных коллекций МАЭ, чтобы отличить их от номеров коллекций предметных).

Более сложной женской прической и одновременно накосным украшением были так называемые ложные косы *та'не*, которые начинали носить довольно рано, иногда с 6–7 лет [Хомич 1958, с. 130–131]. На протяжении жизни женщины характер этого украшения-прически не менялся: на затылке располагалась овальная пластина, обтянутая красным сукном, украшенная несколькими крупными медными пуговицами и плотно зашитая бисером. От пластины с двух сторон на спину спускались два длинных толстых жгута из волос, переплетенных с тесемками и сверху плотно спирально обмотанных шерстяным шнуром, с треугольными лопастями на концах. Все сооружение обильно украшалось низками бус и бисера, металлических цепочками, медными ажурными подвесками, бляхами, кольцами. Жгуты обязательно соединялись между собой несколькими низками бус и цепочками. «Косы» свисали ниже талии и обычно заправлялись за пояс верхней одежды. В Малоземельской и западной части Большеземельской тундры *та'не* прикреплялись к мягкой, в виде венца, повязке *судор'* (*сэдор'*). Она состояла из трех полос сукна. Одна из полос охватывала лоб и затылок, а две другие прикреплялись к ней и перекрещивались на макушке. Сукно украшалось фарфоровым бисером [Там же, с. 131]. Н.Ф. Прыткова описала головной венец иного рода, привезенный с острова Вайгач и, вероятно, имевший распространение среди ненцев западных тундр и Ямала. Он представляет собой мягкий суконный ободок, соединенный от лба к затылку полоской-лямкой. Над ушами с двух сторон прикреплена бахрома из нарезанного полосками сукна. Украшен венец узкими полосками цветных сукон (РЭМ, № 1503–18) [Прыткова 1970, с. 1–99]. В этих районах были распространены другие венцы – металлические ободки с крестовиной из цепочек [Там же, с. 48].

Широко бытовали серьги *хаво'ня* (*хаёня*), сделанные из кожаного ремешка с нанизанными на него бляшками, пуговицами, крупным бисером [Хомич 1958, с. 131]. В коллекциях РЭМ ненецкие серьги представляют собой ремешок с петлей на одном конце и колечком на другом. На ремешок, вдеваемый в ухо, нанизаны зеленый бисер и белые бусины (№ 791–18).

В другой паре серег зеленая бусина, нанизанная на ремешок, вдевается в ухо с помощью медного крючка (№ 791–19). Серьги из разноцветного бисера, нанизанного на нитку, носили и лесные ненцы. Нитка вдевалась в отверстие на мочке уха и завязывалась (РЭМ, № 10252–131/2). Встречались у ненцев серьги из нескольких цепочек, часто разного плетения (РЭМ, № 1503–16 а, в; МАЭ, № 979–32/2). С удовольствием женщины носили и привозные серьги, в частности русского производства, а также серьги местного производства, сделанные в подражание русским.

Ханты, манси. Женщины и девушки у хантов и манси носили, как правило, двухкосную прическу. Есть упоминание и о многокосной девичьей прическе: «Девки заплетают волосы в несколько кос и головы ничем не покрывают» [Георги 1799, ч. 1, с. 72]. Мужчины стригли волосы более или менее коротко, а длинные волосы казымские и обдорские ханты заплетали в две косы. Вероятно, у различных этнотерриториальных групп были локальные варианты причесок. Своеобразные мужские прически описал М.Б. Шатилов: «В верхнем плесе господствуют своеобразные местные прически: так, иногда стрижется передняя часть головы, до макушки, и оставляются очень длинные волосы сзади, или же подстригаются волосы кругом снизу вверх и оставляются более или менее длинные волосы в верхней части головы, и, наконец, совсем не стригут волосы, причем в таком случае волосы свободно падают на плечи» [Шатилов 1931, с. 162].

По накосным украшениям выделяются два ареала бытования: северный и южный. Интересными, с особенностями, были прически и накосные украшения восточных хантов. Возможно, подобные сведения о них стали известны благодаря тщательному изучению этой группы хантов.

Женщины северных хантов и манси, как и ненки, носили ложные косы. У казымских хантов эта прическа-украшение считалась девичьей, а в 50-е годы XX в. ложные косы носили уже только девочки. У обдорских хантов ложные косы носили женщины всех возрастных категорий. Ложные косы носили и мужчины, причем у казымских хантов такая прическа сохранялась до 30-х годов XX столетия [Прыткова 1953, с. 206].

Часть украшения – пластина *эх тэс* (хант.), располагавшаяся на затылке между косами, обтягивалась красным сукном, расшивалась бисером и медными пуговицами (число их обычно различалось у женского и мужского украшений). Ложные женские косы удлиняли естественные почти до колен. Напротив, мужские косы становились короче, т.к. пучок волос по длине складывался, а затем обматывался шнуром красного или синего цвета. Из конца обмотки торчал толстый пучок сложенных волос. Женские ложные косы примерно на уровне длины натуральных кос обязательно соединялись украшенной перемычкой. Развязанные, несоединенные косы служили знаком траура [Соколова 1975, с. 169]. Женские ложные косы, кроме того, украшались по всей длине различными подвесками, цепочками, низками бус и бисера. Среди других к ним обязательно подшивались медные или латунные ажурные бляхи круглой или ромбовидной формы. Такие подвески были широко распространены и у ненцев, и у нганасан. В зависимости от величины они употреблялись как деталь других

украшений. Крупные шли на подвески к косам и зимним шапкам, мелкие – на подвески к ушам [Шухов 1916, с. 49].

В литературе высказывалось мнение, что ложные косы северных хантов и манси были заимствованы у ямальских ненцев. При этом отмечалось, что у обдорских хантов сохранились и ненецкие термины для обозначения частей этой прически-украшения: затылочная пластина *эх пудар* (хант.) и *пудар* (нен.) [Прыткова 1953, с. 206]. Как более ранние и, видимо, донецкие Н.Ф. Прыткова рассматривала украшения XVIII в., весьма неопределенное описание которых содержится у В.Ф. Зуева и П.С. Палласа. Это было нечто вроде повязки с длинными свисающими сзади концами, украшенными медными подвесками в виде фигурок рыб, «коньков» и пр. [Зуев 1947, с. 27]. Говорилось также о «покроях» из сукна, длиной до колен, которые привязывались к косам [Паллас 1788, с. 52]. На наш взгляд, здесь речь идет все же о тех же ложных косах. П.С. Паллас, кроме того, отмечал обычай носить эти «поясы с нарядом» на специальном венчике из сукна в том случае, если своих волос было мало [Там же]. Именно таким образом, прикрепляя к специальному наголовному валику, носили ложные косы остячки, если натуральные косы были уничтожены паршой, что не было редкостью.

Женщины южных хантов и манси украшали косы подвесками и лентами из бисера, нашитого на ткань или нанизанного в виде ажурных сеток. Эти украшения вплетались в косу с помощью шнурка и висели ниже кончиков кос в виде кистей. Бытовали у южных угров и косники, близкие по форме кетским, – в виде узкой расшитой бисером ленты с бисерными же кистями на концах. Средняя часть косника помещалась на затылке, затем два конца вплетались в косы, а кисти свисали ниже кончиков кос (рис. 1).

У восточных хантов женщины вплетали в концы кос косоплетки и ленты, соединяющие косы. Косоплетки заканчивались тремя низкими бисера и старинными бронзовыми жетонами [Лукина 1985, с. 61].

Из головных украшений следует отметить налобные повязки *саравать*, которые носили южные ханты: и женщины, и девушки. Повязка представляла собой узкую полоску ткани или холста с тесемками по бокам, которые завязывались на затылке. К лобной части прикреплялась полоска поднизи из цветного бисера с геометрическим орнаментом, шириной около 6 см (МАЭ, № 581–4, 1965–12, 2417–3). Эта часть украшения, спускавшаяся на лоб, была видна из-под накинутого на голову платка. У манси в прошлом, как отмечает Е.Г. Федорова, существовало и назатыльное женское украшение, сходное с назатыльным украшением марийцев [Федорова 1978, с. 105–106].

Об ушных украшениях хантов и манси приведем следующие сведения. Судя по литературным источникам, бытовали они весьма широко. Покупные и самодельные серьги носили женщины и девушки, причем на Агане носили одну серьгу в левом ухе [Лукина 1985, с. 62]. Единственное замечание о достаточно ранних формах хантыйских серег, относящееся к XVIII в., принадлежит А.И. Андрееву: «А в ушах серьги серебряные и медные большие» [Прыткова 1953, с. 207]. Позднее в литературе неоднократно упоминались серьги в виде длинных, спускающихся на плечи бисерных низок с

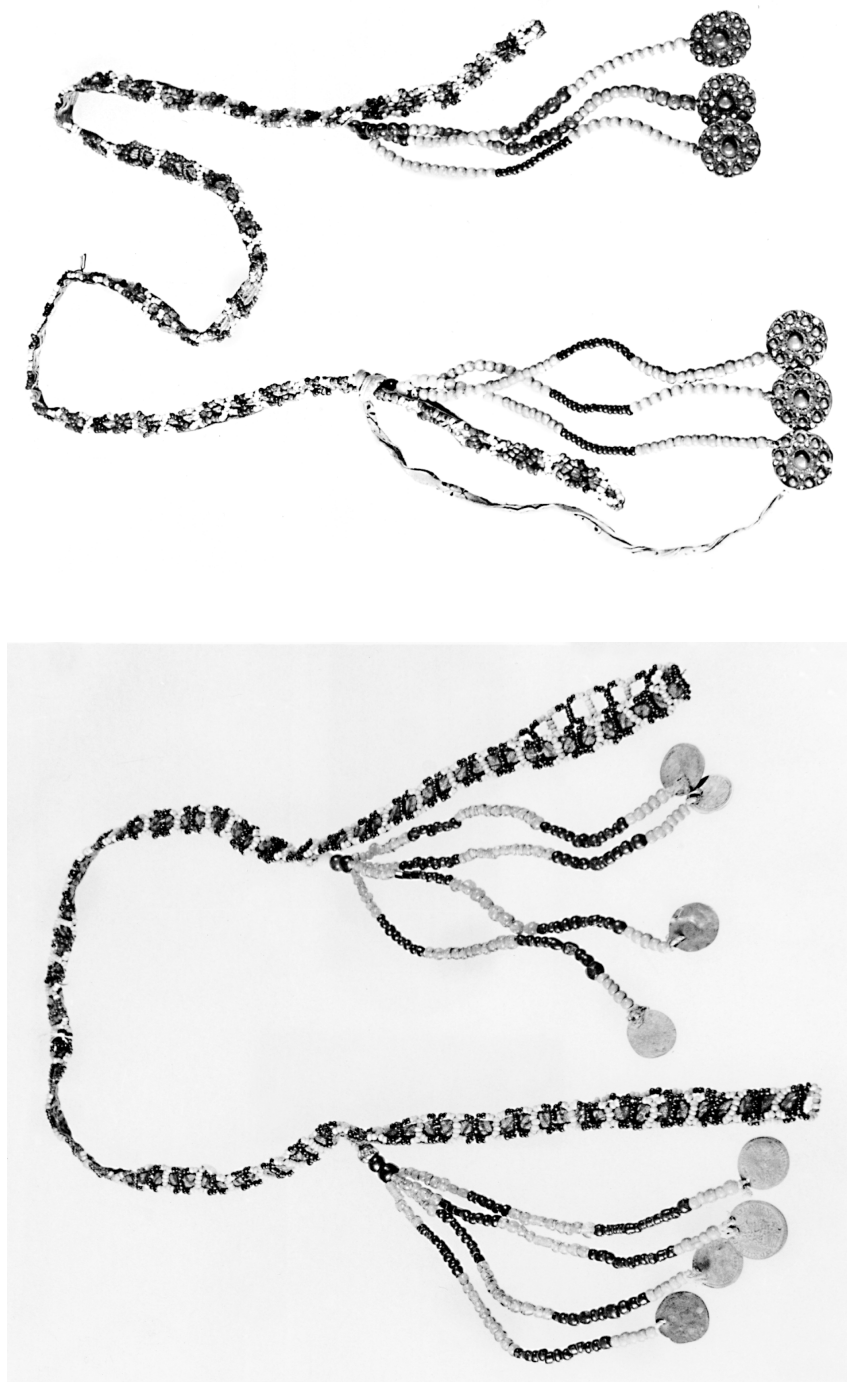

Рис. 1. Накосные украшения. Хангы (МАЭ № 51 1-140, МАЭ № 5093-7).

Рис. 2. Нагрудное украшение. Ханты. МАЭ № 5093–5.

жетонами на концах. В мочку уха они вдевались с помощью металлического крючка. У северных хантов серьги часто соединялись между собой цепочкой или низкой цветного бисера, свисающей на грудь (МАЭ, № 5093–11 – ханты, р. Нарым). Широко распространены были медные покупные кольцеобразные серьги [Малиев 1872, с. 8].

Своеобразен набор нагрудных украшений хантов и манси. Основной материал для их изготовления – бисер, которым или плотно зашивалась ткань основы, или он нанизывался на сухожильные нити в виде ажурной сетки. В меньшей степени использовались металлические детали. В основном это были жетоны и монеты, а также колокольчики, наперстки, пуговицы, подвешенные к кончикам кисточек, бахромы на нижнем крае украшения. Обращает на себя внимание тот факт, что основной материал и приемы изготовления наушных украшений совпадал с материалом и приемами изготовления накосных украшений хантов и манси южного ареала расселения.

Специфические нагрудные украшения хантов и манси достаточно подробно рассмотрены в работах Н.Ф. Прытковой «Одежды хантов» и Н.В. Лукиной «Формирование материальной культуры хантов». В последней работе выделены два типа и в каждом из них два варианта шейно-нагрудных украшений восточных хантов. Эта классификация и использована в настоящей статье для описания шейно-нагрудных украшений обских угров.

Первый тип украшений представляет собой полукруглый или серповидный кусок плотной ткани или ровдуги, зашитый плотными рядами бисера, пуговиц, повторяющими форму основы, к концам украшения пришиты завязки. Украшение располагается вокруг шеи и закрывает верхнюю часть груди (рис. 2).

Описывая украшения такого типа, Н.В. Лукина добавляет, что от «нижнего края украшения отходит ажурная сетка из снизок бисера с крупными бусами в местах перекрещивания» [Лукина 1985, с. 231]. В экземпляре, принадлежащем МАЭ (№ 5093–5), сетки нет.

Такой тип шейно-нагрудных украшений бытовал у васюганско-ваховских хантов. У сургутских хантов Н.В. Лукина отмечает другой вариант этого же украшения, трактуемый ею как развитие уже описанного типа. Оба варианта имеют одинаковую форму, но у сургутских хантов бисер не нашивался на основу, а нанизывался в виде ажурной сетки [Там же]. Подобные украшения были распространены также на Казыме по названию *саппыл'лак* – «шейное кольцо» [Прыткова 1953, с. 208]. В целом описанный тип украшений в двух его вариантах был характерен для восточных хантов, хотя распространен был шире – у северных хантов, а также у северных манси.

Второй тип шейно-нагрудных украшений имел совершенно иную форму. В своей основе это была узкая полоска ткани (длиной 90–140 см), перекинутая через шею так, что концы украшения свободно свисали на грудь (рис. 3).

Рис. 3. Нагрудное украшение. Ханты. МАЭ № И-1457–32.

Первый вариант этого типа украшения – то, что в литературе обычно называют «воротником» (у южных хантов – *рох*). Это двухслойная полоса материи (нижний слой из холста, верхний – из сукна темного цвета, как правило черного). Полоса расшита цветным бисером, орнамент геометрический. Свободной или менее плотно расшитой остается только самая середина полосы, приходящаяся на шею сзади. Концы полосы обязательно акцентировались, обычно рядом крупных бусин. Это и есть «стоячий воротник». К его концам с изнанки пришивались лопасти из ажурной бисерной сетки. Они могли быть шире или уже «воротника», но обе части украшения – «воротник» и лопасти – четко отделялись друг от друга (МАЭ, № 581–2, 1965–10, 2709–8) (рис. 3). Такой вариант украшения имел широкое распространение у южной группы хантов. В восточно-хантыйских и северо-хантыйских украшениях этого рода часто использовались металлические монеты, бляшки, которые «вписывались» в бисерные орнаменты (МАЭ, № 859–23). У казымских хантов широкие ажурные лопасти примечались в середине и по краям изделия к плотным кускам кожи, образующим изнанку. Для того чтобы лопасти сохраняли форму, к кожаной изнанке часто прикреплялось еще дополнительно несколько палочек-распорок (МАЭ, № 2385–75/2).

Второй вариант отличался от первого отсутствием плотного стоячего «воротничка». Это полоса ткани, плотно расшитая бисером (свободной оставалась только околошейная часть), к концам которой прикреплялись бисерные ажурные лопасти, иногда также наложенные на подкладку из ткани. В середине длины и на концах лопасти соединялись между собой узкими бисерными сетками-перемычками (МАЭ, № 2417–4), а также часто украшались свободно свисающими по бокам узкими бисерными сетками, низками бусин с кисточками или металлическими жетонами на концах (МАЭ, № 823–2). Некоторые экземпляры имеют внизу широкую бисерную сетку, соединяющую концы украшения так, что получается род прямоугольного нагрудника (МАЭ, № 1965–11) (рис. 4).

Украшения такой формы зафиксированы у нижнесосьвинских манси под названием *mal' soups*. Оно состоит из двух деталей: охватывающей шею узкой суконной расшитой бисером полосы на подкладке из хлопчатобумажной материи и пристегивающегося к ее концам прямоугольного куска сукна в виде нагрудника. Этот нагрудник покрыт ажурной бисерной сеткой и имеет разрез посередине, края которого соединяются при помощи петли и пуговицы [Федорова 1978, с. 205].

У сургутских хантов для украшения поверхности лопастей, спускающихся на грудь, использовались оловянные бляшки в виде четырех, соединенных между собой окружностей. Этими бляшками заполняли центральную часть полос, по краям окаймляя их бисером. Сбоку к полосам прикреплялись по две длинные низки цветного бисера и бусин с металлическими круглыми подвесками и концентрическими выпуклыми окружностями на концах (МАЭ, № 859–24).

К перемычке, соединяющей нагрудные лопасти украшения, на определенном историческом этапе стали прикреплять металлический православный крест, после чего украшение получило название *пэрна пыцэт* – «крест-

Рис. 4. Нагрудное украшение. Ханты. МАЭ № 1965-11.

ожерелье». Оба варианта украшения (*рох* и *пэрна пыңэт* (хант.), *палсак и турлопс* (манс.)) носили одновременно, причем *пэрна пыңэт* надевались поверх *рох* (МАЭ, опись коллекции № 581).

У хантов существовало также украшение в виде двух узких полосок бисерной сетки. Верхние концы этих полосок связывались, а нижние свободно свисали на грудь (МАЭ, № 2383–80 а, в).

По материалам Н.В. Лукиной, у восточных хантов была и нагрудная перевязь: «Женщины на Васюгане носили поверх платья еще какое-то украшение в виде полосы с нанизанными пуговицами и бляшками, проходящей по верхней части груди наискось от левого плеча под правую руку (известно по фотографиям)» [Лукина 1985, с. 232].

Описанные нагрудные украшения часто дополнялись несколькими низками бус разной величины и цвета. Бытовали также ожерелья из металлических колокольчиков, крестиков и др. [Шухов 1916, с. 49].

Своеобразные виды нагрудных украшений южных хантов исчезли вместе со старинной одеждой в 20-е годы XX столетия. Только у казымских хантов продолжало бытовать полукруглое бисерное украшение *сапыл'лак* [Прыткова 1953, с. 208]. Напротив, манси, по сведениям Е.Г. Федоровой, традиции изготовления *палсак* и *турлопс* сохранили до наших дней [Федорова, 1988, с. 88-95].

Предположительно у народов Западной Сибири можно выделить еще один тип шейно-нагрудных украшений, отличный от вышеописанных. Это металлическая серповидная пластина с простым штампованным орнаментом (МАЭ, № 5542–51). В коллекциях Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета имеется более сложный вариант этого украшения. В описи этническая принадлежность этого украшения зафиксирована как «нарымские остяки», т.е. оно могло принадлежать хантам или селькупам. «Медная узкая пластинка в виде дуги (длина 11 см) имеет продольный вырез и украшена штампованным орнаментом: точками, полосами, полукружьями. На нижней стороне пластинки – девять ушек. К ним прикреплены пять круглых бляшек (диаметром 2.5 см) из матового металла в виде розеток. К двум крайним блям подвешены на больших ушках еще две одинаковые бляхи (диаметром 2.8 см) с изображением животного (лошади или дракона). По наружному краю они украшены лапчатыми зубцами. К центральной из пяти блях подвешена медная пластина (диаметр 3 см) в виде штурвала, с лицевой стороны украшенная отходящими от центра лучами» [Каталог этнографических коллекций... 1979, с. 281].

Излюбленным украшением рук были кольца. Мужчины и женщины носили простые гладкие кольца из меди, реже олова (МАЭ, № 5542–106, 114; РЭМ, № 1708–58/5). Встречались также несложной работы перстни со вставками из перламутра, стекла, кольца-печатки (РЭМ, № 1708–59/4, 60, 61, 62 – из погребений). Кольца и перстни были покупными и самодельными.

Хантыйские женщины носили кольца на всех пальцах рук, плотно нанизывая их до первого сустава (рис. 5). [Прыткова 1953, с. 208.] У восточных хантов девушки и женщины носили кольца на указательном, сред-

нем и безымянном пальцах, обычно надевая по несколько штук на один палец. Предпочтение отдавалось простым гладким кольцам из серебра или белых сплавов [Лукина 1985, с. 63]. Так же носили кольца манси. Общее количество колец на пальцах могло достигать 20–25 штук [Шухов 1915, с. 49]. Этот способ ношения колец может быть связан с бытованием спиральных перстней, которые существовали на территории западной части Волго-Обского междуречья со второй половины 1-го тысячелетия н. э. [Розенфельд 1982, с. 91–93].

Рис. 5. Женщина. Ханты. МАЭ № 2421–127.

Другая группа наручных украшений – браслеты – представлена только одним видом. Это детские браслетики в виде замкнутой низки бисера, бусин или полоски, сплетенной из бисера [Лукина 1985, с. 63]. Такие браслетики-обереги надевали на руку новорожденного ребенка [Федорова, 1988, с. 85].

Кеты, селькупы. У кетов девочкам и мальчикам до 8–10 лет волос не заплетали. С распущенными волосами ходили вдовы, вдовцы и глубокие старики. После достижения указанного возраста и девочкам и мальчикам заплетали волосы в одну косу, а позже (предположительно – в качестве определенного дополнительного возрастного знака) в косу вплеталось украшение *думс'ут* [Алексеевко 1988, с. 23]. Это узкая ровдужная полоска с пуговицей на верхнем конце, который вплетался в косу. Нижний конец полоски представлял собой кисточку из трех ремешков, на которые нанизывались бисер, бусы, металлические трубочки-пронизки. Кисточка косника висела ниже кончика косы. *Думс'ут* по форме похож на обереги/подвески, которые прикреплялись на спинку детской одежды [Там же, с. 21]. Замужние женщины носили двухкосную прическу и соответствующее ей украшение *тыдан*. Оно представляло собой длинную полосу материи или ровдуги, более широкую в средней части и суживающуюся к концам. Средняя широкая часть, украшенная бисерным орнаментом, располагалась на затылке между косами. Далее концы вплетались в косы. У концов кос украшение соединялось перемычкой, также украшенной бисером. Ниже концов кос висели бисерные кисточки с металлическими кольцами на концах [Алексеевко 1967, с. 149–150].

Замужние селькупки носили две косы, но никаких украшений на них не было. Девушки вплетали в косы цветные лоскутки, к концам привязывали бляхи, бусы, бубенчики [Народы Сибири... 1956. с. 676].

В коллекциях РЭМ и МАЭ нет материалов по другим группам украшений кетов и селькупов. Е.А. Алексеевко отмечает, что кеты носили покупные серьги и кольца, но большого распространения они, так же, вероятно, как и другие украшения, не имели в виду бедности народа [Алексеевко 1967, с. 150]. Мужчины-селькупы иногда носили в ушах одну-две серьги [Народы Сибири... 1956. с. 676] Кетские мальчики при необходимости в качестве оберега носили одну серьгу [Алексеевко 1967, с. 150].

Нганасаны, энцы. Мужчины и женщины носили две косы. Но у женщин двухкосная прическа была более сложной: две пары дополнительных маленьких косичек заплетались на лбу у начала пробора и у верхнего края ушей, а затем вплетались в основную косу [Попов 1958б, с. 117]. Металлические подвески *кубын*, прикрепляемые к косам, были одинаковы у мужчин и женщин. Это распространенные по всей Западной Сибири бронзовые ажурные с рельефным рисунком бляхи круглой и ромбовидной формы. Женщины украшали косы и подвесками из медных пуговиц, вдеваемых в косу в двух-трех местах. К ушку пуговиц на ремешке подвешивались медные пластинки с прорезями, мелкие серебряные монеты. Подвесками могли служить отдельные бусины и разнообразные случайные предметы, понравившиеся женщине [Там же].

Данных о прическах энцев в литературе не было обнаружено. Видимо, для женщин была характерна обмотка волос по типу ненецкой (Ф. № 1210–33), а мужчины стриглись коротко.

У нганасан бытовало специальное девичье наголовное украшение *сай-миди*, [Прыткова 1970, с. 82], которое символизировало достижение совершеннолетия. Это украшение вместе с нарядной одеждой из красных, черных и белых сукон и шапкой с высоким султаном одевалось на праздник «Чистого чума», на свадьбу, а также входило в комплекс погребальной одежды. Оно представляло собой венец из украшенной гравировкой узкой медной пластинки, которая закреплялась на затылке короткими ровдужными ремешками. Лобная часть украшалась полоской ровдуги, прикрепленной изнутри к обручу, с бисерной вышивкой на выступающей из-под венца части. У висков подвешивались два медных кольца с прикрепленными к ним несколькими низками бус и парой медных серповидных пластинок. Несколько низок бус соединяли кольца между собой и спускались на спину, другие свободно свисали на грудь. Медные пластины ровдужными ремешками закреплялись под подбородком. Венец мог быть также обтянут сукном или ровдугой, расшитой несколькими рядами бисера. В качестве височных подвесок широко использовались медные ажурные пластины различной формы, подвешенные на ровдужных ремешках [Попов 1958б, табл. 34–35]. Иногда височные подвески делались из полосок окрашенной в красный цвет ровдуги, обшитой по краям белым подшейным оленьим волосом. В этом случае по всей длине подвесок прикреплялся ряд медных выпуклых пуговиц «с орлами», ушки которых на изнанке закреплялись продетым в них ровдужным ремешком. Нижние концы полосок завершались тонкими ровдужными ремешками с нанизанными на них бусинами и медными подвесками (МАЭ, № 6628–10–12).

Энецкие головные украшения этого вида аналогичны нганасанским. Один из энецких венцов имеет подвески в виде цепочек, замкнутыми дугами свисающих на спину и на грудь (МАЭ, № 4920–3) (рис. 6). Помимо металлических венцов у нганасан были и венцы из кожи [Прыткова 1970, с. 82].

Сведения об ушных украшениях нганасан и энцев отсутствуют. В РЭМ имеется единственный экземпляр ушной подвески, принадлежавшей вадевским самоедам (нганасанам или энцам), в виде маленькой бочкообразной трубочки-пронизки из кости (РЭМ, № 1360–13).

У нганасан и энцев было два основных вида шейно-нагрудных украшений.

Первый вид в коллекциях МАЭ представлен несколькими предметами. Это *сими (сейми)* – небольшое украшение (примерно 5 x 6 см) близкой к полуовалу формы. Основа из ровдуги, на которую нашит такой же по размеру кусочек красного сукна, украшенный concentрическими рядами разноцветного бисера и медных цепочек. Центральная часть украшения свободна от бисера. Здесь пришита круглая металлическая пластина с двумя ушками. Украшение носится на шее на двух ровдужных ремешках (№ 6628–3).

Подробные сведения о характере этого украшения приводит Г.Н. Грачева. Она отмечает, что нганасаны обоего пола, но чаще женщины носили на шее украшение в виде небольшого мешочка или мешочка, зашитого со всех сторон и расшитого разноцветным бисером. В центре его обычно при-

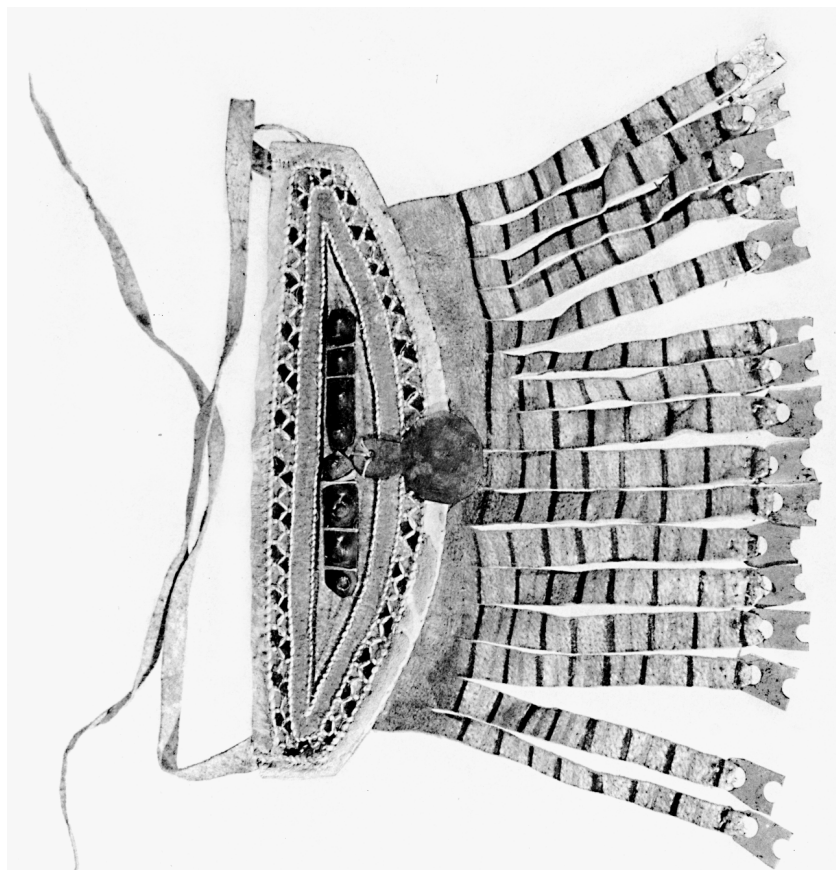

Рис. 7. Нагрудное украшение. Нганасаны.
МАЭ № 6365-11.

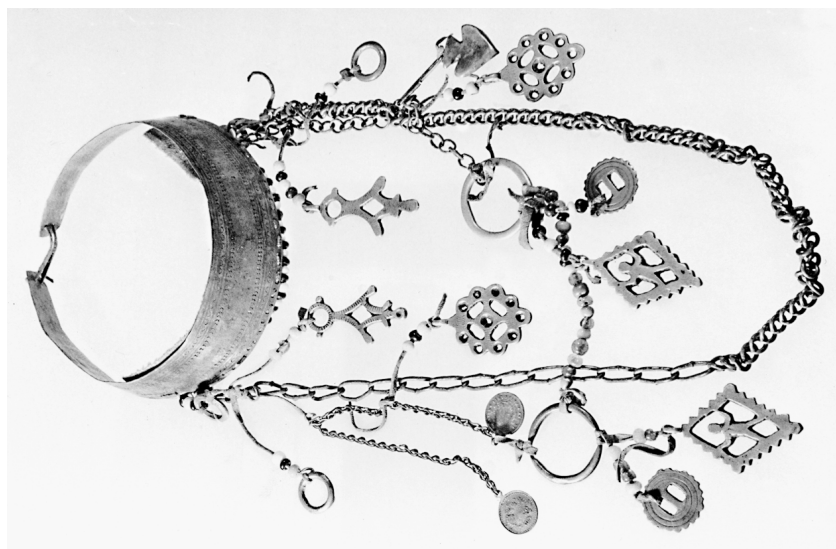

Рис. 6. Венец. Энцы. МАЭ № 4920-3.

шивали или граненый камешек от современного кулона, или красивую пуговицу, или другой округлый блестящий предмет. Это украшение, весьма древнего происхождения, встречается и поныне. К сообщению А.Ф. Миддендорфа о том, что один из нганасан, посетивших его, носил на ремне, завязанном вокруг шеи «крошечный мешочек, наполненный золою особого рода», Г.Н. Грачева добавляет, что, вероятно, это была зола очага чума [Грачева 1976, с. 65]. Несколько украшений подобного рода привез в МАЭ А.А. Попов (МАЭ, № 5657–468–473). Он называл их «амулетами духа огня» (*сими* – «уголь»). У него же находим замечание, что «койка огня» делали из раздвоенного сучка дерева [Попов 1984, с. 68]. Вероятно, об этом же амулете речь идет, когда А.А. Попов описывает амулет из веточки тальника, сорванной весной, обугленной и зашитой в «маленькую сумочку из кожи, украшенную шитьем из подшейного оленьего волоса и бисера» [Там же, с. 62]. *Сими* или *тусе* (энецкое «огня сердце») обязательно надевали на покойника, чтобы он не заблудился по дороге в землю мертвых. Вместо этого употребляли также *дялы* («солнце-койка» или «день/свет-койка») – металлическую круглую подвеску или металлическое зеркало [Грачева 1977, с. 222, 225]. *Дялы* надевали на шею или пришивали к погребальной одежде мужчинам, женщинам и детям. С этой же целью на пальцы старались одеть побольше металлических колец. Считалось, что металлические украшения освещают дорогу. Чем больше их, тем легче идти [Грачева 1976, с. 65].

Близкую к *сими* форму имеет другое женское нагрудное украшение несколько больших размеров, сделанное из оленьей шкуры мехом внутрь (МАЭ, № 6356–11) (рис. 7). К нижнему краю этого украшения пришит кусок ровдуги, нарезанный в виде бахромы с металлическими подвесками на концах. В середине полуовала пришиты две медные пластинки с четырьмя выпуклостями каждая и медная подвеска, по форме напоминающая теннисную ракетку. Все это заключено в рамку из черных и красных линий и декоративного шва подшейным оленьим волосом. Ровдуга окрашена в красный цвет, а медные нашивки обшиты строчкой и обведены графитом. На бахрому нанесены красные и черные поперечные полосы. Это украшение по своей форме, а также по расположению декоративных деталей имеет много общего со следующим видом нганасанских нагрудных украшений.

Второй вид представляет собой серповидную металлическую (обычно медную) пластину, такую же, как пришивалась на нагрудную часть женского ровдужного комбинезона.

У энцев это нагрудное украшение *деридэку* в виде медного орнаментированного штампованным рисунком полумесяца *бэко*. Под металл подложен кусочек оленьей шкуры мехом внутрь («чтобы не мерзла шея», как сказано в описи). На нижнем краю шкуры на жильных нитях с нанизанными бусинами семь медных подвесок различной формы (МАЭ, № 4920–4) (рис. 8). Это украшение женщины одевали на праздник «Чистого чума», в день свадьбы; в нем же их хоронили.

Серповидные пластинки входили как составная часть и в ожерелья. Вместе с ними на ремешок нанизывались колокольчики, пуговицы, бусины и другие предметы (МАЭ, № 1347–96/5). Такие ожерелья обычно носили на шее дети [Грачева 1989, с. 49].

Руки украшали простыми металлическими кольцами и браслетами. У энцев встречались браслеты из латунной пластины в форме вытянутого овала с прорезанной в средней части горизонтальной щелью. Края украшались простой гравировкой, насечкой (МАЭ, № 5703–8, 9).

Эвенки, эвены. Мужчины обычно стриглись коротко, но порой отращивали длинные волосы и тогда завязывали их на затылке. Все забайкальские эвенки плотно обматывали пучок волос орнаментированной ровдужной лентой или тесьмой [Василевич 1969, с. 135]. Сведения о женских прическах и накосных украшениях скудны и весьма неопределенны. Вагнер сообщал: «Они имеют красивые длинные волосы, которые лица обоего пола не сплетая связывают близко к голове. Богачи, т.е. те, которые владеют многими животными, поверх ленты для волос, сделанной из оленьих жил, повязывают низку раскрашенных бус. Над ушами волосы висят во всю длину, они их не завязывают как венгры в узлы, а заплетают их бусами, так что они похожи на серьги» [Зиннер 1968, с. 229]. Бэлл описывает женскую прическу следующим образом: «Их длинные черные волосы заплетены и уложены вокруг головы» [Там же, с. 53]. Видимо, у разных групп эвенков прически различались. Известно, например, что у забайкальских скотоводов девушки заплетали волосы во множество косичек, а женщины – в две. Наиболее распространенной женской прической была двухкосная. Косник для двух кос представлял собой прямоугольный кусок кожи, плотно зашитый бисерным дугообразным орнаментом. Такой косник имел вид довольно широкой и короткой, вертикально висящей ленты. Нижний торец ленты был украшен бахромой с металлическими подвесками или кисточками из лоскутков ткани. К верхним углам пришивались тесемки, вплетавшиеся в косы. У девушек бытовали косники в виде кистей из низок бус, соединенных медными кольцами. Верхний конец такого косника с помощью кожаной тесемки вплетался в косу.

Головные украшения представлены венцом и девичьей повязкой, которые являлись частью ритуального костюма. Венец (*элдэн, шэргами*) представлял собой охватывающую голову полоску ровдуги, к которой пришивались перекрещивающиеся и завязывающиеся под косой на затылке дополнительные полоски, так же, как и основная, плотно зашитые бисером. На висках к венцу прикреплялись петлей ровдужные ремешки с нанизанным на них крупным литым бисером [Василевич 1969, с. 140]. Такие же височные подвески имела и головная девичья повязка (*дэrbэки* – забайк., верхнеамурск.), отличавшаяся от венца отсутствием завязывающихся на затылке перекладин. Она также делалась из узкой полосы ровдуги, плотно зашитой бисером. К лобной части прикреплялись металлические литые подвески (МАЭ, № 27–23) (рис. 9). У эвенков-орочонов *дэrbэки* делалась также из хлопчатобумажной ткани, бархата, украшалась бисером, мелкими пуговицами, металлическими бляшками (МАЭ, № 1783–3, 2649–36).

В коллекциях по эвенкам имеются серьги двух типов. Первый (*шека, шекан*) представляет собой ровдужный ремешок с нанизанным на него бисером и бусинами, с подвесками из жетонов и монет внизу. В ухо продевался верхний конец ремешка (РЭМ, № 1210–76, 4871–188 а/2, в/2). Иногда

Рис. 8. Нагрудное украшение. Энци. МАЭ № 4920-4.

Рис. 9. Головная повязка. Эвенки. МАЭ № 27-23.

ремешок заменялся жильной ниткой, которая также продевалась в ухо и завязывалась кольцом (РЭМ, 4871–190/2).

Второй тип – заимствованные, видимо, у якутов серьги из металла в виде кольца, часто с гравировкой, и якутского типа подвесками (МАЭ, № 5530–191, 122; РЭМ, № 853–6а, в).

У эвенов также были подвески из бусин, нанизанных на ремешок (МАЭ, № 445–13) (рис. 10) и заимствованные серьги, напоминающие серьги народностей Амура, в виде проволочного кольца, один конец которого отогнут вниз и на него нанизана бусина. Под бусиной проволочка согнута петлей и обмотана спирально вокруг основания. Сделаны такие серьги очень грубо (МАЭ, № 445–11).

Несколько коллекционных предметов относятся к эвенкам-орочонам. Это уже описанные выше ушные подвески из тонких ровдужных ремешков с бусинами, пуговицами, монетами или жетонами на концах (МАЭ, № 1855–44/2, 46/2, 47). Часто монета заменялась подвеской от якутской серьги (МАЭ, № 1854–138; 1855–45). В некоторых случаях ремешок заменялся грубо сделанным из металлической проволоки ушком в виде петли, вопросительного знака, s-образной формы (МАЭ, № 1854–136; 1855–48). Изогнутая кольцом проволока сама по себе могла служить серьгой (МАЭ, № 1854–48).

Небольшую сережку в ухе носили мужчины, страдавшие головной болью [Линденау 1981, с. 56].

Сведения о шейно-нагрудных украшениях тунгусов очень скудны. Помимо субъективных факторов это, вероятно, связано с тем, что сложных специальных украшений, отдельных от нагрудника, уже не существовало. Их заменила украшенная верхняя часть нагрудника, которую Г.М. Василевич рассматривала как пережиток древнего металлического нагрудного украшения, подвешивающегося когда-то к шее [Василевич 1969, с. 134].

В коллекциях МАЭ есть несколько экземпляров тунгусских нагрудных подвесок. Одна из них представляет собой ровдужный ремешок, на который нанизаны крупные разноцветные стеклянные бусины. Посередине низки подвешена чуть выпуклая крупная медная бляха (МАЭ, № 445–7, 8 – эвены). К другому аналогичному украшению на отдельном ремешке прикреплена еще и кисточка. У основания кисточки – крупная граненая бусина, а сама кисточка сделана из нарезанного полосками и обшитого красной тканью ровдужного ремешка с мелкими черными и красными бусинами на концах (МАЭ, № 445–8) (рис. 11). Очень архаично выглядит ожерелье из ровдужного ремешка, на который по всей длине нашиты (как бы нанизаны трубочками) чередующиеся кусочки кожи и ровдуги темного и светлого цвета. На ремешок кроме того нанизаны маленькая черная бусина, медное кольцо и медная с выпуклыми ободками трубочка-пронизка (МАЭ, № 445–9). Это ожерелье напоминает украшения XVIII века, описанные И.Г. Георги: «Некоторые носят около шеи узкие ремешки из пронизок, покрывающие несколько грудь» [Цит. по: Василевич 1969, с. 134].

Из украшений других типов следует назвать гривну, о которой в качестве девичьего украшения упоминает Я.И. Линденау: «Вокруг шеи носят кольцо из желтой меди – аркчон» [Линденау 1981, с. 57]. Согласно сноске,

Рис. 11. Ожерелье. Эвены. МАЭ № 445-8.

Рис. 10. Серьги. Эвены. МАЭ № 445-13.

здесь речь идет либо о пеших эвенках Охотского побережья, либо об особой группе эвенов. В фондах МАЭ есть бронзовая гривна, этническая принадлежность которой не вполне ясна: это либо ламуты, либо юкагиры (МАЭ, № 904–2).

На руках эвенки и эвены обычно носили покупные кольца и перстни, приобретая их у якутских и русских торговцев.

В литературе нет упоминаний о браслетах, видимо, они были мало распространены. В МАЭ есть лишь простой браслет из круглой в сечении латунной проволоки, сомкнутой кольцом (МАЭ, № 2650–26 – ороконы).

Юкагиры. По данным В.А. Туголукова, юкагиры украшали свои прически следующим образом: «Мужчины заплетали волосы в косу, к которой привязывали железную бляшку или несколько ниток бисера, молодые женщины и девушки – во множество косичек, к которым подвешивали медные кольца, нитки жемчуга» [Туголуков 1979, с.90]. Если опираться на это свидетельство о девичьем многокосье, то на фотографиях из иллюстративных коллекций МАЭ, а также на фотографиях, опубликованных В.И. Иохельсоном, мы видим женские прически из двух кос. Женские накосные украшения, которые мы здесь видим, представляют собой в одном случае бисерную ленту, концы которой вплетены в косы, а середина свободно дугой свисает между ними; в другом случае это широкая вертикальная лента, нижний конец которой украшен бахромой, а верхний раздваивается и вплетается в концы кос, соединяя их между собой. Такое накосное украшение аналогично эвенкийскому.

Судя по фотографиям В.И. Иохельсона, у юкагиров были распространены те же типы серег, что и у тунгусов. Есть серьги из ремешка или жильной нити с нанизанным бисером, с металлическими жетонами или монетами на концах (МАЭ, № 4404–23/б). Бытовали и серьги якутской работы (МАЭ, № 4404–210б). Серьги носили и женщины, и мужчины, хотя последние чаще носили одну серьгу.

Мало сведений о шейно-нагрудных украшениях юкагиров. В «русский период», как известно, они носили одежду тунгусского образца, украшения, видимо, были того же типа. Об украшениях юкагиров и ламутов нижней Колымы А.Э. Кибер сообщал следующее: «Бляха серебряная или медная, довольно толстая, величиной почти с чайное блюдце, покрывает грудь. Она бывает литая и украшена изображением разных животных, а более лошади» [Кибер 1824, с. 31–33]. Юкагиры называли такую бляху «грудным солнцем». Киберу говорили, что такие бляхи на месте «не делаются, а переходят из рода в род по наследству» [Туголуков 1979, с. 90]. Аналогичные украшения из металла пришивались на нагрудник или подвешивались к шее и у эвенов. Об этом говорят относящиеся к XVIII в. наблюдения Д.Г. Мессершмидта, И.Г. Георги [Василевич 1969, с. 140]. Г.М. Василевич предположительно относит эти украшения к комплексу обрядового костюма [Там же]. Между тем у юкагиров могли быть и свои специфические украшения из металла, вероятно, утраченные в какой-то исторический период. В пользу этого предположения говорят архивные данные об обработке серебра юкагирами в XVII в.: «В огонь де оне то серебро кладут же, в том де они серебре делают круги серебряные и по вороту – де у себя кругом обвешивают» [Там же].

ваются» [Иванов 1966, с. 160–161]. Из текста не ясно, о каком украшении идет речь. Ф.М. Зыков предполагает, что это специфическое юкагирское украшение, которое представляет собой род ожерелья [Зыков 1976, с. 15]. В то же время это может быть и уже упомянутое «грудное солнце».

Чукчи, коряки, эскимосы. У палеоазиатов был единый в целом комплекс украшений.

Мужчины волосы подстригали, причем часто таким образом, что часть волос выстригалась коротко, а часть оставалась более длинными. Женская прическа – две косы. Девушки заплетали косы от висков, женщины – ближе к затылку. Накосные украшения чукотских, корякских, эскимосских женщин, которые носили и тундровые юкагиры, В.И. Иохельсон описывает следующим образом: это украшение состоит из нитки бус с двумя большими пуговицами на концах кожаного ремня с подвесками на затылке, иногда задняя часть делается только из металлической цепочки без ремня [Jochelson, 1905, p. 603–604.].

Рис. 12. Эскимоска. № И-115-96.

На иллюстрации видны и другие детали украшения. «Кожаный ремень» на затылке имеет овальную вытянутую форму и расшит бисером, подобно затылочному украшению ложных кос народностей Западной Сибири. Низка бус, соединяющая концы затылочного украшения, спускается на грудь [Ibid, Plate XXXVI; P. 603, fig. 129]. Распространены были также косники в виде нескольких длинных низок бисера, прикрепленных к вытянутому треугольному кусочку ровдуги с нанизанной на него металлической пуговицей (рис. 12). Ровдужная полоска выше пуговицы вплеталась в косу (АМЕИ, № 70/6628а, в, 70/7780а, в – чукчи). Помимо низок бисера и бусин, часть из которых спускалась на грудь в виде ожерелья, в косы вплетались отдельные бусины, пуговицы и пр. [Слюнин 1900, с. 382].

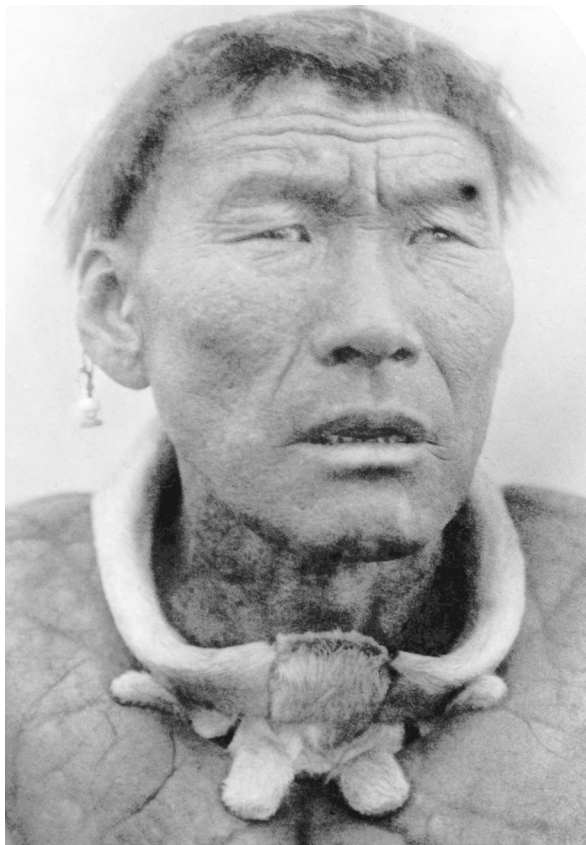

Рис. 13. Коряк. МАЭ № 4404–21 а.

Чукчи и эскимосы носили серьги из ровдужного ремешка с нанизанным на него бисером. Часто несколько низок бисера скреплялись вместе, образуя кисть. Верхний конец ремешка продевался в отверстие в мочке уха и завязывался узелком (МАЭ, № 1791–58а, в; 59а, в). Подвесками к таким серьгам у женщин обычно служили металлические жетоны, монеты, колокольчики [Вдовин 1973, с. 200]. К наиболее древним В.И. Йохельсон относит веретенообразные подвески для серег из песчаника, а позднее – вырезанные из кости, иногда украшенные линейным орнаментом, той же формы, что и каменные [Jochelson, 1905, р. 610]. Такие подвески или привязывались маленькой ниткой, или на-

девались на медное колечко, которое вдевалось в ухо. Такие же колечки часто прикреплялись для вдевания в ухо к ровдужным ремешкам. Серьги такого типа носили и мужчины, и женщины. «Оба пола в ушах носят бисер и серьги, полученные от русских» [Лазарев 1950, с. 304] (рис. 13).

Гижигинские кузнецы холодным способом изготавливали серьги из медной или латунной проволоки. Серьги делались в виде больших колец, украшенных железными или латунными подвесками, бисером, нанизанным на жильные нити. Форма этих серег и способ их изготовления, по мнению В.И. Йохельсона, были заимствованы коряками от амурских народностей, возможно через тунгусов Охотского побережья [Jochelson, 1905, р. 611] (МАЭ, № 441–32/2 – кереки, 4404–14/4 – коряки).

От амурских народностей, возможно, идет и традиция носить по несколько кольцевых серег в одном ухе (Ф. МАЭ, № 4404–201в).

Коллекция МАЭ № 442 демонстрирует различные ювелирные изделия корякских кузнецов, в частности серьги. Часть из них сделана в подражание, вероятно, русским привозным серьгам из медной или латунной проволоки. Верхний конец проволоки загнут крючком для вдевания в ухо, нижний конец раскован в продолговатую пластину, на которую в качестве ук-

рашения наклепаны один или несколько небольших медных кружочков (МАЭ, № 442–6/3, 6/5, 6/7). Иногда к такой серьге подвешивался нанизанный на сухожильную нитку бисер. Делали серьги и из нескольких звеньев с подвесками, в подражание якутским, но очень примитивно (МАЭ, № 442–3–9).

Головные повязки чукчей (*чеутыгэчев*) представляли собой ровдужные ремешки, на которые нашивались пучки оленьего волоса, маленькие раздвоенные кусочки дерева – «деревянные люди» (МАЭ, № 434–490), бусины, пуговицы (АМЕИ, № 70/6631). Последние считались «дополнительными глазами, долженствующими видеть и главным образом отпугивать зловерные существа, если они попробуют приблизиться к владельцу повязки» [Вдовин 1977, с. 143]. Женские повязки часто снабжались височными подвесками в виде кисточек из окрашенной в красный цвет шкуры нерпы, низок бисера (АМЕИ, № 70/6551, 70/6664).

Известна ритуальная повязка в виде ремешка, охватывающего голову, с пришитыми к нему височными подвесками и «султанчиками» над лбом. Височные подвески сделаны в виде кисточек из окрашенной в красный цвет нерпичьей шкурки, а султанчики – из двух круглых палочек, обтянутых белой с коричневыми полосками нерпичьей кожей. Палочки венчают пучки оленьей шерсти (МАЭ, № 422–45). Такие головные повязки вместе с ритуальными камлеями из нерпичьих кишок, по свидетельству В.Г. Богораза, одевали на голову хозяин и хозяйка праздника Кереткуна у приморских чукчей. Причем этот головной убор рассматривался как подражание головному убору самого Кереткуна и его жены [Богораз 1939, с. 200].

Вероятно, такого рода головные повязки использовались и эскимосами во время аналогичного праздника Касака. От приморских жителей с их праздниками, связанными с морским зверобойным промыслом, эта повязка попала к оленным чукчам, где использовалась во время праздника второго убоя оленей [Кузнецова 1957, с. 275].

Весьма своеобразны чукотские ожерелья из кожаного ремешка. Это длинная полоска ровдуги с разрезом, сделанным с отступом от торцов ремешка и делящим его на две равные части. Концы ремешка – передняя и задняя часть ожерелья, голова продевается в прорезь. На концы ремешка нанизывались бусины (АМЕИ, № 70/6551 А), или они нарезались в виде бахромы с бисеринками и мелкими бусинами на концах. Продольные надрезы по длинным сторонам ремешка с нанизанными на образовавшиеся полоски бусинками также образуют род бахромы на ожерелье (АМЕИ, № 70/6621). К ремешку обычно прикреплялся крохотный мешочек для жевательного табака. Н.В. Слюнин отмечал, что такого рода мешочек для курительных принадлежностей, носимый мужчинами на шее, украшался бусами, а иногда вышивался цветными нитками [Слюнин 1896, с. 5]. На ремешок нанизывались разные амулеты: кусочки кожи, маленькие фигурки, вырезанные из моржового клыка, дерева и т.п. В XIX в. все эти предметы обычно заменялись бусинами. На шее носили амулеты, которые В.Г. Богораз определял как «личных защитников». Это фигурки, вырезанные из кости и дерева, монеты, бусины и т.д. Чаще всего их не просто прикрепля-

ли к ремешку, а «носили на ожерелье в маленьком кожаном мешочке» [Богораз 1939, с. 49]. На шее носили и привязанные к ремешку антропоморфные символические изображения предков, вырезанные из кожи, – *кикур* (АМЕИ, № 70/6372). В этом случае предки также выступают в роли личных охранителей [Вдовин 1977, с. 137].

Популярны были ожерелья из бусин, бисера и медных пуговиц, которые носили представители обоих полов (АМЕИ, № 70/7770, 70/7772, 70/7775 и др.).

Ремешки с охранителями носили не только на шее, но и вокруг торса под мышками, а ожерелья – крест-накрест на груди (МАЭ № И 115–96).

Браслеты делались из ремешка с нанизанной на него бусиной, из сухожильной нити с нанизанными на нее бусинами (МАЭ, № 442–7/16), а также из узких полосок ровдуги, расшитых рядами цветного бисера (МАЭ, № 7/12). Чукотские кожаные браслеты имели застежки в виде петли-прорези и костяной пуговицы, сделанной как стилизованное изображение кита, птицы (МАЭ, № 611–93, 94) (рис. 14).

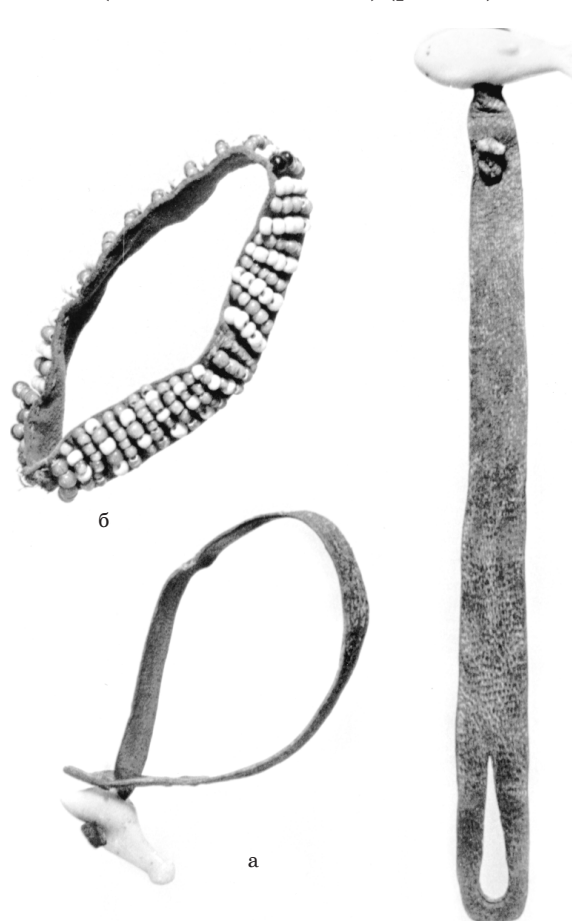

Рис. 14. Браслеты. Чукчи, а – № 611–93, № 611–94. Коряки, б – № 442–7/19.

Корякские кузнецы выковывали металлические браслеты. Женские браслеты (*миннакса*) были круглыми и плоскими, шириной в палец [Вдовин 1973, с. 200]. Делались они из раскованной медной проволоки. Концы в виде спирали разомкнуты. Поверхность орнаментировалась несложным штриховым орнаментом при помощи подпилка. Из полосок железа, раскаленного и скрученного щипцами, делали витые браслеты, концы которых также оформлялись спиралевидными завитками [Jochelson 1905, р. 624–625].

В коллекции № 442 (Кереки) семнадцать металлических браслетов, часть из которых сделана в традиционной для корякских кузнецов манере (МАЭ, № 442–7/2, 7/14). Несколько браслетов – из плоской и довольно широкой пластины белого металла с расширенными (четырёхугольными,

Рис. 15. Браслеты кереки. МАЭ № 442-7/7, 442-7/5, 442-7/6.

округлыми, в виде китовых хвостов) концами. Как правило, у них сквозная прорезь по всей длине браслета и округлые ушки с отверстиями для подвесок на верхней и нижней гранях и концах. Эти браслеты украшены многочисленными звенящими подвесками в виде кулечков, гирек, гвоздиков, треугольников и проч. Третья группа браслетов этой коллекции сделана из звеньев сложенной вдвое и спирально скрученной тонкой проволоочки (МАЭ № 442–7/10, 7/12, 7/13 и др.). Такие браслеты в литературе не упоминаются и не имеют аналогий в остальном коллекционном материале (рис. 15).

Корякские кузнецы делали и простые кольца из латуни (МАЭ, № 442–8/1–11). У палеоазиатов были распространены защитные кольца. Их вырезали из кости и надевали на указательный палец левой руки для защиты от случайного удара при работе молотком и резьбе ножом по дереву (МАЭ, № 422–84/4 – чукчи).

Народности Амура. Маленьких детей стригли, оставляя длинные пучки волос на затылке, над ушами, надо лбом. Распространенное детское украшение – маленькая бисерная розетка, прикрепленная надо лбом к узелку волос [Шренк 1899, с. 90]. Постепенно, годам к десяти, волосы детям отращивали и заплетали в одну или две косы. Обычай предписывал ношение кос и мужчинам, и женщинам. У нивхов, негидальцев, ороков, нанайцев мужчины заплетали одну косу, женщины – две. Ульчи, мужчины и женщины разного возраста, носили одну косу. Удэгейцы и орочи обоюго пола носили по две косы. Есть основания полагать, что отличительным признаком неженатой молодежи были особым образом сложенные косы: коса складывалась по длине в два или три раза и обматывалась тесьмой или шнурком красного (орочи, нанайцы) или черного (ульчи) цвета [Смоляк 1984, с. 90–91; Сем 1973, с. 235]. Есть сведения о специальной многокосной прическе нанайской невесты: с каждой стороны головы заплеталось по три косички, которые затем собирались на макушке и сплетались в одну косу, уложенную вокруг головы [Сем, 1973, с. 235].

Косы украшали разного рода подвесками из низок бус и бисера с металлическими кольцами, бляшками, монетами или нитяными кисточками на концах. Такие подвески прикреплялись к подкладке свернутой косы (под сложенную косу подкладывали «подушечку» из нескольких слоев плотной материи, к углу которой пришивалась длинная тесьма для обмотки) или вплетались в концы кос. Вероятно, в конец косы вплеталось и нивхское девичье украшение на тканевой основе в виде вытянутого треугольника, на лицевой стороне которого были нашиты пуговицы, китайские монеты, металлические бляшки. Тканевую основу имело и нанайское девичье украшение *афи* – вытянутый горизонтально четырехугольник, расшитый бисером, мелкими пуговицами, раковинами каури. К верхним углам крепились завязки, с помощью которых украшение могло крепиться на затылке между косами.

Орочи и удэгейцы носили своеобразную прическу (одновременно украшение), которую следует рассматривать как прямую аналогию ложным косам северных хантов и манси, ненцев. Мужские и женские ложные косы одинаковы. Это затылочное украшение в виде продолговатого куска тка-

ни, расшитого бисером, раковинами каури, пуговицами, к концам которого прикреплялись черные шнуры из ткани, вплетавшиеся в косы, и красные витые шнуры для обмотки кос сверху.

У нанаяк, живущих вблизи устья Сунгари, бытовали налобные повязки *хокту, геду*, которые делались из ткани и украшались в передней, несколько расширенной части нашивками из бархата, цветными кантами, бусинами, бисером, металлическими бляшками (МАЭ, № 344–62), а также раковинами каури, мелкими белыми пуговицами. На затылке такие повязки застегивались с помощью пуговицы и петли [Смоляк 1984, с. 187]. Матерчатые налобные повязки (от головной боли) были известны и нивхам (МАЭ, № 1124–57). У нанайцев встречалась налобная повязка, выполненная в другой технике – в виде узкой плетеной тесьмы с основой из темного конского волоса и утком из нитей коричневого цвета. Эта повязка застегивалась фигурной медной пряжкой с двумя темно-синими камнями (МАЭ, № 344–31).

Низовые нанайцы, возможно, только члены рода ходжер, носили и затылочные повязки *tshaambe*, украшенные стеклянными бусинами. Их застегивали сзади к нагруднику [Там же].

Серьги у народностей Амура – основное украшение. Их носили и женщины и мужчины. Л.И. Шренк отмечал: «Замечательно, что гиляки, олечи, ороки и, насколько мне известно, негидальцы, кроме серег не употребляют никаких других украшений ни для головы, ни для лица» [Шренк 1899, с. 106].

По конструктивным особенностям серьги народностей Амура можно отнести к двум видам.

Первый вид имеет в основе проволочное незамкнутое кольцо. Наиболее простой вариант – это согнутая кольцом серебряная, медная, реже железная проволока. На кольцо могут быть нанизаны один или несколько каменных дисков с отверстием посередине – *сиан* (МАЭ, № 4978–22, 30, 31; 5334–4/У, 6/Ш – негидальцы). Иногда один конец проволоки от кольца был отогнут книзу и на него нанизывалась

Рис. 16. Нивх. МАЭ № 2446–101.

бусина, обычно каменная (МАЭ, № 344–16 а, в – нанайцы, № 4978–23 – негидальцы). Оба варианта характерны и для женских (обычно девичьих), и для мужских сережек.

Мужские серьги *хусэгдэсу* (нан.) имели вид кольца из серебряной проволоки, иногда с небольшой подвеской-бусиной, отличались небольшим размером (рис. 16).

Бывало, что отогнутый книзу конец проволоки делали очень длинным. На него нанизывалось несколько каменных бусин различной величины и формы (круглой, бочонкообразной, многогранной вытянутой). Нижний конец проволоки под бусинами загибался петлей. На нее часто надевалась подвеска в виде металлического жетона, монеты, низки бисера. В ценных серьгах на эту петлю подвешивались нефритовые круглые или четырехугольные пластины. Потом проволоку загибали кверху вдоль нанизанных бусин, в середине еще раз образуя петлю (для маленькой подвески), и наконец она обвивалась плотной спиралью вокруг верхней части стержня у кольца. Обычно такие серьги массивны, с большим количеством бусин, дисков, подвесок из янтаря, нефрита, жапонита и других полудрагоценных камней разного цвета (МАЭ, № 344–84 а, в; 2252–12 а, в; 13 а, в; 5747–94/2, 95/2, 96/2, 99/2, 100/2, 101/2 и др. – нанайцы; № 4978–24 а, в, 25, 26; 5334–3 П а, в – негидальцы; № 1917–29 а, в – удэгейцы; № 6751–21/2, 22/2 – нивхи; РЭМ № 6938–11/2; 8530–104/2, 105/2 – ульчи) (рис. 17, 18).

Рис. 17. Серьги. Нанайцы. МАЭ № 2252–12.

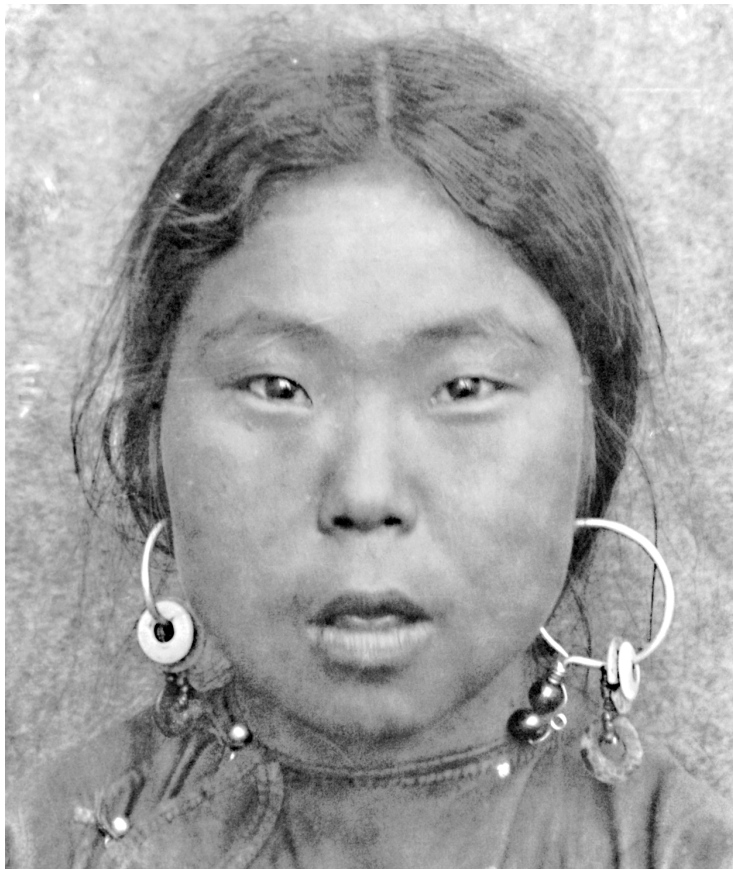

Рис. 18. Женщина. Нивхи. МАЭ № 2446–73.

Серьги такого вида бывали разными по величине: диаметр кольца – от 2–3 до 7–8 см. У нанайцев большие серьги назывались *хайпон*, небольшого размера – *мокасу манга* (*мокасон*) [Сем 1973, с. 231; Смоляк 1984, с. 188].

Серьги второго вида представляют собой лирообразную серебряную пластинку с гравировкой по поверхности и маленькими подвесками из серебряной проволоки – *лэргшукэн* (нан.).

Подобные серьги с близкими названиями носили ульчи, орочи, негидальцы, удэгейцы. У нивхов они назывались *меск* (*теск*) (А.В. Смоляк приводит таблицу терминологии для одежды и украшений всех народностей Амура [Смоляк 1984, с. 198–210]).

Как уже было сказано, серьги носили и мужчины, и женщины. Исследователи дают противоречивые сведения относительно того, как носили серьги мужчины: в одном ухе (и в каком) или в обоих ушах. Л.И. Шренк утверждал, что по одному кольцу в мочке каждого уха [Шренк 1899, с. 106]. Такого же мнения придерживался Ю.А. Сем [Сем 1973, с. 232]. По мнению А.В. Смоляк, нанайцы, ульчи, нивхи носили одну серьгу в мочке левого уха [Смоляк 1984, с. 188]. В иллюстративных материалах мы видим оба варианта (МАЭ, № 1073–2, 3; 1838–489, 509; И 107–43).

Женщины носили по одной, две, три (до четырех–пяти в праздничные дни) серьги в каждом ухе. Каждая серьга вдевалась в особое отверстие (рис. 19). Верхнее отверстие предназначалось для сережки *хайпон* (*вайка*), которая была двух разновидностей – *мухэргизэ* и *лэргиукэ*. Затем подвешивались серьги *мокасу манга* [Сем 1973, с. 231]. Судя по иллюстративным коллекциям, две–три серьги вдевались в ухо так, чтобы сверху помещалась меньшая по размеру, а снизу – самая большая (МАЭ, № И 197–60; 2446–98, 60, 62; 1837–139 – нивхи). Могли соседствовать и серьги в виде колец одинакового размера, обычно одна из них с подвеской (МАЭ, № 1839–12 – нанайцы; 1838–452, 454 – нивхи).

Рис. 19. Женщина. Нанайцы. МАЭ № 471–10.

«Нисколько не преувеличу, если скажу, что груз, подвешиваемый к каждому уху гилячки, превышал иногда 1/4 фунта» [Сильницкий 1896, с. 8]. «Для того чтобы надеть побольше серег, некоторые ульчанки надевали на голову специальную повязку в виде широкой тесьмы, охватывающей

лоб и затылок; на пришитые по бокам этой повязки небольшие кожаные ремешки с петельками *сиэпту*, спускавшимися над ушами, женщины могли прикрепить одновременно по пять–восемь пар больших (до 6–8 см в диаметре) серег» [Смоляк 1966, с. 88].

Обычай носить несколько серег в каждом ухе имел значительный ареал распространения в среднеазиатском, китайском, монгольском мире [Вилькинс 1882, с. 442–443; Стариков 1867, с. 104].

Носовые серьги в Сибири имели ограниченную область бытования. Они встречались у нанайцев, расселенных по Амуру до р. Горин, самагиров на р. Горин, орочей, удэгейцев, тазов. Как исключение – ульчей, нивхов, негидальцев [Шренк 1899, с. 106–107; Смоляк 1984, с. 188–189; Сем 1973, с. 231–232; Ларькин 1963, с. 79].

Носовая серьга (*сандиха* – нан., *сандяха* – уд.) представляла собой серебряную проволоку, свернутую в плотную плоскую спираль с верхним концом, отогнутым в виде крючка (рис. 20). Диаметр около 2 см (МАЭ, № 36–5; 5530–229; 5747–130; 1998–412, 413 – нанайцы; № 1995–40 – орочи; РЭМ № 5656–27 – удэгейцы). Судя по иллюстративным материалам, использовались и серьги в форме восьмерки (МАЭ № 472–156). Такая серьга повторяла форму спиралеобразной, но сама спираль отсутствовала. Кроме того, орочские женщины и девушки (а иногда и нанайские на р. Уссури, Амуре неподалеку от их слияния) носили маленькие колечки, продетые в одну ноздрю (правую) [Шренк 1899, с. 107; Маак 1877, с. 179; Степанов 1880, с. 11–12].

Удэгейки носовые серьги в виде серебряного или медного колечка носили продетыми в правую ноздрю или реже – в носовую перегородку [Браиловский 1901, с. 130. Табл. IV (2)]. Нанайки на Уссури носили серьги в одной или обеих ноздрях [Надаров 1877, с. 68; Лопатин 1922], как и жен-

Рис. 20. Женщина с ребёнком. Нанайцы. МАЭ № 1761–26

щины орочей (у последних она называлась *тэматыни*). В XIX в. это было почти исключительно женское украшение.

О нагрудных украшениях народностей Амура имеются следующие сведения. У нанайцев, ульчей существовало женское металлическое украшение *сэлкэ* (*сэлгэ, сэлкэн*). Оно представляло собой тонкую серебряную пластину серповидной формы с отверстиями на концах. В отверстия продевался ремешок, с помощью которого украшение подвешивали на грудь. По-

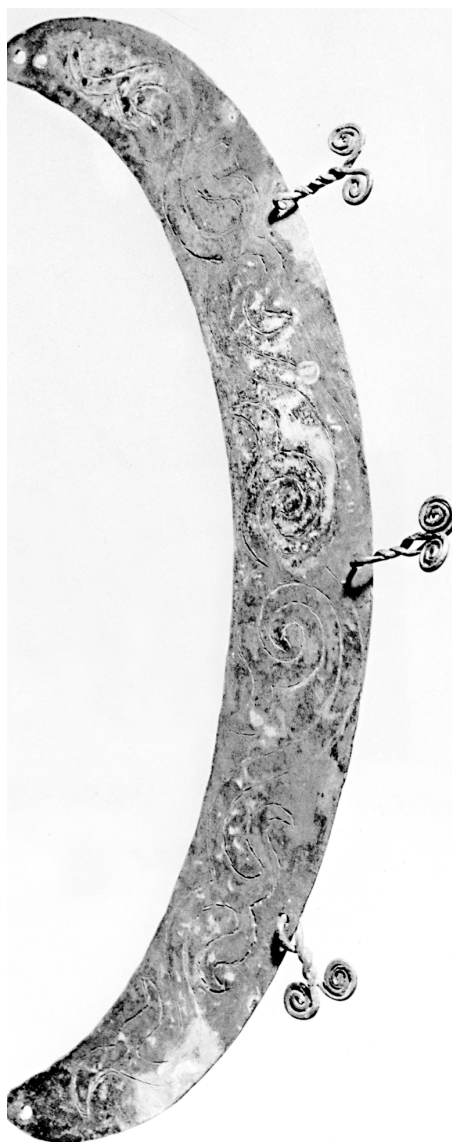

Рис. 21. Нагрудное украшение.
Нанайцы. МАЭ № 5747–123.

Рис. 22. Женщина в свадебном
костюме. Нанайцы.
МАЭ № И-471–86.

Рис. 23. Украшение *ори*. Нивхи. МАЭ № 6356–24.

верхность украшалась гравированным орнаментом, к нижнему краю при крепились подвески (МАЭ, № 5747–123) (рис. 21). Это украшение делалось не только из серебра, но и из железа и считалось частью костюма невесты [Сем 1973, с. 232] (рис. 22).

Другим украшением, которое А.В. Смоляк относит к разряду редких, было каменное или костяное плоское круглое украшение *косо* (низ. нан., ульч.) или *ори* (верх. нан., нивх.) [Смоляк 1966, с. 88]. В МАЭ есть *ори* (верх. нан., нивх.) из нефрита (рис. 23). Диаметр круга 17 см. В середине – отверстие, за которое *ори* подвешивалось на ремешке или цепочке на шею. Нижняя половина круга украшена растительным орнаментом. Ч.М. Таксами, который приобрел это украшение для музея, описал его как девичье. Ю.А. Сем отмечал, что «часто *косо* одевали девочкам на шею», а «невесты надевали такое кольцо только во время свадьбы» [Сем 1973, с. 231]. В.А. Аврорин в пояснениях к своей работе определяет встречающийся в тексте термин *ори* как металлические круги из сплава серебра диаметром около 15 см; они пришивались к разукрашенной орнаментом и лентами материи, в центре которой был вырез для шеи. Один *ори* при этом спускался на грудь, другой на спину. Ткань с *ори* составляла часть костюма невесты [Аврорин 1986, с. 251].

Из текста № 40, приведенного тем же автором, можно заключить и нечто иное: в старину *ори* представляло собой не круглый диск, а большое

кольцо, надеваемое на шею. Согласно тексту, *ори* надели на шею 12-летней девочке ее братья, видимо, тем самым объявив ее невестой [Там же]. *Ори* являлось родовой драгоценностью, передавалось из поколения в поколение и ценилось очень высоко. Ломать его запрещалось, считалось грехом. *Ори* также означало калым, выкуп за невесту [Там же]. Интересно, что и ульчское название *косо(н)* переводится как «амулет, который надевали детям на шею». Таким образом, сведения об этом украшении достаточно противоречивы. И можно, вероятно, говорить о более или менее древней его форме.

Ю.А. Сем упоминает еще один вид шейных украшений нанайцев – *белгаптун* – массивное серебряное кольцо диаметром 2–3 см, а иногда и больше, которое также являлось частью костюма невесты [Сем, 1973, с. 231]. Возможно, *белгаптун* родственно *ори* в его старинном виде. Шейное украшение в виде незамкнутого серебряного шейного кольца диаметром в 20–25 см, по свидетельству В.Г. Ларькина, существовало у удэгейцев и орочей под названием *монгголи* [Ларькин 1963, с. 78; 1964, с. 63].

«Самое обыкновенное у всех амурских инородцев, именно у женщин, украшение – это серебряные или медные кольца. Они носят их иногда по несколько на одном пальце» [Шренк 1899, с. 107]. У нанайцев и ульчей женщины носили кольца на среднем и безымянном пальцах, мужчины – на указательном. Удэгейки носили кольца на всех пальцах [Смоляк 1984, с. 189].

Кольца (*хоняпту*, *хоньякан* – нан., ульч.) были плоскими, гладкими (МАЭ, № 8528–24 – удэгейцы; № 1995–65, 80 – орочи) или орнаментировались рядами вдавленных точек (РЭМ, № 1998–410 – гольды). Ю.А. Сем выделяет у нанайцев два типа колец: замкнутые литые и разомкнутые со спиралью на концах [Сем 1973, с. 230].

Особый вид – мужские кольца для стрельбы из лука, которые надевались на большой палец правой руки или привязывались к нему. Нивхское кольцо *аам* «бывает медное или свинцовое, и украшается разнообразными гравировками и фигурками из медных и серебряных пластинок. Внутри еще кольцо бывает выложено крепко припаянной серебряной пластинкой, края которой загнуты наружу» [Шренк 1899, с. 108]. В коллекциях МАЭ есть нивхское нефритовое кольцо для стрельбы из лука (МАЭ № 344–77/1, 2). Подобные кольца бытовали и у орочей, ульчей, манегров (*орготрун*, *юся*) [Маак 1859, с. 75]. У нанайцев предохранительные кольца *пэрхэ* изготавливались из кости и металла. Обычай ношения этих мужских колец существовал и после того, как отпала их практическая необходимость.

Браслеты (*гилэпту* – ульч., нан.; *сидэри* – нан.; *тыйсь* – нивх.) – очень распространенное украшение. Браслеты носили с детского возраста до старости. Женщины носили браслеты на обеих руках, мужчины – на правой руке. Ножные браслеты носили мужчины и дети у нанайцев, причем бытовали они до 20-х годов XX в. Есть данные о существовании ножных браслетов-оберегов у ульчей и нивхов [Смоляк 1984, с. 188]. Богатые носили на каждой руке от трех до пяти серебряных браслетов, бедные – один, иногда просто из куска медной проволоки [Сем 1873, с. 229–230]. У орочей браслеты обязательным украшением не были [Маргаритов 1888, с. 11].

Большая часть браслетов – металлические. Но делались они также из стекла, кости (МАЭ, № 344–86) [Надаров 1877, с. 69; Шренк 1899, с. 107]. Выделяется группа браслетов-оберегов (в основном детских) из волокон крапивы, собачьей шерсти [Павлинская 1988, с. 23], из волос стариков, переплетенных с нитками и тряпочками, из тонких полос коры осины (МАЭ, № 4424–243 – нанайцы). Такие браслеты надевались на запястья и лодыжки детей [Смоляк 1962, с. 271]. Браслет из собственных вычесанных волос надевали на руку просватанной девочке [Золотарев 1939, с. 54]. Позже такого рода браслеты заменялись на металлические.

Браслеты из железа, меди, но чаще всего из серебра были круглыми в сечении, гладкими, с сомкнутыми, плотно сходящимися краями. Самые массивные браслеты – мужские, более легкие – женские, маленькие браслеты – детские (МАЭ, № 5530–232 а, в; 5747–125, 126, 133, 134, 151-1/2, 152 – нанайцы). Более широкие уплощенные браслеты с закругленными сомкнутыми краями и поверхностью, украшенной насечкой и гравировкой, носили мужчины (МАЭ, № 5747–135, 136 – нанайцы). Такими же, но менее широкими и еще более уплощенными делали ножные браслеты *бэгдиптун чидуричэ* (МАЭ, № 5747–112). У нивхов встречались браслеты с поверхностью, украшенной инкрустацией (МАЭ, № 1764–147/2). Другой вид браслетов – из скрученных спирально двух кусков проволоки с разомкнутыми концами. Ю.А. Сем выделяет браслеты местного производства с округлыми, украшенными спиральной гравировкой или растительным орнаментом (у нанайцев), а также геометрическим орнаментом (у нивхов) концами, и привозные браслеты с прямоугольными концами, на которых изображалась марка мастера [Сем 1973, с. 229]. Встречались браслеты с концами, оформленными в виде головы и хвоста змеи, заходящими друг за друга (МАЭ, № 4424–64).

У нанайцев при отъезде из дома невесте надевали на руку особый браслет *билэптун*, сделанный из листового серебра в виде трапеции высотой в 6,5–7 см. Браслет застегивался на два замка. Вся поверхность имела гравировку в виде зубчиков и растительного орнамента [Там же].

Буряты. Мужская прическа – коса, заплетенная на затылке, вокруг которой все остальные волосы коротко выстригались или выбривались, – была распространена у бурят, особенно восточных аймаков, вплоть до конца XIX в. Такую косу *гээгээ* заплетали мальчикам после специального обряда, который проводился приблизительно в пятилетнем возрасте. Косу украшали кораллами, круглыми серебряными пластинами, монетами, удлиняли ее вплетением искусственных волос из шелковых нитей [Астырев 1891, с. 215]. Молодым людям вместо одной заплетали иногда две–три косы [Ким 1965, с. 149]. Обычай заплетать волосы жениха на свадьбе в две–три, а то и больше косичек до сегодняшнего дня сохраняется только в памяти стариков [Бадмаева 1987, с. 21]. Уже к началу XX в. распространился обычай стричь волосы. Сначала он прижился у западных бурят, затем и у восточных.

Женские прически были разнообразны и различались локально. Первая прическа девочки аналогична мужской. К 12–13 годам волосы отращивали и в дополнение к основной косе, заплетенной от макушки (*саажэ*),

заплетали косички на висках (*шанха*). Эти височные косички, так же, как и у хакасов, были отличительным знаком девушки. Девичья прическа – множество косичек, заплетенных вокруг головы, иногда от 12 до 20. Обязательным было наличие одной косы на макушке, двух – на висках, одной или трех – на затылочной части головы (*гээгэгэ*). Женской прической практически повсеместно считались две косы – *боолто*. Отмечается два способа ношения кос *боолто*: на груди, убранными под безрукавку, и на спине. Первый способ связывается с обычаями древнемонгольских племен, второй – с культурой тюрков [Там же, с. 67–68].

Прически бурят имеют прямые аналогии с прическами хакасов, алтайцев, а также в некоторой степени тувинцев. В накосных украшениях мы найдем как общие, так и особенные элементы. Ряд украшений бурят не имеет аналогий в Сибири.

У буряток существовало два вида головных украшений. В Забайкалье носили головную повязку, мягкую или в виде невысокого кокошника, расшитую крупными бусинами из коралла, малахита, лазурита, янтаря – *татуурга*, *даруулга*. Головная повязка девушек отличалась височными подвесками из нескольких длинных низок бусин, каждая из которых заканчивалась кистями из шелковых ниток, серебряными монетами или пластинками. Второе украшение – *юбун*: сердцевидная (лопатовидная) с заостренным концом серебряная или посеребренная налобная пластина, которая прикреплялась к косичкам на висках и на макушке. Носили это украшение в основном в Предбайкалье девушки и молодые замужние женщины до рождения первого ребенка. Одновременно с *юбун* девушки носили накосное украшение *сааж*, которое укреплялось на косе, имевшей то же название. Оба эти украшения были знаком того, что девушка готова к замужеству и может быть просватана. Эти украшения – часть свадебного костюма у тех групп бурят, где невеста приезжала на свадьбу в девичьем костюме. Височные косички при этом украшались низками коралловых бусин.

Сааж делалась на жесткой основе из кожи или нескольких слоев ткани. На эту основу пришивались коралловые бусины (*шураг сааж*), серебряные пластины с закрепленными на них редкими коралловыми бусинами (*тумер сааж*), шелковые нити черного цвета (*уһен сааж*). В старину украшение *сааж* было распространено у всех групп бурят. К концу XIX – началу XX вв. оно сохранилось только в Баргузинском районе Бурятии [Бадмаева 1975, с. 194].

Женские накосные украшения были двух основных видов. Первый, распространенный у забайкальских бурят, – *туйба*. Это «г»-образно изогнутый стержень, вставляемый в основание косы. В ряде случаев *туйба* носили вместе с чехлами для кос *шэбэргэл*. Второй вид накосных украшений – *боолто*, в виде полых цилиндров: широких, надеваемых на основание кос, и совсем маленьких – для кончиков кос. А.В. Тумахани описывает совершенно гладкие цилиндрики, лишь иногда имеющие выступающие ободки [Тумахани 1970, с. 74]. Напротив, Н.В. Кочешков говорит о богато украшенных чеканным узором *боолто* [Кочешков 1979, с. 115]. *Боолто* могли иметь и вид бархатных, на плотной основе подхватов для кос, украшенных коралловыми бусинами в серебряных колпачках.

В ряде районов молодые замужние женщины носили искусственные косы из черных шелковых нитей, украшенные четырехугольными пластинами с рельефным чеканным узором и коралловыми вставками, цепочками. Искусственные косы прикреплялись к основанию кос натуральных [Бадмаева 1987, с. 73]. Еще Я.И. Линденау отмечал обычай бурятских женщин вплетать в свои косы на уровне ушей волосы из конского хвоста и скреплять их со своими волосами широкими серебряными и медными кольцами [Линденау 1981, с. 139]. Ланганс также упоминал свинцовые кольца, которые накладывали «в закрепу собственных и лошадиных волос». При этом косы убирала в бархатные или из другой материи футляры [Жим 1965, с. 149–150].

Косы украшались всевозможными подвесками в виде оправленных монет; ажурных филигранных пуговиц с мельчайшими каплями зерн [Тумахани 1970, с. 78], крупных коралловых бусин, закрепляемых на косах ниже уровня плеч [Бадмаева 1987, с. 74]. Два последних украшения, а также *туйба* у забайкальских бурят сохранялись в прическе пожилой женщины, а более сложные отсутствовали.

Из нагрудных украшений в западных районах Бурятии бытовали ожерелья из монет, оправленных витой серебряной проволокой, и резные плоские бляхи [Очерки истории и культуры Бурятии... 1972, с. 408]. Типичное украшение забайкальских бурят – нагрудный медальон *гуу* (*урлэй гэр*). Под названием ожерелья *хоолобши* (*хоолопши*) объединяются несколько различных украшений. Вероятно, на территории Бурятии ожерелья были разными. Проследить это по литературным источникам не представляется возможным. Но во всех слу-

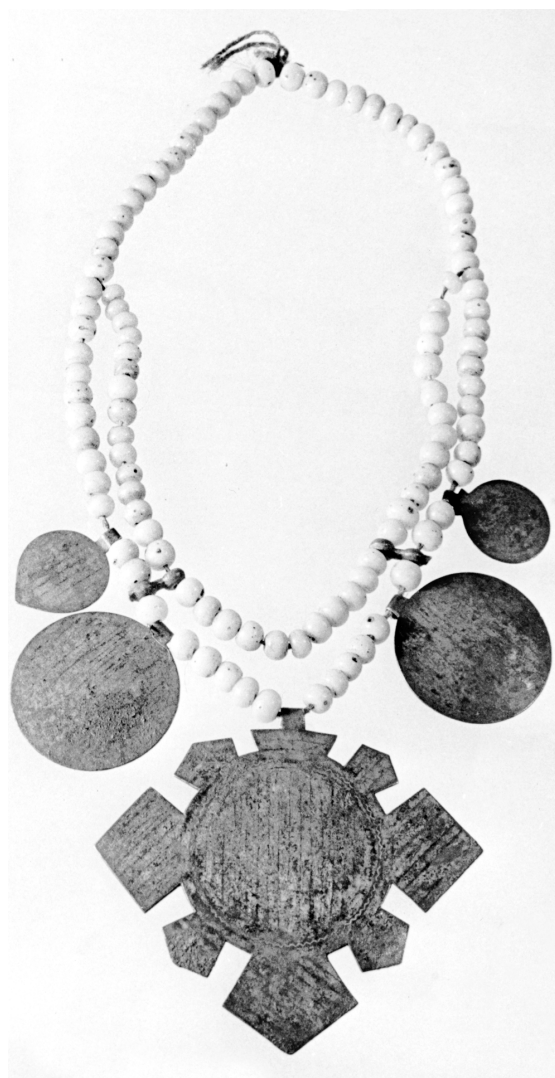

Рис. 24. Ожерелье. Буряты. МАЭ № 2584–3.

чаях это специальное украшение невесты. М.Н. Хангалов упоминает *хоолобши* в виде ожерелья из маржан, т.е. кораллов, в три–пять рядов, с золотыми монетами [Хангалов 1958, т. 1, с. 66], или просто в виде серебряной или золотой монеты на ленте или цепочке [Хангалов 1898, с. 40]. Более интересно *хоолобши*, состоящее из двух ниток крупных желтых бусин, в двух местах соединенных металлическими перемычками. К низкам подвешены большая металлическая бляха в форме стилизованного восьмиконечного креста и четыре бляхи поменьше (МАЭ, № 2584–3 – кудинские буряты) (рис. 24). Вероятно, эта форма *хоолобши* более архаична, т.к., по замечанию Б.Э. Петри, в дальнейшем такая крестообразная бляха была заменена монетой в серебряной оправе [Петри 1918, с. 220].

Весьма своеобразны бурятские украшения, которые исследователи обычно относят к группе височно-нагрудных. Основной их декоративный элемент – крупные парные серьгообразные подвески *эмэг*, крепившиеся у висков к головной повязке (*даруулга*), к головному убору (*даралга*) или к основанию кос. *Эмэг* соединялись между собой многочисленными цепочками с подвесками, бляхами, свисающими на грудь. В зависимости от формы и характера входивших в это украшение элементов различаются *хиихэ*, *хиихэ-хонго*, *хиихэ-моор*, *сэртэбиэ*. Эти виды височно-нагрудных украшений имели четкую локализацию [Бадмаева 1987, с. 74–75].

Р.Д. Бадмаева, изучив материалы по одежде, обуви, украшениям бурят и отметив их единообразие, выделяет ряд комплексов (или типов) костюмов. При этом под комплексом подразумевается сочетание различных частей костюма, более или менее устойчиво бытовавших вместе [Там же, с. 88]. Основываясь на выделенных Р.Д. Бадмаевой локальных группах бурят с присущими им комплексами костюмов, охарактеризуем виды украшений, входящие в эти комплексы.

Хоринские буряты Забайкалья. Головная повязка *даруулга* в виде прямого неширокого венца из плиса или бархата, обычно синего цвета, натянутого на жесткую основу из бересты или картона. Расшивалась несколькими рядами крупных коралловых бусин. У замужних женщин *даруулга* имела перемычку, идущую от лобной части к затылку. У девушек соединялись завязками только височные стороны *даруулги* [Там же, с. 71].

К *даруулге* у висков прикреплялось височно-нагрудное украшение *хиихэ-хээ*. Это украшение состояло из нескольких частей. Два парных разомкнутых гладких кольца (*эмэг*) диаметром около 10 см вдевались в петли с внутренней стороны *даруулги* у висков. От колец вниз спускался стержень, на который нанизывался крупный круглый коралл, обрамленный сверху и снизу тщательно отделанными филигранью и сканью колпачками полусферической или вытянутой тюльпанообразной формы и серебряными шариками. Заканчивался стержень кольцом меньшего размера (диаметр около 3,5 см). Длина этой части украшения – приблизительно 20 см. Нижние колечки соединялись между собой цепочками, низками кораллов, спускающимися на грудь (ЭМНЗ, № О.Ф. 3668; 1404/2).

Девушки на затылочные косички прикрепляли *гээгэбиэ* (украшение, аналогичное *шураг-сааж*) из монет с ободочками из кораллов, уложенных

в три ряда. На конец украшения пришивались кисти из шелковых нитей и серебряные подвески.

Женщины в основание своих кос вставляли украшение *туйба*. Оно представляло собой г-образный металлический стержень, нижняя вертикальная часть которого (7–10 см) была обернута волосами и обшита плотной темной тканью. От нее свободно свисала прядь волос. Эта часть *туйба* вставлялась в основание косы, свисающие волосы вплетались в косу, и все вместе сверху плотно обматывалось цветным шнурком. Из косы женщины под ухом выглядывала короткая горизонтальная часть стержня, украшенная на конце серебряным шариком. Сам стержень – круглый в сечении или граненый, у шарика проходили ободки из витой проволоки (КМ, 5480; 3562).

Медальон *гуу*, который носили на груди, – это коробочка круглой, овальной или прямоугольной формы различных размеров из золота, серебра, меди, латуни, с ушками сверху и снизу. Верхнее ушко предназначалось для цепочки, нижнее – для прикрепления другого *гуу* при сдвоенном ношении (*гуу* часто носили по несколько штук сразу) или для прикрепления какой-нибудь другой подвески, например, оправленной монеты или серебряной пластины. Коробочка имела крышку, гладкую (КМ, № 9810–1/2) или богато украшенную чеканным орнаментом, филигранью (ИОКМ, № 13207). Содержание медальона, если оно было, составляли различные священные вещи: маленькие листы бумаги с текстами буддийских молитв, фигурки святых, лоскутки одежды святых лам, лекарства и проч. Носили *гуу* на груди на цепочке или прикрепляли к особой широкой перевязи, проходящей через плечо [Кочешков 1979, с. 114]. В старину *гуу* подвешивали на ленте *хадака* (из особого шелкового платка), затем на полоске ткани с нашитыми на нее низками кораллов. Иногда низки не нашивались, а скреплялись между собой поперечными пластинами-перемычками [Бадмаева 1974, с. 195]. Только хоринские буряты носили наплечное *гуу* в виде круглой или квадратной серебряной основы с выступающей коралловой бусиной в центре. Самые нарядные дополнялись подвесками из двойных коралловых низок с шелковыми кистями на концах [Бадмаева 1987, с. 77] (МАЭ, № 709–6 а, в).

Цонголы и частично сартулы (Селегинский и Кяхтинский районы). *Татуурга* у цонголов имела вид кокошника с выступающей вверх передней частью. *Татуурга*, хранящаяся в Этнографическом музее народов Забайкалья (Улан-Удэ), имеет жесткий каркас, обтянутый синим шелком, на который нашиты три ряда круглых и бочковидных крупных бусин (коралл, янтарь, лазурит), в центре среднего ряда – крупный белый коралл. У височной части справа и слева прикреплены подвески из шелковой ленты и коротких низок мелких кораллов с монетами на концах. От висков спускаются еще по две низки коралловых и малахитовых бусин (№ 3050).

К *татуурге* прикреплялось височно-нагрудное *хиухэ*. Височное незамкнутое кольцо *ээмэг* диаметром 4,5–5,5 см, имело крючок для прикрепления к головному убору. Передняя сторона кольца покрывалась удлиненной пластиной с фигурными краями, богато украшенной чеканкой и накладной филигранью, вставками из камней, эмали. Внутреннее пространство кольца (особенно часть, прилегающая к накладной пластине) запол-

нялось ажурными узорами филиграни в виде стилизованных побегов, листьев, завитков. На стержень, отходящий от кольца вертикально вниз, нанизывались коралловые бусины, обрамленные полусферическими серебряными колпачками, ажурные шарики из серебряной проволоки и т.п. Стержень заканчивался небольшим колечком, к которому присоединялись нагрудные подвески. Это могла быть цепочка, иногда составленная из изящных звеньев, украшенных эмалью, звеньев в виде филигранных розеток (КМ, № 2970) или объемная, четырехгранная в сечении цепочка сложного плетения, дополненная подвесками из оправленных ажурным филигранным ободком монет (КМ, № 2960). Часто нагрудные подвески выполнялись в виде соединенных цепочками трех ажурных филигранных подвесок с фигурками рыбок и мелкими подвесками-колокольчиками. В этом случае все украшение называлось *хиухэ-хонхо* (*хонхо* – колокольчик) (КМ, № 4407; ЭМНЗ, № 167). Подробное описание височно-нагрудного украшения цонголов сделал М.Е. Тугутов. Он называет его *монгол-хиуха*. Интересно, что здесь отмечен способ крепления этого украшения не к головному убору, а к основанию кос. Носили это украшение женщины до тридцатилетнего возраста [Тугутов 1958, с. 137–138].

Нагрудные *гуу* были здесь прямоугольной формы (КМ, № 2960–1, 5290, 5297). Использовались и другие нагрудные украшения – украшенные филигранным ободком монеты на ленточке – *зуубшэ*.

Только цонголки носили накосное украшение *боолто* в виде бархатных подхватов для кос на жесткой основе, с нашитыми в два–три ряда коралловыми бусинами, нижний ряд бусин, оправленных серебряными колпачками, свисал в виде бахромы (КМ, № 1907/2). Вместе с *боолто* носили иногда и *туйба*. Косы убирала в чехлы *шэбэргэл*.

Сартулы и другие выходцы из Монголии (Джидинский и Закаменский районы). *Даруулга* – головная повязка – ряд крупных коралловых бусин, нашитых на узкую полоску ткани. Несколько низок мелких бусин симметрично от центра к вискам спускались на лоб.

Накосные женские украшения *хонтуул* по г-образной форме и способу крепления аналогичны *туйба*, но массивнее и значительно богаче оформлены. Горизонтальная часть украшения со всех сторон закрывала накладкой в виде фигурной чеканной пластины со вставками из малахита, коралла и т.п. К вертикальной части стержня прикрепляли пучок волос и длинную искусственную косу из черных шелковых нитей, которая висела в виде кисти ниже кончика косы. Поверх вертикального стержня, вставленного в основание косы, накладывалась и зашнуровывалась сзади серебряная с фигурным нижним краем чеканная пластина со вставками из камней (ЭМНЗ, № О.Ф.1470).

На груди носили *гуу*. В качестве височно-нагрудного украшения использовали *хиухэ-хонхо*.

Тункинский и Окинский районы Забайкалья. Своеобразными украшениями жителей этих районов были накладные косы. Из нагрудных украшений характерно *гуу-хоолопши* – *гуу* на ожерелье из нескольких низок кораллов. При этом *гуу* могли носить отдельно, а *хоолопши* обычно надевали как приложение к *гуу* [Художественная обработка металла в Бурятии... 1974, с. 81].

Хоринские и эхиритские роды выходцев из Прибайкалья (Баргузинский район). Здесь носили особый вариант височно-нагрудных украшений – *сэртэбшэ*. Это кольцо диаметром около 8 см с уплощенной лицевой частью, покрытой чеканным узором. Металлический стержень с нанизанными на него кораллами образовывал петлю. *Сэртэбшэ* вплеталось в пару косичек, узкой и длинной петлей спускалось чуть ниже уровня плеч на грудь [Бадмаева 1975, с. 191]. С многокосными прическами носили украшение *сааж* всех трех видов (подробное описание см.: [Бадмаева 1975, с. 72]. С прической *боолто* носили украшение в виде полых цилиндриков, которые надевались на основание кос и, меньших размеров, на кончики кос. На кончики кос надевали и украшение в виде крохотных металлических цветочков (2 1,4 см) с ушками, через которые продевались завязки (КМ, № 4898 а, в).

Верхотенские буряты Прибайкалья. Височные подвески *хабига* в виде пучка мелких коралловых бусин на концах прикреплялись к женскому головному убору или к основанию височных косичек девушки. Девушки и молодые женщины на затылочных косичках носили украшение *yhэн сааж* и *тумэр сааж*.

Височно-нагрудные украшения представлены видом *хиухэ-меер*. Это круглая пластина (5–6 см в диаметре) с резным орнаментом или составленная из нескольких колечек разного диаметра, соединенных между собой в нескольких местах. От пластинки вниз шли 9–10 свободно свисающих низок кораллов, перехваченных одной или двумя металлическими или кожаными перемычками. На концах низок – монеты. *Хиухэ-меер*, так же, как и *сэртэбшэ*, прикреплялось к косичкам [Там же, с. 175]. На груди носили ожерелье *хоолопши* из коралловых бусин и монет.

Украшения бурят, особенно женские, выделялись среди всех украшений народов Сибири богатством ассортимента, разнообразием приемов обработки серебра. Для ювелирных изделий XVII–XVIII вв. характерныковка, литье, штамповка, ажурная резьба и профилировка. Изделия, относящиеся к XIX – началу XX вв. отличаются использованием ажурной и накладной филигрании, зерни, эмалирования, золочения [Бадмаева 1975, с. 72; Тумахани 1970, с. 60–90]. Украшения западных бурят отличались более скромным ассортиментом и более простыми приемами изготовления [Кочешков 1979, 116]. Характерный признак художественного металла середины XIX в. – распространение в нем буддийской символики, что в большей степени было характерно для забайкальских бурят.

Более единообразны были такие украшения, как серьги, кольца, браслеты.

Сведения о бурятских серьгах в литературе весьма скудны. Так у А.В. Тумахани сказано следующее: «Весьма популярным видом украшений являются серьги. В глубокую старину имели распространение длинные серьги – так называемые *ээмэг*. Также древними, вышедшими из моды являются большие круглые серьги *моор хиухэ*» [Тумахани 1970, с. 89–90]. Как уже было сказано, это украшение нельзя назвать серьгами, т.к. оно прикреплялось не к ушам. Возможно, что височно-нагрудные украшения бурят развились из серег и сохранили их форму, так же, как у хакасов, некото-

рых народностей Амура, серьги крупных размеров крепились при необходимости не к ушам, а к специальной повязке или косичкам. Нужно полагать, что о таких серьгах «величиной в рубль», к которым подвешивались «корольковые пронизки», упоминает и И.Г. Георги [1799, ч.IV, с. 32]. В фондах музеев Бурятии хранятся серьги в основном современной работы. Из более старых (время изготовления не обозначено) встречаются серьги в виде незамкнутого кольца, сделанные из серебряной проволоки, более тонкой у места вдвевания в ухо и более толстой в нижней части. Иногда проволока слегка скручена спирально (КМ, № 13046-6; безномерные предметы). Вероятно, форму кольца имели и мужские серьги. Так, А. Мичи замечал, что мужчины-буряты охотно носят в ушах и на пальцах железные кольца [Мичи 1868, с. 152]. Другие виды мужских и женских серег отмечал И.И. Биллингс: «На шее и в ушах носят бисер и медные бляхи». Обычай мужчин носить серьги отмечал и И.Г. Георги [Георги, 1799, ч.IV, с. 33].

Кольца (*биһэлиг*) и перстни (*бультуру*) носили и мужчины, и женщины. Если позволяло состояние, носили по несколько штук, унизывая ими почти все пальцы. Замужние баргузинские бурятки оставляли свободным только безымянный палец [Бадмаева 1975, с. 193]. Старинные кольца и перстни не дифференцированы по полу и возрасту тех, кто их носил [Тумахани 1970, с. 76]. Отливались они преимущественно из серебра, а также из сплавов серебристого цвета, реже из золота.

В коллекциях музеев хранятся кольца литые, выпуклые и плоские, гладкие и украшенные гравированным орнаментом растительного характера (МАЭ, № 4041–18, 19). Есть и кованые кольца с несомкнутыми, находящимися друг на друга концами (РЭМ, № 1897–31; 4041–18). А.В. Тумахани относит такие кольца к старинным [Там же]. Перстни обычно имели штампованный щиток, отделанный чеканкой и гравировкой. Узоры на щитке и по бокам от него на старинных перстнях имеют аналогии в рисунках на шаманских бубнах бурят и других народов Сибири [Бадмаева 1987, с. 54]. Более поздние, особенно у забайкальских бурят, украшались рисунками и надписями, связанными с буддийской символикой (РЭМ, № 4041–21, 22). Эти перстни отличались более сложной техникой исполнения. Встречались и вставки из полудрагоценных камней: лазурита, малахита, сердолика, а также коралла, которому отдавалось явное предпочтение. Камни были обычно полусферической формы, вставлялись они в небольшое углубление и закреплялись наглухо гризантным способом [Тумахани 1970, с. 76].

Браслеты – *бугааг, угаабар* – специфическое женское украшение. Они были медными для повседневного ношения или серебряными, реже золотыми, иногда со вставками из камней – для праздников и других торжественных случаев [Бадмаева 1987, с. 78].

Браслеты бывали сомкнутые и разомкнутые (без замка или с замком). Для забайкальских бурят характерен замок в виде узкой и тонкой пластинки, один конец которой соединен шарнирно с концом браслета, а другой имеет четырехугольное отверстие, накидываемое на выступ на втором конце браслета. Второй вид замка является и основным декоративным элементом браслета. Это две шаровидные головки, плотно заходящие друг за друга. Такие браслеты встречались у западных бурят [Тумахани 1970, с. 77–78].

В сечении браслеты круглые, полукруглые, плоские. По оформлению поверхности – гладкие (обычно разомкнутые, круглые в сечении браслеты) или украшенные гравировкой, как правило простыми линейными мотивами, зубцами (КМ, № О.Ф.4119; ЭМНЗ, № 3063, 3150, 3361). Более сложные мотивы (розетки, листья, реже зооморфные мотивы) обычно выполнялись чеканкой и гравировкой. Наиболее нарядные браслеты делались со вставками из нескольких самоцветных камней, кораллов. Поверхность между камнями заполнялась чеканкой [Там же].

Якуты. Мальчики и мужчины волосы стригли, девушки и женщины носили одну косу. По другим сведениям, девушки и женщины волосы носили «как хотят – заплетают волосы сзади или сбоку» [Линденау 1981, с. 26].

Косу девушки украшали разного рода подвесками из серебра, меди, бусин. Подвеска *киштэ (суһуох симэгэ)* составлялась из нескольких серебряных трапециевидных пластин, низок бус, полукруглых металлических чашечек и нитяных кистей на концах. Такая подвеска ровдужным ремешком привязывалась к косе у затылка. У вилюйских якутов косу плотно перевязывали ровдужной лентой и на разной высоте подвешивали на ровдужных ремешках несколько серебряных и медных ажурных пластин [Зыков 1976, с. 50]. Существовали подвески из плотной ткани в форме вытянутого треугольника с нашитыми по всей поверхности металлическими ажурными пластинками.

Типы якутских серег достаточно подробно описаны Ф.М. Зыковым. Он выделил три основных вида [Там же, с. 45–48].

Первый – *туорах ытырга* – «бусинные серьги» (рис. 25а). Они представляют собой медную или серебряную проволоку, один конец которой

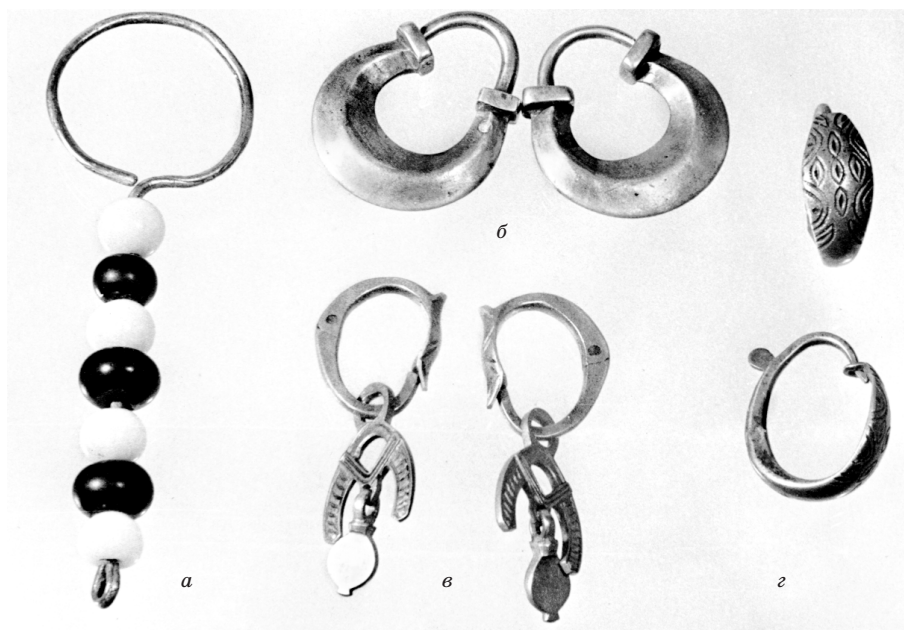

Рис. 25. Серьги. Якуты, а – МАЭ № 1576-14, б – МАЭ № 4774-22/2, в – МАЭ № 1071-82/2, г – МАЭ № 1071-87/2.

Рис. 26. Серьги. Якуты. МАЭ № 1071–23/2.

изогнут кольцом для вдевания в ухо, а второй отогнут вниз, и на него нанизано несколько бусин. Бусины обычно круглые, черного и белого цветов, часто перемежаются медными трубочками-пронизками (МАЭ, № 1576–10, 14, 15, 16, 17). Такие серьги обычны в якутских женских погребениях XVIII в., правда, встречались они и в мужских погребениях [Стрелов 1937, с. 82, 96 и др.]. Разновидностью бусинных серег следует считать серьги с подвеской, прикрепленной к нижнему концу проволоки, загнутой петелькой. Подвески металлические, чаще всего в виде жетона. Биллингсом отмечен обычай ношения нескольких серег в каждом ухе: «В ушах они носят на каждой стороне по три или по четыре колечка с подвесками из бисера, под которыми висит кусочек расплющенного серебра» [Этнографические материалы... 1978, с. 42].

Второй – *колооско ытырга* – «серьги-колечки». Такие небольшие кольцеобразные серьги имели замок в верхней более тонкой части. Нижняя часть – расширенная, иногда граненая (МАЭ, № 4774–22/2). Расширялась в виде небольшой овальной площадки и передняя часть кольца. В этом случае она часто гравировалась растительным орнаментом (МАЭ, № 1071–26/2, 87/2; 4282–91 а, в, 94) (рис. 25 б, г).

Третий *тугэхтээх ытырга* – серьги с подвесками. Часть серьги, вдеваемая в ухо – *иэмэх* («изгиб») – это собственно та же кольцеобразная серьга, описанная выше. К ней подвешивалась подвеска *тугэх*. По форме и количеству *тугэх* серьги делились на несколько разновидностей: *сиэл ытырга*, *харыйа ытырга*, *ханха ытырга*. Подвески имели многочисленные вари-

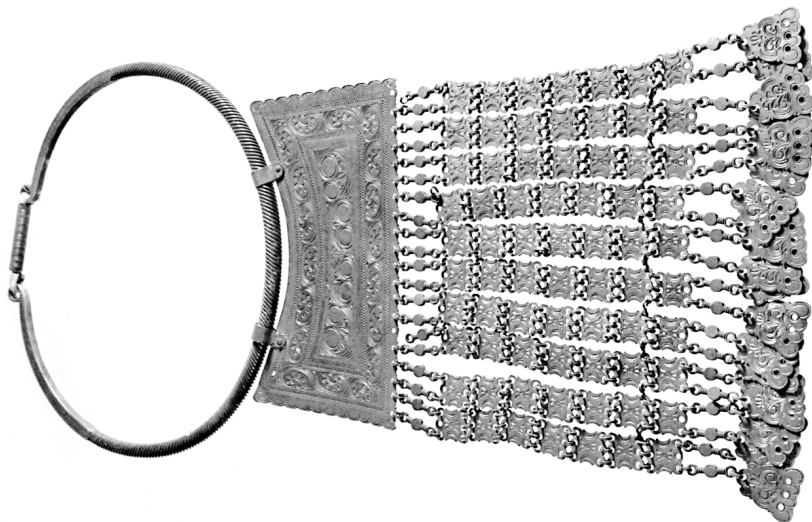

Рис. 28. Гривна. Якуты. МАЭ № 1243-1.

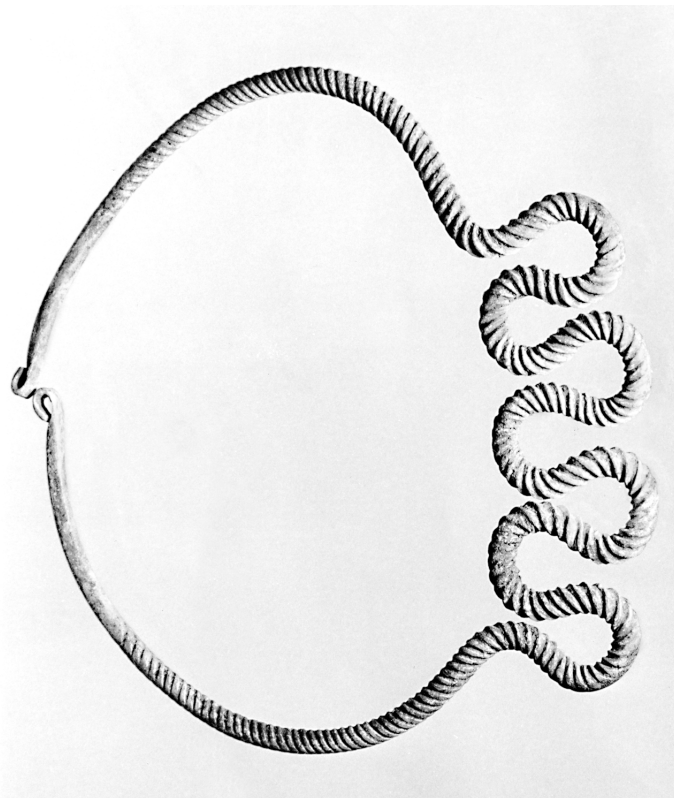

Рис. 27. Гривна. Якуты. МАЭ № 3522-136.

Рис. 29. Якутки в парадной одежде.

анты, но в основном повторяли орнаментальные мотивы, близкие к лировидной форме. Количество маленьких подвесок – от четырех до шести: в виде зерен, капель или повторения лировидных очертаний основной подвески (МАЭ, № 4282–93, 103/2; 4774–21; 1071–6/2, 12/2, 23/2) (рис. 26). Часто встречаются серьги с подвеской подковообразной формы (МАЭ, № 1071–85/2; 4282–95 в, с) (рис. 25 в).

Ф.М. Зыков отмечает повсеместное распространение серег указанных типов, с последнего десятилетия XVIII в., что не позволяет выделить каких-либо «племенных различий» [Зыков 1976, с. 48].

У якутов достаточно четко выделяются три вида шейно-нагрудных украшений. Первый – гривна *кылдьыы* – металлическое кольцо, одеваемое на шею. Это наиболее древний из известных у якутов типов украшений, бытовавший в XVII–XIX вв.

Типология якутских гривен детально разработана В.П. Дьяконовой [1958, с. 179–186]. В своей статье она привела обстоятельное описание коллекции гривен, имеющейся в МАЭ. Первый тип гривен – массивное шейное кольцо (21,5 x 20,5 см) с несомкнутыми концами, которые сделаны плоскими и загнуты в виде петель. На концах имеются отверстия для завязок. По кольцу проходит витой рельеф. Передняя часть гривны имеет петлеобразные изгибы (МАЭ, № 1576–7, 8; 3522–136). Это наиболее древний тип (рис. 27). Гривна второго типа состоит из плоского стержня, согнутого в кольцо (19 x 23,5 см). Концы гривны не сомкнуты и загнуты в виде петель. Они завязывались узкими ровдужными ремешками. На лице-

вой стороне гривны выгравирован узор в виде насечки (МАЭ, № 334–14). Третий тип – литое массивное кольцо (23 x 21 см) с несомкнутыми загнутыми концами, которые стянуты узким ремешком (МАЭ, № 4774–14; 4282–98; 1243–1; 313–78; 723–18; 1071–65) (рис. 28–29).

Ко всем гривнам могли подвешиваться подвески (*кэлин кэбихэр* – наспинное украшение, *илин кэбир* – нагрудное украшение). Поэтому, видимо, имеет смысл расширить приведенную типологию и ввести в нее такую градацию, как наличие или отсутствие подвесок и их вид. Добавим, что варианты подвесок также весьма обстоятельно описаны В.П. Дьяконовой. Заметим лишь, что подвески на первом типе гривен носили совершенно иной характер, чем на втором и третьем типах. В МАЭ имеется только один экземпляр гривны первого типа, на котором частично сохранились подвески (МАЭ, № 3522–136). Эти подвески совершенно аналогичны серьгам первого вида, наиболее архаичным, описанным Ф.М. Зыковым [1976, с. 45].

Наспинное украшение *кэлин кэбихэр* (в коллекциях МАЭ имеется на гривнах третьего типа) – это свадебное украшение, распространенное повсеместно. Оно подвешивалось не только к гривнам, но и к затылочной части головной повязки *бастынга*, а также, вероятно, могло привязываться к косам. Интересные соображения о происхождении этого вида украшений высказывал Ф.М. Зыков. Он предполагал, что *кэлин кэбихэр* когда-то предназначалось для прикрытия волос и служило накосным украшением замужних женщин. Впоследствии в связи с частичной утратой обычая украшение стало привязываться к гривне [Там же, с. 51]. Отметим – именно к гривне наиболее современного типа.

Гривны изготавливались из меди и низкопробного («польского») серебра. В.П. Дьяконова отмечает, что все гривны первого типа делались из чистой меди, а второго и третьего – из серебра. На этот счет в литературе высказано и другое мнение. Так, Ф.М. Зыков, ссылаясь на архивные документы XVII в., пишет, что нельзя говорить о большей или меньшей древности употребления того или иного металла. Изделия из серебра и меди сосуществовали в один и тот же период. Способы изготовления и декорирования изделий из меди и серебра аналогичны [Там же, с. 12]. В материалах из погребений XVIII в. описана «витая» гривна из меди (или бронзы) [Стрелов 1937, с. 92]. В то же время Б.П. Полевой приводит высказывание польского военнопленного А. Каменского-Длужика, чье пребывание в Сибири относится к середине XVII в.: «В ушах носят серьги великие, как тарелки серебряные, на лбу носят круги, а на шее серебряные и медные обручи» [Полевой 1965, с. 126].

Имеющиеся в МАЭ гривны относятся к женским украшениям. Но еще в XVII в. гривны были принадлежностью и мужского костюма [Зыков 1976, с. 56].

Второй вид – женское шейное украшение в виде шейного воротника – *хабарга симэгэ, моой симэгэ, богох*. Изготавливалось из металлической пластины в форме усеченного конуса, загнутой в кольцо (высота 5–6 см; диаметр 11–13 см). Концы не замкнуты. В них сделаны отверстия, в которые пропущен ровдужный ремешок, завязывающийся сзади на шее. Концы могли застегиваться и s-образной металлической застежкой. Поверхность украшения обычно разделялась тремя выпуклыми каннелюрами на четыре части и

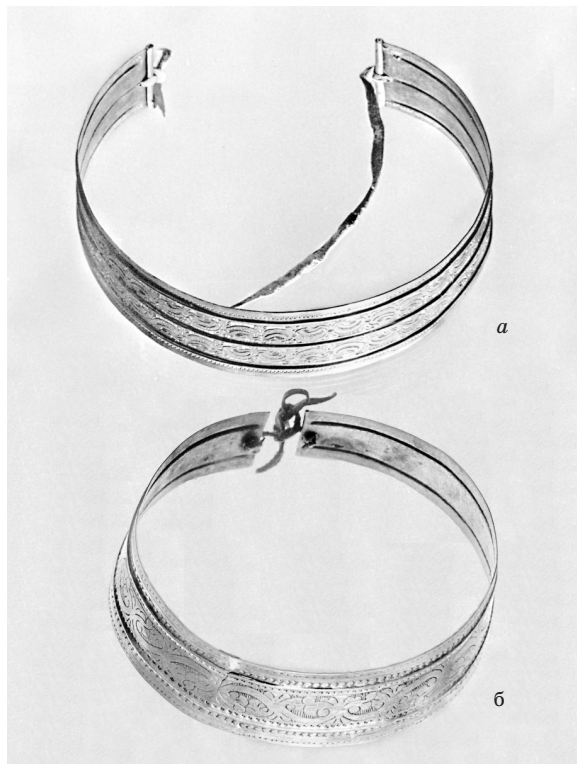

Рис. 30. Шейные украшения. Якуты, а – МАЭ № 1085–8, б – МАЭ № 334–23/1.

орнаментировалась растительными мотивами в технике гравировки. МАЭ располагает четырьмя экземплярами этого вида (№ 334–23/2; 1071–22; 1085–8) (рис. 30 а, б). К *симэгэ*, подобно гривне, могли подвешиваться нагрудные и наспинные украшения.

Третий вид – украшение в виде нагрудника из ткани или кожи четырехугольной формы, на который нашиты металлические пластины различной формы. В МАЭ таких нагрудников нет. Вид выделен по фотографиям и иллюстрациям. У В.Л. Серошевского приведен рисунок «вышитого серебром нагрудника» квадратной формы, чуть расширенной книзу. На темном фоне нашиты небольшие пластины округлой и полуовальной

формы [Серошевский 1896, с. 391, рис. 100]. Такого же рода нагрудники видим на фотографиях (МАЭ, № 971–3): на девушках-тунгусках Якутской области многочисленные украшения якутского происхождения – гривны с нагрудными подвесками, кресты и пр. Среди прочих нагрудных украшений – два нагрудника. Один из них имеет квадратную форму, с боков обшит полоской материи, которая переходит в завязки. Поверхность нагрудника темного цвета расшита небольшими серебряными (?) бляшками в форме трапеций, обращенных вершинами друг к другу. К нижнему краю нагрудника пришиты выпуклые круглые металлические бляхи. Вторым нагрудник имеет иную форму. Это вытянутый в горизонтальном направлении четырехугольник. К верхним углам пришиты завязки. Поверхность расшита медными металлическими бляшками. К нижнему краю по всей длине пришиты три разной длины полосы материи в виде лент. На концах этих лент – по три круглые металлические бляхи с гравированным центрическим орнаментом. О такого рода нагрудниках, вероятно, говорил Я.И. Линденау: «Кроме того, девушки, в отличие от женщин, носят нагрудник, какой носят тунгусские женщины; они украшают его бисером и обвешивают различными безделушками из желтой меди. Такой нагрудник называется *тыльыск*. Когда девушка выходит замуж, она снимает нагрудник и больше его не употребляет» [Линденау 1981, с. 26].

Еще один вид якутского женского украшения – металлическая круглая подвеска *кун* («солнце»), которая подвешивалась на цепочках из ажурных звеньев. Это украшение можно рассматривать как отдельный вид. В то же время в ряде случаев это составная часть украшений уже рассмотренных видов. Такая бляха подвешивалась к верхней трапециевидной или прямоугольной подвеске нагрудного украшения гривны *илин кэбихэр*. С начальника *бастынга* ниспадала на грудь целая система длинных цепочек и серебряных ажурных пластин. Центральные ряды цепочек часто оканчивались круглой серебряной бляхой *кун*, богато украшенной гравированным, нередко с чернением растительным орнаментом [Зыков 1976, с. 51]. Вероятно, подвеска *кун* была распространена не повсеместно. Р.К. Маак, подробно описавший одежду вилюйских якутов, о ней не упоминает, что говорит скорее об ее отсутствии, чем об утрате, т.к., по утверждению М.М. Носова, это украшение бытовало в центральных районах Якутии до конца XIX в. [Там же].

На определенном этапе большое распространение у якутов получили православные нагрудные кресты, которые изготавливались местными кузнецами и подвешивались на цепочках, составленных из четырехугольных ажурных серебряных пластин (рис. 31).

Излюбленное украшение – кольца. «Я не помню, видел ли я инородца без кольца или перстня на руке. Перстень непременно именной» [Приклонский 1887, с. 38–39]. Кольца якутов обычно медные, гладкие (МАЭ, № 3522–173, 233, 234). Перстни чаще серебряные. Очень распространены были перстни-печатки со щитком круглой, овальной, лировидной формы с выгравированными инициалами. Шинка по обе стороны от щитка украшалась растительным орнаментом (МАЭ, № 334–20; 1071–45, 46, 49; 1576–9; 4282–101 и

Рис. 31. Нагрудный крест. Якуты. МАЭ № 1071–24.

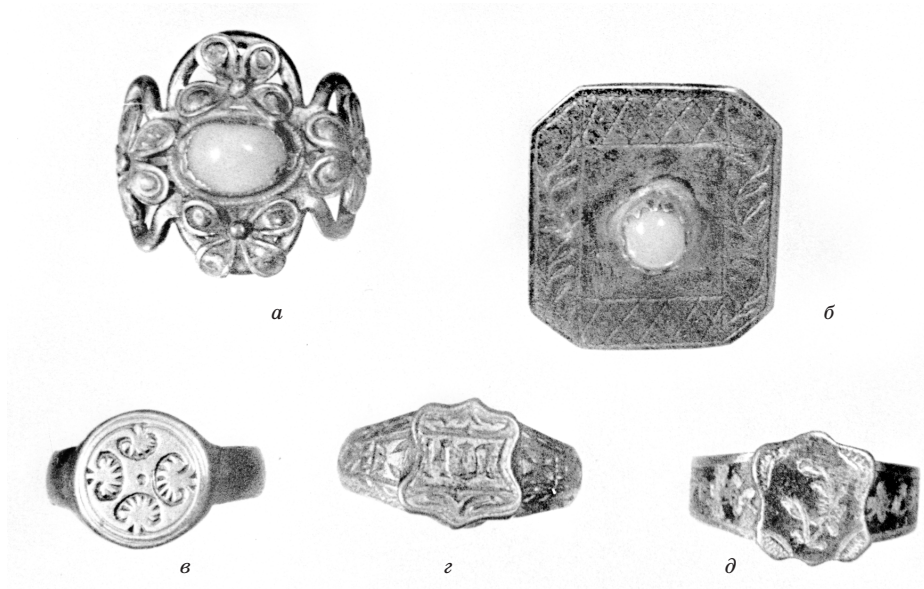

Рис. 32. Перстни, а – МАЭ № 1341–251. Сойоты; б – МАЭ № 2214–4. Хакасы;
в, г – МАЭ № 334–20, № 1071-46. Якуты; д – МАЭ № 3728–110. Алтайцы.

Рис. 33. Браслет. Якуты. МАЭ № 1071–55/2.

др.). Концы старинных колец иногда не спаяны, а оформлены в виде заходящих друг за друга спиралей [Стрелов 1937, с. 88]. Носили кольца мужчины, женщины, дети (рис. 32).

Женщины в праздничные дни украшали руки браслетами. Браслеты *богох* – обязательно парные для обеих рук. Делались они из серебряной пластины в форме усеченного конуса высотой 5–7 см. Разомкнутые концы соединялись ремешком, продетым в сквозные отверстия, или специальной металлической застежкой. Поверхность браслета разделялась параллельными выпуклыми каннелюрами на горизонтальные полосы, украшенные геометрическим и растительным орнаментом в технике гравировки (МАЭ, № 344–21/2; 1071–55/2; 3758–111а, в) (рис. 33). Подобные парные широкие и плоские браслеты были характерны и для XVIII в. Так, Е.Д. Стрелов описывает найденные в женском погребении браслеты с давленным выпуклым орнаментом и оригинально сделанной застежкой. Концы браслета загнуты один внутрь, другой наружу и закрепляются друг за друга [Там же].

Традиционные прически народов Южной Сибири (алтайцев, хакасов, тувинцев) имеют много общего. В отличие от вариabельных женских причесок, мужская прическа, сооруженная при обряде первой стрижки волос, года в три, сохранялась в первозданном виде на всю жизнь. Это заплетенная на темени косичка *кечеге* (*кичегей*, *кадеге*), вокруг которой все остальные волосы выстригались или выбривались. У хакасов и алтайцев замужние женщины носили две косы *тулунг*, девушки – нечетное количество кос, одно- или многокосные прически.

Хакасы. У хакасов прической девушки (с 10–12 лет до замужества) были косички *сүрмес*, количество которых зависело от густоты волос. Девушки, занятые работой по хозяйству, заплетали волосы в одну косу на затылке *кичеге* [Патачаков 1982, с. 80]. Одну косу заплетали и девушке, родившей ребенка до брака. Старые девы носили три косички [Бутанаев 1987, с. 158]. Девичья прическа у качинцев менялась на женскую во время свадьбы, а у сагайцев и кызыльцев – во время обряда *сас тойы* (сразу же после привоза невесты, во время «помолвки») [Там же]. В.Я. Бутанаев приводит следующие сведения. Замужние женщины к концам своих кос приплетали ложную косу, сплетенную из волос мужа и посаженной матери. Если замужняя женщина имела братьев, то к двум косам приплетала по маленькой косичке. По поверьям, они были оберегами ее братьев и, с другой стороны, показывали ее связь со своим родом [Там же]. После смерти мужа женские косы распускались, но если у женщины оставались сыновья, косы расплетались не до конца. Через семь дней делали вдовью прическу [Там же, с. 162].

Женские и девичьи косы украшались различного рода кистями из бисера, часто с кусочками перламутра, бусинами, металлическими бляшками или монетами на концах. Большое распространение имели также кисти из волосяных шнурков с бисером, раковинами каури на концах. Одним из вариантов кистей были украшения в виде довольно длинных низок коралловых бусин, чередующихся с кусочками перламутра различной формы и с

бисерной кистью на конце. Верхняя часть кистей обычно сплеталась в виде волосяной косички и вплеталась в конец косы.

Специфическим девичьим праздничным украшением были *нанчи* (*нинчи*) – четырехугольный кусок кожи или другого плотного материала, обтянутый тканью и плотно зашитый крупными и мелкими перламутровыми пуговицами, бисером, коралловыми бусинами. К внутренней стороне пластины прикреплялось несколько волосяных шнурков, которые вплетались в косички. Подобное украшение у кызыльцев называлось *хазазлыз чатах* [Шибяева 1959, с. 110].

Характерными для качинцев и сагайцев были серьги (*ызырга*) из медной, бронзовой или серебряной проволоки, согнутой незамкнутым кольцом. Один конец проволоки загибался крючком для застежки, второй, отогнутый книзу, унизывался крупными коралловыми бусинами круглой, бочонкообразной, грушевидной формы. Нижний кончик проволоки загибался петлей, к которой подвешивались серебряные монеты, кисти из шелковых нитей. Коралловые бусины украшались серебряными колпачками в форме лепестков, ободками (МАЭ, № 5060–91а, в, 119, 122 а, в). В ряде случаев длинный отогнутый книзу конец проволоки заменялся ниткой, привязанной к кольцу (МАЭ, № 5060-9 а, в, 120 а, в) (рис. 34, 35).

Рис. 34. Серьги. Хакасы. МАЭ № 5060–91.

Серьги этого вида были двух размеров: диаметр кольца колебался от 3–4 до 6–8 см. Небольшие серьги вдевались в мочки ушей, большие зачастую подвешивались к основанию кос или к специальным маленьким косичкам, вплетенным в основную косу [Островских 1895, с. 318] (Ф МАЭ, № 802–34; 257–10, 11 – качинцы). Иногда большие тяжелые серьги подвешивались и к тесемкам, проходящим через голову. В праздничные дни, чаще всего на свадьбу, зажиточные женщины надевали даже по две пары таких серег. На груди серьги соединялись между собой цепочкой [Патачаков 1982, с. 82].

К.М. Патачаков отмечает у хакасов и серьги другого типа: «Часто можно было видеть серьги, состоящие из двух или трех мелких бисерных кистей с монетами на концах. Кроме того, молодые женщины носили луновидной формы

серьги фабричного производства» [Там же].

Мужчины носили серьгу в мочке одного уха. Серьги делали из медной проволоки, загнутой кольцом, с одной коралловой подвеской [Кузнецова, Кулаков 1898, с. 160–161]. От женских серег мужские отличались меньшим размером.

У хакасов ожерелье *мончык* считалось украшением девичьим. На сухожильные и шелковые нити нанизывались мелкие кораллы, бисер, стеклянные шарики. Женским украшением был и нагрудник *пого*, особенно распространенный среди качинцев [Патачаков 1982, с. 82]. *Пого* имел полукруглую или полуовальную форму. Основание вырезалось обычно из кожи и обшивалось плотным материалом (плисом, бархатом). Лицевая поверхность сплошь зашивалась узором, составленным из крупных и мелких перламутровых пуговиц, небольших коралловых бусин, бисера, раковин каури, металлических бляшек. С нижнего края часто свешивалась бахрома из стекляруса с монетами на концах низок (МАЭ, № 264–5; 335–4; 2214–8; 2380–3 и др.) Носить *пого* полагалось поверх праздничной одежды, часто называемой в литературе «свадебной». Действительно, впервые этот костюм женщина надевала на собственную свадьбу, а в даль-

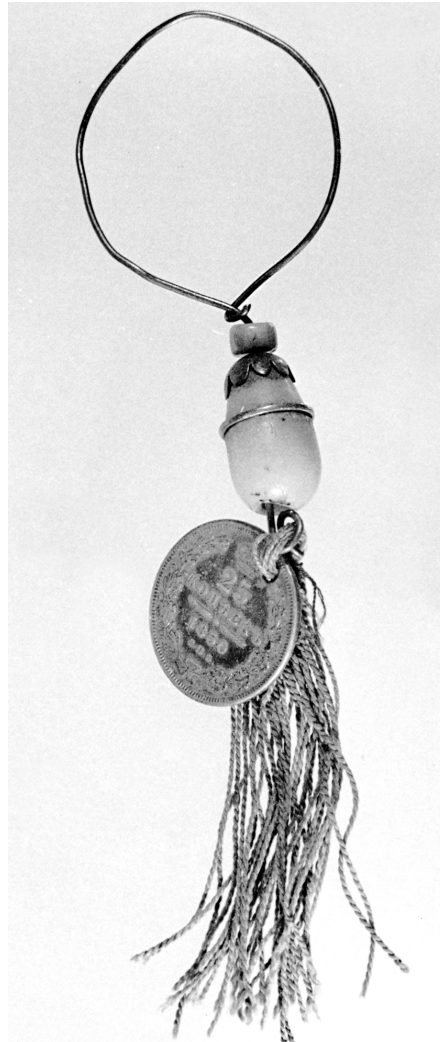

Рис. 35. Серьга. Хакасы. МАЭ № 5060–122а.

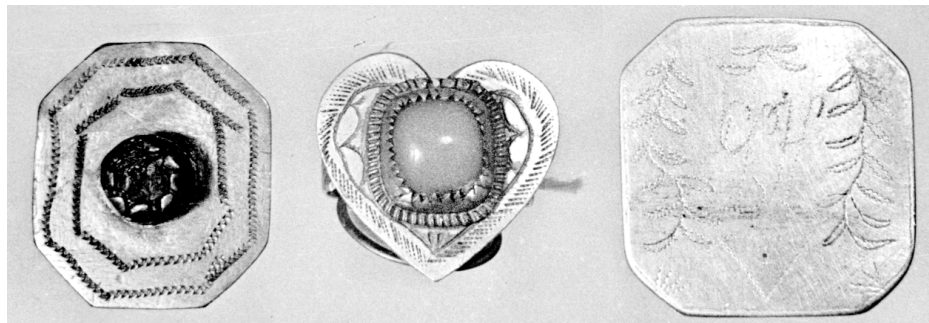

Рис. 36. Перстни. Хакасы. МАЭ № 267–82, № 5060–117, № 2214–2.

нейшем бывала в нем на других свадьбах в качестве почетной гостя *худагай* [Дьяконова, Ключева 1980, с. 82]. Вдовам носить *пого* не полагалось. Таким образом, *пого* – специфическое украшение замужней женщины.

К числу женских нагрудных украшений следует отнести и большие серебряные кресты, которые в торжественные дни носили поверх платья [Патачаков 1982, с. 84].

Медные и серебряные кольца *нурба* и перстни *чустук* носили женщины и девушки на обеих руках и на всех пальцах. Кольца могли носить также и мужчины. Шинка хакасского перстня имела расширенные и не сходящиеся вплотную концы. На них напаивался плоский большой щиток круглой или прямоугольной со скругленными углами формы, украшенный гравированными линиями и точками в виде простого геометрического орнамента, повторяющего форму щитка и каста. В центре щитка обычно располагался камень, обрамленный зубчатой розеткой. Излюбленным материалом был коралл (*шорман*) (МАЭ, № 267–82; 2214–2, 4; 5060–14, 95). Встречаются и щитки иной формы. Например, в форме сердца с тремя кораллами (МАЭ, № 50–60–116). Распространены были также именные перстни (МАЭ, № 267–83; 5060–96, 114, 117) (рис. 36, 326).

Зажиточные женщины носили золотые и серебряные браслеты. Более распространенными были браслеты, сделанные из узкой полоски плотной черной ткани или кожи и расшитые мелкими пуговицами, коралловыми бусинами, раковинами каури, бисером. Женщины Верхне-Тейских районов носили берестяные браслеты с резным или тесненым орнаментом и браслеты, сплетенные из черного и белого конского волоса. Застегивались такие браслеты на стеклянную или перламутровую пуговицу [Там же].

Алтайцы, шорцы. Женские, девичьи и мужские прически алтайцев и шорцев по своему характеру и терминологически имеют очень тесные аналогии с хакасскими. Этот вопрос очень подробно разработан В.П. Дьяконовой [1986, с. 34–44].

Косы украшали низками бус, раковинами каури, перламутровыми пластинками, различными кистями (из витых волосяных шнурков, бисера, шерстяных и шелковых нитей). Такого рода украшения бытовали у всех групп алтайцев. Широкое распространение имели накосные украшения в виде свисающей с кожаной перемычки бахромы из тонких полосок кожи с нашитыми на них связками раковин каури и медных колец. Женские и девичьи украшения отличались количеством тесемок или петель, отходящих от верхнего края перемычки (по количеству кос). По технике исполнения и использованным материалам (полоски кожи, медные кольца, раковины каури) это украшение имеет много общего с парными женскими косниками *кожагай* южных алтайцев. У северных алтайцев (челканцев, кумандинцев) женщины носили украшения в виде нескольких разной длины низок бус, подвешенных между металлическими кольцами или треугольными кусочками кожи, украшенными раковинами каури. У кумандинцев это украшение называлось *керетарткыч* [Сатлаев 1974, с. 137]. Девушки-кумандинки носили украшение в виде бахромы из бисерных низок, свисающих с узкой полоски ткани. К верхнему краю полоски пришивались петли, с помощью которых украшение подвешивалось к кончикам кос.

Бисер при нанизывании подбирался таким образом, чтобы получились цветные полосы. К концу каждой низки прикреплялось по раковине каури. Называлось это девичье украшение *чаачыш* или *чинче* [Там же].

Музейные коллекции предлагают довольно большое количество разнообразных накосных украшений. Но они, к сожалению, не дают представления о всем комплексе накосных украшений, о том, в каких сочетаниях и в каком порядке они прикреплялись к волосам. Некоторые данные на этот счет приводит В.П. Дьяконова: «В 16 лет девушке плели 12 косичек. От талии брали по две косички и заплетали в одну, таким образом прическа завершалась шестью косичками. Между двенадцатью косичками, скрепленными между собой шнурочком, по длине через одну, украшали рядом раковин каури (“аламаш”) и рядом пуговиц (“алаш”) из перламутра. К шести косичкам вплетали низки из бус и кисточки из крученых шелковых нитей» [Дьяконова 1986, с. 33]. Сведения эти получены В.П. Дьяконовой в Улаганском районе. О прическе, которую сооружали теленгитке во время свадебного церемониала, известно следующее: «Из накосных украшений сначала прикрепляли серебряную бляшку (“сакызын”) с вставленными камнями из сердолика, кораллов, затем “тана” (круглая металлическая пуговица). За тана шли низки бус (“чинчи”), затем “албаш тууткун”, и завершалось накосное украшение кистями (“алаа”) из цветных ниток» [Там же].

У шорцев, как и у северных алтайцев, девушки носили нечетное количество кос и украшали их «тяжелыми подвесками из раковин каури и бус», а также маленькими медными колокольчиками [Потапов 1951, с. 45]. Судя по музейным коллекциям, у шорцев бытовали и подобные алтайским и хакасским кисти из волосяных шнурков.

У алтайцев и шорцев можно выделить серьги следующих видов. Первый – это серьга, основу которой составляло простое кольцо из медной проволоки, иногда украшенное на одном конце металлической горошиной (МАЭ, № 5065–107 – алтайкижи; 3974–23, 25 – телеуты). Кольцо могло быть украшено нанизанными прямо на него не-

Рис. 37. Серьга. Шорцы. МАЭ № 5072–382

Рис. 38. Серьга. Алтайцы. МАЭ
№ 2334-126.

Рис. 39. Серьги. Алтайцы. МАЭ № 2334-118.

сколькими бусинами (МАЭ, № 2334–124 а, в – кумандинцы) или подвесками из нанизанного на нитку бисера с монетами, пуговицами, раковинами каури на концах (МАЭ, № 5650–73, 3720–293, 294 – алтайцы; 5072–432 а, в 5071–382 а, в – шорцы). У шорцев встречались подвески из бисерных нитей, прикрепленных не к кольцу, а к крючку (МАЭ, № 5072–382 а, в) (рис. 37).

Очень распространены были серьги из медной проволоки, верхний конец которой был изогнут в виде ушка, а нижний отогнут вниз, на него нанизывались одна, две, три коралловые бусины, и затем он загибался петелькой, на которую в свою очередь могли подвешиваться бисерные нити с монетами или кисточками на концах (МАЭ, № 5068–273 а, в; 5069–22 а, в, 23 – челканцы). Верхний конец проволоки, изогнутый для вдевания в ухо, имел форму кольца, треугольника со скругленными углами или напоминал стилизованное «сердце». Второй конец проволоки, отогнутый книзу, выше и ниже бусины часто изгибался спирально по диаметру бусины (МАЭ, № 2334–126; 5063–51 а, в – кумандинцы; 5063–106, 3650–72, 3720–286, 288, 289, 291 – алтайцы) (рис. 38).

Третий вид, судя по коллекциям, имел распространение у кумандинцев. Состоит серьга из ушка и подвески. Ушко сделано из изогнутой кольцом проволоки и продето в верхнее ушко подвески. Проволока согнута таким образом, что справа и слева от ушка подвески образуются декоративные петельки. Подвеска из тонкой ажурной медной пластинки, часто довольно сложной конфигурации или состоит из нескольких частей. Пластинка украшена насечкой в виде простого орнамента, повторяющего форму и вырезы подвески. В нижней части пластинки – отверстия для крепления бахромы из бисера и мелких треугольных подвесочек (МАЭ, № 2334–118 а, в, 119 а, в, 120 а, в, 125, 211 – кумандинцы) (рис. 39).

Четвертый вид. Ушко из медной проволоки делалось та же, как в предыдущем случае, и тоже вдевалось в ушко подвески. Подвеска лирообразной, тюльпанообразной формы выливалась из латуни, олова, свинца. По нижнему краю и по бокам – округлые выступы с отверстиями для подвешивания коротких низок бисера и мелких бусин. Часто бисерные маленькие кисточки были и у сквозного отверстия в центре подвески (МАЭ, № 2242–19 а, в – телеуты; 5072–380 а, в – шорцы; 2334–123а, в – кумандинцы). Серьги этого вида часто отмечаются в описи как «старинные», «уникальные» (МАЭ, № 3974–22 а, в – телеуты; 2334–гн122 – кумандинцы) (рис. 40).

Мужские серьги на территории Алтая известны со времен ранних кочевников (V в. до н.э.), прослеживаются они по историческим памятникам в более позднее монгольское и позднемонгольское время [Там же].

Нет сведений о существовании у алтайцев какого-либо особого типа нагрудных украшений, кроме ожерелий из различного материала, чаще всего бусин, являвшихся детским и женским украшением.

У шорцев, по коллекциям Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (ТГИ), можно отметить два типа шейно-нагрудных украшений. Первый – *мунчук* – представляет собой нагрудник серповидной формы из кендырной ткани, вышитый цветными нитками тамбурным

Рис. 40. Серьги. Алтайцы. МАЭ № 2242-13 а, б.

Рис. 41. Перстни, а – МАЭ № 3650-11. Алтайцы, б – МАЭ № 5072-372. Шорцы, в – № 3974-27. Алтайцы.

швом (полуокружность, зигзагообразная линия, кружки, цветочные розетки, кресты, солярные и антропоморфные изображения). К краям нагрудника пришиты подвески из двух бусин каждая. Средняя часть состоит из семи рядов цветных бус (ТГИ, № 6025–31). Подобное украшение видим на фотографии, сделанной Н.П. Дыренковой (МАЭ, № 3662–88). Второй тип ближе к обыкновенной низке бус, но сохраняет и основу из ткани. Экземпляр, принадлежащий Томскому музею, представляет собой ожерелье из трех нитей бус. Верхняя часть из мелких бусин закреплена между кендырной тесьмой и полоской розовой ткани. Средняя нить соединена с нижней, свисающей дужками, тканью красного цвета (ТГИ, № 6025–34) [Каталог... 1979, с. 68, 79].

Мужчины и женщины носили простые чуть выпуклые медные, серебряные, реже золотые кольца *чүстүк*, которыми унизывали пальцы обеих рук. Такие кольца обычно перековывали из монет (МАЭ, № 3650–9, 10, 12; 3720–296, 298). Иногда кольцо украшали небольшим щитком в виде цветочной розетки (МАЭ, № 3650–11). Орнамент на щитке выполнялся гравировкой, чеканкой, использовалось и чернение (МАЭ, № 3728–110; 3720–295; 3974–28). Подобные кольца были распространены и у шорцев. Кроме того, МАЭ располагает именными перстнями шорцев (МАЭ, № 5071–70; 5072–372, 373). Есть также перстень из трубчатой кости со щитком, вся поверхность которого украшена геометрическим узором в технике накола (МАЭ, № 5072–362) (рис. 41 а, б, в; рис. 32 д).

Тувинцы. Мужская прическа аналогична алтайской и хакасской. Таким же образом причесывали маленьких девочек. С восьми лет девочкам отращивали волосы, плели от висков косички и вплетали их в одну основную косу *кежеге*, идущую от темени. В более зрелом возрасте (с 15 лет до замужества) девушка носила прическу из четырех кос, сплетенных в одну от затылочной впадины [Дьяконова 1988, с. 15]. В косу вплетали удлиняющие ее косники из черных шелковых нитей *чалаа-кара* в виде кистей, украшенных нашитыми на прямоугольный кусок кожи коралловыми бусинами. Ниже бусин крепились три стержня, обвитые золотыми нитями. Заканчивалось украшение бахромой из разноцветных нитей [Сат 1984, с. 195]. На определенном этапе свадебного ритуала девичья прическа менялась на женскую. В различных районах Тувы женские прически делались из различного количества кос, но наибольшее распространение имела двухкосная прическа. При перемене прически к *чалаа-кара* добавлялось специальное накосное украшение женщины *чавага* (*чабога*, *чанкы*).

Маленькие девочки носили простые серьги в виде маленьких, диаметром около полутора сантиметров, колечек – *дээрбек сырга*. Девичьи серьги *дозу дээрбек* имели более сложную форму с дужкой для вдевания в ухо. *Кулак дээбектерлиг сырга* отличалась тем, что ее дужка плавно переходила в рисунок самой серьги, близкой по форме «восьмерке», «треугольнику», «кругу» и др. 8-образные серьги были широко распространены у степных кочевников еще в скифское время [Вайнштейн 1974, с. 23]. Женские серьги отличались массивностью, изысканностью ювелирного украшения, часто инкрустировались камнями и имели шумящие подвески в виде колокольчиков, трубочек, лепестков [Сат 1984, с. 194] (РЭМ, № 10064–47).

Парни и мужчины носили серьги в обоих ушах. Это были маленькие гладкие серебряные колечки [Потапов 1969, с. 239–240]. Ношение серег мужчинами (так же, как у алтайцев) отмечено со времени ранних кочевников [Вайнштейн 1974, с. 23].

Мужчины и юноши носили простые медные, серебряные и золотые кольца на большом и указательном пальцах [Потапов 1969, с. 239–240]. Такие же гладкие простые кольца *билзек* носили и девушки. Девичьими являлись также небольшие перстеньки с кораллами – *шуру каратыг билзек*. Иногда кольцо покрывалось несложным гравированным узором [Сат 1984, с. 190]. Женщины носили перстни *арыннык билзек* или *ооргалыг билзек* со щитком в виде накладной пластинки обычно круглой или вытянутой по вертикали формы, покрытым сложным криволинейным орнаментом с кораллом *шуру* в центре (МАЭ, № 1340–251). Излюбленные узоры на перстнях – сочетание завитков, различные варианты узла, «языки пламени», многолепестковые розетки, «бараний рог» [Вайнштейн 1974, с. 93].

Браслеты *билектээш* носили только женщины. Один, два, три браслета надевали впервые на свадьбу или сразу после нее. Браслеты делались из меди, серебра в виде согнутой по руке плоской широкой пластины с разомкнутыми концами. Поверхность браслета оставалась гладкой или украшалась простыми орнаментальными мотивами (штрихи, солярные знаки), чеканкой и гравировкой.

II

Классифицируя типы съемных украшений, мы разделили их на следующие группы.

- I. Украшения головы
 1. Накосные украшения.
 2. Налобные украшения.
 3. Головные повязки.
 4. Затылочные украшения.
 5. Височные и височно-нагрудные украшения.
 6. Ушные украшения.
 7. Носовые украшения
- II. Шейно-нагрудные украшения.
- III. Украшения рук
 1. Кольца.
 2. Браслеты
- IV. Украшения ног (Ножные браслеты).

Классификация типов, видов и подвидов съемных украшений сделана по комплексу взаимосвязанных признаков, специфических для каждой группы украшений. Как правило, основным признаком являются конструктивные особенности украшения, его форма. Виды выделяются либо

по признаку материала, либо по признаку формы, если эти признаки носят независимый характер. Подвиды учитывают второстепенные, сопутствующие характеристики. Если общая форма украшения задана самим предметом (браслеты, кольца, в меньшей степени серьги), типобразующим признаком служит материал, из которого изготавливались украшения, а также связанное с ним функциональное назначение предмета. В такой специфической группе, как наконечники украшений, тесно связанной с прической, основным признаком выбрано место и способ прикрепления украшения к прическе, волосам. Признак для выделения видов – конструктивные особенности украшения, которые уточняют и конкретизируют типобразующие признаки. В этой группе дано сравнительно более подробное описание украшений, т.к. оно не приводится в основном тексте либо дано очень кратко. С материалом, используемым для изготовления украшений, связан такой сопутствующий признак, как технические приемы изготовления, технология, которые также при необходимости оговариваются в тексте.

1. УКРАШЕНИЯ ГОЛОВЫ

1. Накосные украшения

I ТИП	
Основное украшение (перемычка) располагается на затылке между основанием двух кос. Укрепляется с помощью тесемок (шнуров, ремешков) вплетенных в косы.	
1 вид	2 вид
Затылочное украшение имеет одну пару ремешков для вплетения в косы	«Ложные косы». К затылочному украшению прикрепляется 2 пары ремешков (тесемок, шнуров). Одна пара вплетается в косы, вторая плотно спирально обматывается поверх кос
<p>I.1.A. Длинная полоса ровдуги или х/б материи имеет расширенную среднюю часть и узкие концы. Средняя часть косника, плотно зашитая бисером, приходится на затылок, узкие концы по всей длине вплетены в косы. Ниже кос свисают украшенные кисточками, металлическими подвесками концы украшений, на уровне конца кос они соединяются перемычкой, также украшенной бисером.</p> <p><u>Распространение:</u> кеты (женское украшение <i>тыйыр'ан</i>), южные ханты и манси (женское и девичье украшение).</p>	<p>I.2.A. Затылочное украшение имеет плотную основу (обычно кусок кожи), обтянутую красным сукном, с нашитыми на нее несколькими крупными пуговицами и бисером. Концы украшений – в виде кожаных лопастей с нашитыми на них металлическими украшениями, подвесками из бус, бисера, металлических жетонов и пр. У женских «ложных кос» концы соединены между собой перемычкой из низок бус, цепочек.</p> <p><u>Распространение:</u> ненцы (женское и девичье украшение <i>та'не</i>), северные ханты и манси (женское, девичье, у хантов также и мужское украшение).</p>
<p>I.1.B. Затылочное украшение сделано из куска кожи вытянутой овальной формы, вышито бисером. По краям прикреплены крупные пуговицы, соединенные между собой низкой бус, бисера, свисающей под подбородком.</p> <p><u>Распространение:</u> чукчи, коряки, эскимосы, тундровые юкагиры (женское и девичье украшение).</p>	<p>I.2.B. Затылочное украшение в виде узкой полосы плотной ткани, украшенной бисером, пуговицами, раковинами. К шнуркам обмотки пришиты кисти из бус и бисера.</p> <p><u>Распространение:</u> удэгейцы, орочи (мужское и женское украшение).</p>
<p>I.1.B. Затылочное украшение из нескольких слоев ткани имеет четырехугольную форму. Украшено вышивкой цветными нитками, бисером, пуговицами, раковинами. Тесемки для вплетения в косы пришиты к верхним углам.</p> <p><u>Распространение:</u> нанайцы (девичье украшение <i>афи</i>).</p>	

II ТИП	
Украшение верхним концом вплетается в косу, а нижний конец, оформленный в виде кисти, висит ниже кончика косы.	
1 вид	2 вид
<p>II.1. Украшение представляет собой ленту из ткани, вышитую бисером, или бисерную сетку. Нижний конец ленты украшен металлическими жетонами, шерстяными кисточками. Обычно несколько ленточек разной длины и ширины соединяются в подобие кисти. Верхний конец имеет тесемку для вплетения в косу.</p> <p><u>Распространение:</u> южные ханты и манси (девичье украшение).</p>	<p>II.2.А. Кисть из нескольких тонких ровдужных ремешков, на которые нанизаны бусины, металлические трубочки-пронизки. Концы ремешков украшены металлическими подвесками (кольца, жетоны, монеты, колокольчики, пуговицы).</p> <p><u>Распространение:</u> кеты (мужское и девичье украшение <i>думс'ут</i>), якуты (девичье украшение <i>киста</i>).</p>
	<p>II.2.Б. Кисть из жильных или других нитей, на которые нанизаны бусины, бисер. На конце каждой нити разного рода подвески.</p> <p><u>Распространение:</u> южные ханты и манси (женское и мужское украшение), эвенки (девичье украшение), ульчи и другие народности Амура (девичье и мужское украшение), хакасы, алтайцы, шорцы (девичье и мужское украшение).</p>
	<p>II.2.В. Кисти из витых волосяных шнурков с бисеринами или раковинами каури на концах.</p> <p><u>Распространение:</u> хакасы, алтайцы, шорцы (девичье украшение).</p>
	<p>II.2.Г. Кисти из шерстяных и шелковых нитей.</p> <p><u>Распространение:</u> алтайцы (девичье и женское украшение).</p>

III ТИП	
Прикрепляется поверх кос или косы при помощи расположенных на тыльной стороне украшения ремешков.	
1 вид	2 вид
Украшение на жесткой основе, на которую нашиты, прикреплены детали украшения	
<p>III.1.A. Серебряная или посеребренная металлическая пластина подтреугольной или трапециевидной формы надета на основу из куска толстой кожи. Пластина украшена чеканным или гравированным орнаментом, нередко со вставками из камней, эмалью. Верхний край имеет полукруглую форму. Нижний – украшен подвесками из низок бус, крученой проволоки, кистей из черных шелковых нитей.</p> <p><u>Распространение:</u> тувинцы (женское свадебное украшение <i>чавага</i>).</p>	<p>III.2. Кисти из черных шелковых нитей (искусственная коса), к основанию которой прикреплена небольшая металлическая или кожаная прямоугольная пластина со вставками из камней или нашитыми коралловыми бусинами.</p> <p><u>Распространение:</u> тувинцы (женское и мужское украшение <i>чалаа-кара</i>), буряты (женское и мужское украшение).</p>
<p>III.1.B. Четырехугольная или вытянутой трапециевидной формы жесткая основа из куска кожи или другого плотного материала обтянута красным сукном. На основу нашиты коралловые бусины, серебряные пластины, шелковые черные нити. Верхний край украшения венчает продолговатая посеребренная пластина, нижний – кисти из шелковых нитей.</p> <p><u>Распространение:</u> буряты (девичье и для молодых женщин украшение <i>сааж</i>).</p>	
<p>III.1.B. Четырехугольный кусок кожи или другого плотного материала, обтянутый тканью и плотно зашитый крупными и мелкими перламутровыми пуговицами, коралловыми бусинами, бисером и пр.</p> <p><u>Распространение:</u> хакасы (девичье украшение <i>нанчи</i>).</p>	

IV ТИП	
Украшение вплетается или прикрепляется с помощью пуговиц, петелек к нижним концам кос, соединяя их.	
1 вид	2 вид
Украшение в виде бахромы, свисающей с нижнего края перемычки. К верхнему краю прикреплены петли или короткие шнуры для крепления к волосам. Их число соответствует числу косичек.	Украшение с помощью ремешков вплетается в концы двух кос и, свободно свисая дугой, их соединит.
IV.1.A. Перемычка из ткани, украшенной бисером. Бахрома из низок бисера с раковинами каури на концах. <u>Распространение:</u> северные алтайцы (девичье украшение кумандинцев).	IV.2.A. Украшение в виде нескольких разной длины низок бусин, подвешенных между кольцами или треугольными кусочками кожи, украшенными раковинами. <u>Распространение:</u> северные алтайцы (женское украшение у кумандинцев, челканцев).
IV.1.B. Перемычка из узкой полоски кожи. С нее свисает бахрома из узких кожаных ремешков с нашитыми на них связками раковин. Ремешки соединяются медными кольцами. <u>Распространение:</u> алтайцы (кумандинцы, алтай-кижи, тубалары).	IV.2.B. Украшение в виде узкой бисерной ленты, два конца которой вплетены в концы кос так, что лента свободно свисает между ними. <u>Распространение:</u> юагиры, восточные ханты (женское украшение).
3 вид	4 вид
Украшение с помощью тесемок у верхних углов вплетается в косы и висит ниже их.	
IV.3.A. Украшение в виде вертикально висящей кожаной ленты, плотно зашитой бисером. Нижний конец украшен подвесками из бубенчиков, металлических жетонов, кисточек. <u>Распространение:</u> эвенки (женское украшение), юагиры (женское украшение).	IV.4. Парный косник для 2 кос в виде узких полосок кожи, украшенных раковинами, медными кольцами, с лирообразными медными подвесками на нижних концах, соединенных перемычкой. К верхним концам пришиты тесемки или пуговицы для крепления к косам. <u>Распространение:</u> южные алтайцы (женское украшение алтай-кижи, телеутов).
IV.3.B. Украшение в виде вытянутого по вертикали треугольника из плотной ткани, по всей поверхности которого нашиты металлические бляшки, пуговицы, цветные канты. Нижний край украшен бахромой. К верхнему углу пришита тесемка для вплетения в косы. <u>Распространение:</u> якуты (девичье украшение), нивхи (девичье украшение).	

V ТИП	
Украшение нанизывается, надевается на косу.	
1 вид	2 вид
<p>V.1. Узкие длинные чехлы для кос из ткани, украшенные тесьмой, позументом, коралловыми бусинами, серебряными пластинами.</p> <p><u>Распространение:</u> забайкальские буряты (женское украшение).</p>	<p>V.2. Замкнутые металлические ободки (полые цилиндры) более широкие для основания кос и узкие для их концов, гладкие или украшенные чеканкой, гравировкой.</p> <p><u>Распространение:</u> буряты (женское украшение <i>боолто</i> у хоринцев и эхиритов).</p>
3 вид	
<p>V.3. Подхваты для кос вытянутой овальной формы из бархата на плотной основе. Украшены рядами коралловых бусин. Одеваются на основание кос.</p> <p><u>Распространение:</u> забайкальские буряты (женское украшение <i>боолто</i> у цонголов).</p>	
VI ТИП	
Украшение вставляется в основание косы.	
1 вид	
<p>«Г»-образный стержень. Вертикальная перекладина вставляется в основание косы и обматывается вместе с ней ремешком. Горизонтальная часть торчит из косы под ухом.</p>	
<p>VI.1.A. Видимая горизонтальная металлическая часть стержня, часто гравированная с шариком на конце. К этой перекладине в торжественные дни подвешивались многочисленные цепочки и подвески. Вертикальная часть стержня обшита плотной темной тканью, под которую подкладывалась прядь волос, сплетавшаяся с косой.</p> <p><u>Распространение:</u> забайкальские буряты (женское украшение <i>туйба</i> у хоринцев).</p>	
<p>VI.1.B. Значительно более массивный г-образный стержень, целиком обшитый темной материей. Горизонтальная перекладина со всех сторон закрыта серебряной фигурной накладкой, украшенной чеканкой и гравировкой, цветными камнями. К вертикальной части стержня прикреплен пучок волос и длинная искусственная коса. После закрепления в основании косы вертикальная часть стержня закрывается фигурной серебряной пластиной и зашнуровывается с изнанки.</p> <p><u>Распространение:</u> забайкальские буряты (женское украшение <i>хонтуул</i> у сартулов).</p>	

Кроме перечисленных видов и типов накосных украшений, к волосам прикреплялись в разном сочетании и разном количестве всевозможные подвески в виде ажурных круглых и ромбовидных металлических пластин (ханты, манси, нганасаны, якуты), оправленных в филигранный ободок монет (буряты), бусин, бубенчиков, пуговиц.

I тип накосных украшений и связанный с ним тип прически охватывает три довольно больших и не связанных между собой географически и лингвистически ареала: Западную Сибирь (северные ханты, манси, ненцы, кеты), Северо-Восток Сибири (чукчи, коряки, эскимосы, тундровые юкагиры) и Дальний Восток (удэгейцы, орочи). Второй вид этого типа накосных украшений характеризуется плотной обмоткой волос специальным шнуром. Сам по себе шнурок или ремешок, употребляемый для обмотки, трудно рассматривать как особый вид украшения, и потому в приведенную классификацию он не входит. Все же нужно иметь в виду, что традиция обмотки волос в Сибири имеет более широкое распространение, чем первый тип накосных украшений. Она известна, помимо перечисленных народов, эвенкам, якутам, нанайцам и ульчам и имеет продолжение в Северной Америке. Это уже практически весь северо-сибирский ареал, включая Дальний Восток.

Накосные украшения Южной Сибири также выявляют и типологическое сходство и специфические для каждого народа черты. Украшения на жесткой основе (третий тип накосных украшений) известны тувинцам, хакасам, бурятам, причем в видах и подвидах, очень близких между собой. Объединяет эти народы и такая черта, как обычай вплетения искусственных кос из волос и шелковых нитей (III. 2). У хакасов нет такого вида специального украшения, если не считать кистей из волосяных шнурков, но сам обычай отмечен. Украшения для кос на жесткой основе встречаются также и к западу и юго-востоку от таких достаточно далеко стоящих друг от друга народов, как башкиры, киргизы, монголы [Бадмаева 1987, с. 73].

С таким видом накосных украшений Южной Сибири, как бахрома (IV. 1), по форме и конструктивным особенностям (бахрома из соединенных между собой по вертикали серебряных пластин) может быть связано и якутское наспинное украшение *кэлин-кэбихэр*, подвешивавшееся к гривне и реконструируемое как первоначально накосное украшение [Зыков 1976, с. 51].

II тип накосных украшений, объединяющий разного рода кисти, известен практически по всей Сибири и Северу. Но в наибольшем разнообразии подвидов, так же, как бахромы, он представлен в Южной Сибири. Известно, что кисти и бахромы – вид амулетов древнего происхождения, широчайшего ареала распространения, включающего в первую очередь Среднюю Азию.

IV тип объединяет разнообразные виды украшений, вероятно, генетически не связанные или мало связанные между собой. Выделение этого типа носит весьма искусственный характер. Показателен он лишь в том отношении, что демонстрирует весьма распространенный в Сибири принцип соединения кос между собой. Этот принцип в качестве сопутствующего признака, характерного для женских накосных украшений, встречается и в других типах (I. 1. А, I. 2. А, II. 1).

V и VI типы накосных украшений, характерные для бурят, не имеют аналогий на территории Сибири, но достаточно распространены у ряда племен Монголии.

2. Налобные украшения

I ТИП
<p>Налобная повязка из полосы ткани, ровдуги, завязывающаяся ремешками или застегивающаяся пуговицей, пряжкой на затылке. Лобная часть украшена бисером, бусинами, пуговицами, раковинами, металлическими бляшками и пр.</p> <p><u>Распространение:</u> южные ханты (женское и девичье украшение <i>саравать</i>), эвенки (женское ритуальное украшение <i>дэрбэки</i>), нанайцы (женское украшение <i>хокту</i>).</p>
II ТИП
<p>Налобная пластина из металла (железа, серебра) стреловидной, лопатообразной вытянутой формы.</p> <p><u>Распространение:</u> западные буряты (девичье украшение <i>юбун</i>).</p>

3. Головные повязки

I ТИП	
Головная повязка в виде венца с перекрестьем на макушке или с полосой, соединяющей лобную и затылочную (височные) части.	
1 вид	2 вид
<p>I.1. Мягкая головная повязка из ровдуги, расшитой бисером, сукна.</p> <p><u>Распространение:</u> ненцы (женское и девичье украшение <i>судор</i>), эвенки (девичье ритуальное украшение <i>элдэн</i>)</p>	<p>I.2. Головная повязка из ткани на жесткой основе из бересты (картона) в виде полосы или кокошника, расшитая бусинами.</p> <p><u>Распространение:</u> забайкальские буряты (девичье и женское украшение <i>даруулга</i>).</p>
3 вид	4 вид
<p>I.3. Головная повязка (венец) из металлического ободка, завязанная одной парой ремешков на затылке и второй под подбородком. Может иметь на макушке перекрестье из цепочек.</p> <p><u>Распространение:</u> нганасаны (девичье ритуальное украшение <i>саймиди</i>), ненцы (женское украшение).</p>	<p>I.4. Головная повязка из кожаного ремешка.</p> <p><u>Распространение:</u> чукчи, нганасаны (ритуальное девичье украшение, аналогичное <i>саймиди</i>).</p>

2 и 3 группы украшений – налобные и головные повязки – конструктивно очень близки между собой. Разница главным образом в том, что в первых акцентировалась и особенно украшалась только лобная часть, а во вторых – вся поверхность украшения. Количество перекладин в венцеобразных головных повязках варьировало. Так, у ненцев бытовали венцы с одной и двумя перекладинами. У забайкальских бурят наличие перекрестья на макушке – родоплеменной признак. В ряде случаев направление перекладины маркировало социовозрастную принадлежность: продольная перекладина, соединяющая лобную и затылочную часть, – признак *даруулги* женщины, а височные части – признак девичьей *даруулги* [Бадмаева 1987, с. 70].

Ко всем головным и налобным повязкам эвенков присоединялись различного рода височные подвески в виде низок бус, кистей, бахромы и т.п. У бурят височные подвески с *дарулгой* носили только девушки [Там же, с. 71].

5. Височные и височно-нагрудные украшения

I ТИП	
<p>Парные кольцеобразные височные подвески. Основу височной части украшения составляет незамкнутое кольцо из металлической проволоки с отогнутым книзу стержнем, на который нанизаны бусины (камень, коралл). Височные части могут соединяться между собой подвесками, спускающимися на грудь.</p>	
1 вид	2 вид
<p>Без нагрудных подвесок</p>	<p>С нагрудными подвесками, соединяющими нижнюю часть стержней</p>
<p>I.1.A. Отогнутый книзу стержень заканчивается петлей с подвеской в виде каменной пластины, металлического жетона, монеты, нитяной кисти. <u>Распространение:</u> народности Амура, хакасы.</p>	<p>I.2.A. Нагрудные подвески в виде цепочек, низок коралловых бусин. <u>Распространение:</u> хакасы, забайкальские буряты (<i>хиухэ, хиухэ-хээ</i> у хоринцев).</p>
<p>I.1.B. Металлический стержень с нанизанными на него коралловыми бусинами образует петлю. Височное кольцо имеет уплощенную переднюю (лицевую) часть с фигурной накладной пластиной. <u>Распространение:</u> забайкальские буряты (<i>сэртэбиэ</i> у баргузинских бурят).</p>	<p>I.2.B. Нагрудные подвески в виде ожерелья с тремя фигурными металлическими пластинами и колокольчиками. Височное кольцо дополнено фигурной чеканной накладкой на лицевой (передней) части. Внутреннее пространство кольца заполнено ажурным филигранным узором. <u>Распространение:</u> забайкальские буряты (<i>хиухэ-хонхо</i> у сартулов).</p>
II ТИП	
<p>Парные височные подвески в виде круглой пластины с резным орнаментом (или состоящей из нескольких плотно прилегающих и скрепленных друг с другом концентрических колец). От нижней – части спускаются 9–10 коралловых низок, соединенных в нескольких местах между собой. <u>Распространение:</u> западные буряты (украшение <i>хиухэ-моор</i> у верхоленских бурят)</p>	

I тип височно-нагрудных украшений объединяет кольцеобразные височные подвески народностей Амура, хакасов, бурят Забайкалья. У народностей Амура и хакасов это собственно серьги больших размеров, аналогичные 3 виду (I.3) в классификации типов ушных украшений. По мере увеличения размеров и тяжести украшения его становилось невозможно прикреплять непосредственно к ушам. Крупные и тяжелые серьги по несколько пар сразу подвешивались к специальной повязке (*сиэнтү* – нан.), к тесемке, перекинутой через голову, или к маленьким косичкам, вплетенным в основные косы. По месту размещения их можно назвать не только височными, но и околоушными подвесками. Гораздо дальше от исходного вида серег отошли височно-нагрудные украшения бурят. И дело не только в наличии нагрудных подвесок. Они могли присутствовать и в хакасских подвесках и серьгах, а также в серьгах хантов, хотя и в более примитивном

виде. При сохранении общих конструктивных признаков многие элементы бурятских височных подвесок значительно усложнились. Это касается и оформления височного кольца, и способов соединения деталей украшения и сложной системы нагрудных подвесок. В целом в создании бурятских украшений использовались гораздо более сложные технические приемы.

II тип, представленный височными подвесками западных бурят, несет в себе черты культуры, свойственные древним тюркоязычным племенам Южной Сибири, предкам якутов и алтайцев [Там же, с. 76].

6. Ушные украшения. Серьги

I ТИП	
Кольцеобразные серьги из изогнутой серебряной, медной, железной проволоки	
1 вид	2 вид
<p>1.1. Серьги в виде незамкнутого кольца без подвесок, иногда с нанизанными прямо на кольцо бусинами, каменными дисками.</p> <p><u>Распространение:</u> девичьи, женские и мужские (меньших размеров) серьги практически у всех народов Южной Сибири и Дальнего Востока.</p>	<p>Кольцеобразные серьги с подвесками.</p> <p>1.2.А. Разнообразные подвески из низок бисера с монетами, жетонами, пуговицами на концах.</p> <p><u>Распространение:</u> алтайцы, хакасы, шорцы (в основном девичьи серьги).</p>
<p>3 вид</p> <p>Кольцеобразные серьги с отогнутым книзу стержнем, на который нанизаны бусины</p> <p>1.3.А. Серьги с круглым кольцом для вдевания в ухо. Отогнутый книзу стержень с нанизанными на него бусинами имеет внизу бусину с подвеской.</p> <p><u>Распространение:</u> якуты (женские и мужские серьги <i>туорах ытырга</i>), алтайцы, хакасы, тувинцы (женские и мужские серьги).</p>	<p>1.2.Б. Подвески в виде тонкой пластины, иногда составной, из меди, серебра; обычно с мелкими подвесками в нижней части из металла и бисера. Форма разнообразная, но чаще всего лиро- и тюльпанообразная.</p> <p><u>Распространение:</u> женские серьги у народностей Амура (<i>лэргшукэн</i> – нанайцы), якутов (<i>тугэжтээх ытырга</i>), алтайцев (кумандинцев, тувинцев).</p>
<p>1.3.Б. Серьги с круглым кольцом для вдевания в ухо. Отогнутый книзу стержень с нанизанными бусинами снова загибается вверх вдоль бусин и спирально закручивается вокруг верхней части стержня под кольцом.</p> <p><u>Распространение:</u> народности Амура (женские и мужские серьги нанайцев <i>хайпон, мокасу, хусэгдэсу</i>).</p>	<p>1.2.В. Подвески литые лирообразной формы из латуни, олова, свинца, с маленькими подвесочками из коротких низок мелкого бисера. Иногда со вставкой из коралла или камня.</p> <p><u>Распространение:</u> алтайцы (телу-у-ты, кумандинцы), шорцы (женские серьги).</p>
<p>1.3.В. Серьги с круглым или закругленным треугольным кольцом для вдевания в ухо. Отогнутый книзу стержень выше и ниже бусины закручен в плотную спираль по диаметру бусины.</p> <p><u>Распространение:</u> хакасы, алтайцы, тувинцы (женские серьги).</p>	

II ТИП

Серьги с основой из ровдужного ремешка (сухожильной нити), на которую нанизаны бисер, бусины, металлические пронизки, пуговицы и пр. К нижнему концу прикреплена подвеска в виде металлического жетона, монеты, каменная или костяная подвеска. Ремешок вдевался в отверстие в мочке уха и завязывался узелком или образовывал петлю.

Распространение: ханты, манси, ненцы, эвенки, эвены, юкагиры, чукчи, коряки, эскимосы (женские и мужские серьги).

III ТИП

Серьги крючковые с подвеской.

Распространение: мало распространен в Сибири, встречается в основном на серьгах, сделанных в подражание привозным образцам.

Серьги кольцеобразного типа характерны для народов Южной Сибири (алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев, бурят, якутов), народностей Дальнего Востока (нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев, нивхов, айнов). Причем повсеместное распространение среди перечисленных народов имели серьги 3 вида этого типа. А если иметь в виду вероятность происхождения височных подвесок (I типа) от кольцеобразных серег (I.3), то ареал бытования кольцеобразных серег включит в себя и забайкальских бурят.

Кольцеобразные серьги имеют весьма древнее происхождение и были распространены в Южной Сибири и Монголии, если судить по каменным изваяниям, относящимся к тюркским племенам VII–IX вв. н.э. [Евтюхова 1941, с. 128]. Рассматривая обычай ношения кольцеобразных серег мужчинами-алтайцами, Л.П. Потапов отмечает, что у кочевых народов Южной Сибири он был известен уже в период ранних кочевников, по крайней мере с V в. до н.э. [Потапов 1951, с. 8]. С.И. Вайнштейн прослеживает 8-образную серьгу тувинцев с того же времени [Вайнштейн 1974].

Аналогии кольцеобразным серьгам за пределами Сибири можно найти как у территориально близких монголов, китайцев, так и у более отдаленных народов Средней Азии и Казахстана.

7. Носовые украшения. Серьги**I ТИП**

Кольцеобразные серьги.

Распространение: нанайцы, орочи, удэгейцы, тазы, самагиры. Как исключение встречались у ульчей, нивхов, негидальцев.

1 вид

I.1. Серьга в виде небольшого колечка, которое носили в носовой перегородке или крыле носа.

2 вид

I.2. Серьга из проволоки, изогнутой в форме восьмерки, с нижней частью в виде плоской спирали. Носили в носовой перегородке.

Аналогий этой группе украшений в Сибири нет. Есть параллели в Средней Азии и Казахстане. Носовые серьги бытовали у туркмен, узбе-

ков даштыкыпчакского происхождения, некоторых групп таджиков и каракалпаков.

Носовые серьги здесь также носили и в крыле носа, и в носовой перегородке. Обращает на себя внимание один из типов этих украшений, основу которого составляет кольцо, отделанное спиралевидной проволокой [Борозна 1974, с. 40]. Прямой аналогии в оформлении серьги нет (кроме общей кольцеобразной формы), но спираль широко используется как элемент украшения [Сазонова 1970, с. 126].

II. ШЕЙНО-НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ

I ТИП Шейное кольцо	
1 вид	2 вид
Гривна – металлическое кольцо из сплава серебра, бронзы, меди округлое или уплощенное в сечении. Концы кольца разомкнуты и загнуты петлями или имеют отверстия для продевания ремешка их связывающего.	1.2. Украшение из полосы металла, загнутой кольцом в форме усеченного конуса. Максимальная ширина равна высоте шеи. Концы соединены ровдужными ремешками или металлической застежкой.
I.1.A. Литое кольцо с витым рельефом и петлеобразными изгибами в передней части. <u>Распространение:</u> якуты, юкагиры, эвенки (эвены).	
I.1.B. Плоское кольцо с гравированной поверхностью. <u>Распространение:</u> якуты.	
I.1.B. Литое массивное кольцо без петлеобразных изгибов. <u>Распространение:</u> якуты, долганы, удэгейцы (женское украшение <i>монголи</i>), вероятно нанайцы (девичье и свадебное украшение <i>ори</i>).	

Женские якутские гривны *кылдъыы* могут дать также в каждом подвиде варианты по признаку наличия или отсутствия подвесок (нагрудных и наспинных) и по типу этих подвесок.

II ТИП Украшение в виде полосы ткани.	
<p style="text-align: center;">1 вид</p> <p>Полоса ткани, расшитая бисером и металлическими бляшками, перекинутая через шею и концами свисающая на грудь.</p>	<p style="text-align: center;">2 вид</p> <p>Нагрудная перевязь – лента, расшитая бусинами, бисером, носившаяся наискосок через грудь. <u>Распространение:</u> васюганские ханты, забайкальские буряты (женское украшение).</p>
<p>II.1.A. Имеет выраженную шейную часть в виде стоячего «воротничка», к концам которого прикреплены подвески из ажурных лент. <u>Распространение:</u> южные ханты (женское украшение <i>рох</i>).</p>	
<p>II.1.B. Шейная часть не оформлена, на ней обычно отсутствует вышивка бисером. <u>Распространение:</u> южные и северные ханты и манси, восточные ханты.</p>	
<p>II.1.B. Концы полос ткани, спускающиеся на грудь, соединены между собой четырехугольным нагрудником, на который нашита бисерная сетка. <u>Распространение:</u> ханты, манси (женское украшение <i>мал'соупс</i>).</p>	
III ТИП Нагрудники	
<p>Нагрудники имеют довольно разнообразную форму: от вытянутой серповидной, закрывающей только верхнюю часть груди, до квадратной, закрывающей всю грудь. Видовым признаком форма служить не может, поскольку при всем разнообразии она в своей основе едина. Кроме того, в одном и том же виде украшения она может варьировать от полуовальной до полукруглой.</p>	
<p style="text-align: center;">1 вид</p> <p>Нагрудники, декоративные детали которых пришиты на плотную основу из ткани, кожи, ровдуги.</p>	<p style="text-align: center;">2 вид</p> <p>III.2. Нагрудник серповидной формы в виде ажурной сетки, низанной из бисера. <u>Распространение:</u> сургутские, кызымские ханты.</p>
<p>III.1.A. Серповидный кусок ровдуги или плотной ткани, зашитый рядами бисера, мелких пуговиц. Геометрический орнамент повторяет форму основы. К концам пришиты завязки, к нижнему краю – иногда бахрома в виде ажурной бисерной сетки. <u>Распространение:</u> восточные ханты, северные ханты и манси (женское украшение).</p>	<p style="text-align: center;">3 вид</p> <p>III.3. Нагрудник серповидной формы из кендырной ткани, вышитый цветными нитками. Нижний край украшен подвесками из коротких низок бисера и бусин. <u>Распространение:</u> шорцы.</p>

1	2
<p>III.1.Б. Полуовальный, вытянутый по вертикали, с вырезом для шеи в верхней части кусок кожи, обтянутый тканью (плис, бархат). Поверхность зашита крупными и мелкими перламутровыми пуговицами, коралловыми бусинами, а между ними – рядами бисера. Нижний край усажен бахромой из ниток бисера, бусин, монетами.</p> <p><u>Распространение:</u> хакасы (женское свадебное украшение <i>ного</i>).</p>	<p>4 вид</p> <p>III.4. Полуовальной формы украшение из оленьей шкуры мехом внутрь. Мездра окрашена в красный цвет. Украшен несколькими металлическими пластинками и вышивкой оленьим волосом. К нижнему краю пришита бахрома из нарезанного полосками куска ровдуги.</p> <p><u>Распространение:</u> нганасаны.</p>
<p>III.1.В. Нагрудник подквадратной или трапециевидной формы. Основа обтянута плотной тканью, лицевая поверхность зашита серебряными пластинами.</p> <p><u>Распространение:</u> якуты (девичье украшение).</p>	<p>5 вид</p> <p>III.5. Металлические (медь, железо, серебро) пластины серповидной формы. К нижнему краю прикреплены подвески из бусин и жетонов.</p> <p><u>Распространение:</u> нганасаны, энцы (украшение <i>деридэку</i>), нанайцы, ульчи (украшение невесты <i>сэлкэ</i>), ханты или селькупы.</p>
<p>IV ТИП Ожерелья*</p>	
1	2
<p>1 вид</p> <p>Ожерелья без подвесок.</p>	<p>2 вид</p> <p>Ожерелья с подвесками. Подвески, кроме того, могли носиться на ленте, ремешке, цепочке. Подвески очень разнообразны. Выделены только основные подвиды.</p>
<p>IV.1.А. Ожерелья в 1, 2, 3 нити из бусин и бисера.</p> <p><u>Распространение:</u> повсеместно.</p>	<p>IV.2.А. Круглые подвески (а – металлические, б – каменные).</p> <p><u>Распространение:</u> а – якуты (<i>кун</i>), буряты, эвенки, юкагиры; б – нанайцы, ульчи, нивхи (<i>косо, ори, сиан</i>).</p>

* В литературе название «Ожерелье» употребляется весьма широко по отношению к различным видам украшений из разных материалов, располагающихся вокруг шеи и на груди. Здесь этот термин употреблен в более узком смысле слова, подразумеваются украшения, нанизанные на нить, шнур, кожаный ремешок. При описании различных видов украшений народов Сибири этот тип украшений практически не упоминается намеренно, т. к. он распространен повсеместно и описать его имеет смысл в одном месте, чтобы избежать повторений.

<p>IV.1.Б. Ожерелья из монет. <u>Распространение:</u> буряты, якуты (женское украшение)</p>	<p>IV.2.Б. Подвески-обереги в виде клыков диких животных, антропоморфных и зооморфных фигурок, бусин и пр. Часто хранились в мешочках, украшенных бусинами и бисером. <u>Распространение:</u> чукчи, коряки, юкагиры и многие другие.</p>
<p>IV.1.В. Ожерелья из «природных» материалов местного происхождения. <u>Распространение:</u> эскимосы (ожерелья из покрова слизняков, наростов на головах птиц, моржовых зубов), чукчи. Алтайцы, шорцы (из рыбных позвонков).</p>	
<p>IV.1.Г. Ожерелья из разнородных предметов: бусин, металлических пуговиц, пластинок, пронизок, доннышек патронов, деталей часового механизма и т.п. <u>Распространение:</u> ханты, долганы, нганасаны.</p>	<p>IV.2.В. Кресты нательные. <u>Распространение:</u> якуты, хакасы, ханты, эвенки, долганы.</p>

Кроме якутов, украшения первого типа (I.1) отмечены у юкагиров и тунгусов. В данном случае речь идет либо об эвенках Охотского побережья (см. [Золотарев 1938, с. 80–81]), либо об особой группе эвенков (см. [Долгих 1955, с. 40]). Вероятно, у этих народов гривны нужно отнести к разряду заимствований. У эвенков на пограничной с якутами территории были распространены и другие виды якутских украшений. Много якутских и эвенкийских заимствований у юкагиров. Каким образом гривна (украшение, с древнейших времен распространенное у народов Европы и Средней Азии, а может быть и шире), появилась на территории Сибири, сказать трудно. В.П. Дьяконова предполагает, что якутами она была заимствована у народов Центральной и Средней Азии [Дьяконова 1958, с. 185].

Якутские воротнички (I.2) по форме и способу декорирования (каннелюры, расположенный между ними растительный орнамент) очень близки серебряным браслетам якутов же. Об этом говорит и одно из названий украшения – *бэгэх*. Различие только в размерах. В то же время у *хабарга симэгэ* есть общие черты с одним из подвидов якутских гривен (I.1.Б) – плоская, покрытая гравированным орнаментом поверхность. К тому же к *хабарга симэгэ*, как и к гривне, могли подвешиваться нагрудные и наспинные подвески. Следует заметить, что в якутских погребениях XVII и XVIII вв. находили только гривны и браслеты [Стрелов 1937]. Все это дает возможность говорить о весьма позднем происхождении этого вида украшений.

Есть данные о том, что и у народностей Амура существовали украшения, подобные гривне и шейному «воротничку». Характерно, что нанайское шейное украшение *бэлгаптун* также чрезвычайно похоже на браслет *билэптун*.

II тип шейно-нагрудных украшений (II.1), вероятно, ведет свое происхождение от украшенного воротника и грудного выреза одежды (типа женской рубахи хантов *ернас*). Украшение подвида Б (II.1.Б) имело уже вполне самостоятельный характер, а украшение подвида А (II.1.А) часто еще пришивалось к вороту рубахи [Прыткова 1953, с. 208]. Интересно, что такой же характер носило и нагрудное украшение *töштök* у алтайцев и шорцев. Это нечто вроде шалевого воротника из сукна на ситцевой подкладке, с прокладкой из бересты или плотного картона. *Töштök* украшался серебряным галуном, бисером, пуговицами, вышивкой [Каталог... 1979, с.68]. Он хранился в сундуке и в необходимых случаях пришивался к женской рубахе *кунек* [Потапов 1951, с. 32–33]. Но отдельно от рубахи, в отличие от хантыйского украшения, никогда не носился. Думается, что постепенное выделение особо украшенных деталей одежды в самостоятельные предметы – съемные украшения – один из путей возникновения и развития ряда видов украшений.

Мансийское и хантыйское украшение (*mal'soups* – манс.) (II.1.В) представляет собой развитие II типа украшений, вероятно локальное и довольно позднее.

Украшения II типа характерны для южной группы хантов, но известны, хотя и в меньшей степени, также у северных хантов и манси (II.1.Б, II.1.В). Локализация украшений подвида Б у восточных хантов позволяет считать его не типичным, а заимствованным у южной группы. Известно, что сходные типы украшений широко бытовали у народов Поволжья и Средней Азии [Лукина 1985, с. 231].

Несмотря на то, что хантыйские и бурятские перевязи объединены здесь в один вид (II.2), генетически они между собой вряд ли связаны. Буряты, например, на таких перевязях носили медальон (ладанку) *гуу*.

III тип нагрудных украшений представлен наибольшим количеством видов и подвигов.

Нагрудник как определенная часть костюма довольно широко распространен в Сибири. Считается, что это характерная часть одежды тунгусо-зычных народов, а также долган. Кроме того, нагрудники как часть шаманской или промысловой одежды бытовали у кетов, селькупов, якутов, юкагиров, энцев, нганасан [Василевич 1949, с. 42]. Известны «лечебные» нагрудники ульчей.

Рассматривая тунгусские женские нагрудники, Г.М. Василевич в особый (II-й) тип выделяет нагрудники «представляющие собой ровдужную основу, к которой прикреплены украшения: нагрудное, набрюшное или поясное и нижнее – на подоле [Там же, с. 56]. И далее высказывает мысль о том, что одним из источников происхождения тунгусского нагрудника этого типа могли быть украшения, закрывающие грудь и гениталии: «Первоначально эти украшения были самостоятельными частями одежды, потом стали прикрепляться к основе и, наконец, превратились в орнамент на ровдужной основе» [Там же]. Если раньше речь шла о превращении особо украшенных частей одежды в самостоятельные украшения, то здесь мы, видимо, имеем дело с обратным процессом – сращиванием ряда групп украшений (нагрудных, набрюшных и проч.) и превращением их в

деталь костюма. При этом, согласно мнению Г.М. Василевич, металлические украшения сначала стали пришиваться к ровдужной основе, а затем превратились в вышитый бисером орнамент. Вероятно, в процессе этого превращения можно выделить ту стадию, когда украшения нашивались на основу и были близки описанному здесь типу украшений в виде нагрудника. Что-либо определенное о форме этого нагрудника сказать трудно. В этом плане определенную пользу могло бы принести изучение тунгусских и долганских нагрудников с этой точки зрения. В частности, большой интерес, несомненно, представляет долганский женский летний нагрудник из ровдуги (*тюһюлюк*). К краю шейного выреза его пришита самостоятельная деталь в виде нагрудного украшения неправильной формы (как бы с фестонами), орнаментированного цветным бисером и пуговицами из белого металла. К нижним краям «нагрудника» пришиты подвески из бусин и круглых медных бляшек с ушками [Попов 1958 а, с. 99]. Можно предполагать, что даже при отсутствии отдельного нагрудного украшения орнамент вышивки на нагрудной части и особенно форма этой вышивки могли бы многое сказать об исходной форме нагрудных украшений. Описывая женский нагрудник тунгусов *кэлэкэн*, С.И. Николаев отмечает, что его орнаментировали, выделяя верхнюю трапециевидную часть. На ней вышивали характерный зубчатый рисунок, зубцы которого направлены кверху. Один из зубьев нередко соединялся с окаймлением передней части нагрудника [Николаев 1964, с. 94].

Привлекает внимание исследователей общность происхождения 1 вида нагрудников (III.1). Так, например, Ю.А. Шибаева, анализируя формирование одежды качинцев, прослеживает ее связь с древнеякутской одеждой. Хакасские *пого* указывают на «давнюю культурную связь древних качинцев с башкирами, которая возникла еще в те времена, когда древние качинцы жили на Тоболе» [Дьяконова, Ключева 1980, с. 8, 84]. Очевидно, как считает Н.В. Лукина, с данной территории украшения этого типа попали к васюганским хантам [Лукина 1985, с. 231]. Развитием этого же вида можно считать и нагрудное украшение сургутских хантов (III.2), которое отличается от первого вида только техникой исполнения.

III вид – металлические нагрудные пластины – связан с 1 видом не только формой, но и в ряде случаев способом прикрепления к аналогичной по форме основе из ровдуги (энецкое *деридэжу*).

Металлические серповидные пластины из меди и латуни известны как нагрудные подвески шаманских костюмов у нганасан и энцев. Для них характерно наличие антропоморфных изображений (головок) духов-хранителей [Иванов Л., 1970, с. 104]. Вероятно, такие же пластинки, но без антропоморфных изображений, являлись нагрудными украшениями. Они подвешивались на ремешках, а также пришивались к нагрудной части женских комбинезонов. Подобное украшение в виде серповидной пластинки из низкопробного серебра с характерным штампованным орнаментом найдено также в хантыйском погребении (МАЭ, № 5542–51). К этому же виду относятся нанайские и ульчские серебряные серповидные украшения *селкэ*. Ю.А. Сем отмечает, что это украшение на Амуре не носило автохтонного характера. Покупали его у якутов и маньчжуров [Сем 1973, с. 232].

Выделение видов и подвидов в IV типе шейно-нагрудных украшений весьма условно, т.к. оно охватывает небольшую, хотя и типичную часть имеющихся в наличии вариантов. Как было сказано, амулеты часто хранились в мешочке, подвешенном на шею (чукчи, коряки, юкагиры, нганасаны и др.). Такой мешочек сам по себе можно рассматривать как украшение, если он, скажем, вышит и украшен бисером. Отсюда же ведет происхождение такой вид шейно-нагрудных украшений, как нганасанское *сейми*, которое является имитацией такого мешочка.

Кресты (IV.2.B) имеют достаточно позднее происхождение, их появление связано с процессом христианизации коренного населения Сибири. МАЭ располагает весьма обширной коллекцией крестов якутов, а также хантов, эвенков, долган, хакасов [Клюева, Михайлова 1988, с. 189–199].

III. УКРАШЕНИЯ РУК

1. Кольца

I ТИП Простые кольца	
1 вид	2 вид
Кольца металлические (медные, серебряные, реже латунные, оловянные, золотые). В сечении плоские и выпуклые. Поверхность гладкая или украшенная простым гравированным орнаментом.	Мужские предохранительные кольца из металла, кости, камня
I.1.A. Замкнутые (литые). <u>Распространение:</u> все народы Северной и Южной Сибири, Дальнего Востока.	I.2.A. Кольца, одеваемые на указательный палец. <u>Распространение:</u> северо-восточные палеоазиаты
I.1.B. Разомкнутые (кованые), с концами, находящими друг на друга, или со спиралевидными концами. <u>Распространение:</u> буряты, якуты, нанайцы.	1.2.B. Кольца, одеваемые на большой палец. <u>Распространение:</u> народности Амура.

II ТИП	
Сложные кольца (перстни). По характеру щитка можно выделить:	
1 вид	2 вид
II.1. Перстни со вставками из стекла, камней, коралла. <u>Распространение:</u> буряты, хакасы, алтайцы, тувинцы, шорцы, ханты.	II.2. Перстни без вставок, в том числе перстни-печатки и именные перстни. <u>Распространение:</u> якуты, хакасы, алтайцы, тувинцы, буряты

2. Браслеты

I ТИП	
Браслеты из бусин и бисера, нанизанных на нить (ремешок), нашитых на полосу ткани (ровдуги, кожи) или нанизанных в виде бисерной сетки. Замкнутые или застегивающиеся на пуговицу. <u>Распространение:</u> ханты, манси (детские), чукчи, коряки, хакасы (женские).	
II ТИП	
Браслеты, плетенные из волос, шерсти, волокон травы, коры. <u>Распространение:</u> нанайцы, ульчи, нивхи и др. народности Амура.	
III ТИП	
Браслеты из полоски бересты с давленным или резным орнаментом. <u>Распространение:</u> хакасы.	
IV ТИП	
Металлические браслеты из серебра, меди, бронзы, железа.	
1 вид	2 вид
Круглые в сечении браслеты.	Витые браслеты.
IV.1.A. Концы сомкнутые, поверхность гладкая или с простым гравированным орнаментом. <u>Распространение:</u> эвенки, коряки, нанайцы.	IV.2.A. Концы разомкнутые, спиралевидные. <u>Распространение:</u> коряки, нивхи, нанайцы.
IV.1.B. Концы разомкнутые. Поверхность гладкая. <u>Распространение:</u> буряты.	IV.2.B. Концы разомкнутые, округлые или четырехугольные. <u>Распространение:</u> нанайцы.
3 вид	
IV.3.A. Браслеты из вытянутой четырехугольной пластины с сомкнутыми (округлыми, прямоугольными, спиралевидными) концами. Гладкие или украшенные гравировкой, чеканкой, вставками из камней. <u>Распространение:</u> повсеместно.	
IV.3.B. Браслеты из вытянутой овальной пластины с горизонтальной прорезью. <u>Распространение:</u> энцы.	
IV.3.B. Браслеты из пластины в форме трапеции. Поверхность украшена гравировкой. Концы стягиваются ремешками или застегиваются металлическим замком. <u>Распространение:</u> якуты, нанайцы.	

IV. УКРАШЕНИЯ НОГ

1. Ножные браслеты

I ТИП

Браслеты, плетенные из волос, волокон.

Распространение: нанайцы, ульчи, нивхи, возможно, и другие народы Амура.

II ТИП

Металлические браслеты – плоские, узкие, с округлыми замкнутыми концами.

Распространение: нанайцы, ульчи, нивхи, возможно, и другие народы Амура.

Первые три типа браслетов, выделенные по признаку материала, из которого они изготовлены, носят в большинстве случаев ярко выраженный защитный характер и рассматриваются не столько как украшения, сколько как амулеты. Как правило, это детские браслеты, у взрослых ношение браслетов этих типов сохраняется только у северо-восточных палеоазиатов и у хакасов. У народностей Амура детские плетеные браслеты на определенном этапе заменялись на металлические (ножные и ручные). При этом особую близость к амулетам сохраняли простые медные ручные браслеты.

Совершенно особые – берестяные браслеты хакасов. Ни в каких других украшениях на территории Сибири береста больше не употреблялась. В то же время известен единственный якутский браслет из бересты, найденный в погребении, форма и размер которого полностью совпадают с параметрами серебряных браслетов XIX в. В средней части браслет украшен вдавленным сетчатым орнаментом, окруженным одним рядом кружков. По верхнему краю сохранились два параллельных ободка из тальника. Ободки пришиты волосяными нитками крестообразным швом [Зыков 1976, с. 49]. Можно предполагать, что здесь мы имеем дело с заменой при погребении металлических украшений на берестяные. О существовании такого обычая говорит В.Л. Серошевский: при погребении удаляются все металлические украшения, оставляют «только шейный крест да обручальное кольцо, а у женщин – серьги, но вещи эти отнюдь не должны быть серебряные, а медные; более щепетильные делают их даже из дерева» [Серошевский 1896, с. 618]. Может быть, этот обычай связан с бытованием в дометаллическом прошлом украшений из дерева (бересты). В определенной степени это предположение подтверждается на амурском материале. Ю.А. Сем, описывая нанайский браслет *билэптун*, типологически близкий якутским серебряным браслетам, отмечает, что в прошлом, по свидетельству его информаторов, носили браслеты такой же формы из бересты [Сем 1973, с. 299]. Обращает на себя внимание и то, что и у якутов, и у нанайцев помимо берестяных и серебряных браслетов одного типа были также шейные украшения, повторяющие форму этих браслетов. Есть сведения (не вполне определенные) о бытовании у якутов берестяного шейного украшения [Зыков 1976, с. 49].

III

В этой части работы предпринимается попытка рассмотреть некоторые аспекты функционирования описанных украшений народов Сибири. Известно, что всякий предмет, бытующий в традиционной культуре, обладает набором функций, располагающихся в том или ином порядке [Богатырев 1971, с. 297–366]. Особенность украшений состоит в том, что их прагматическая (утилитарная) функция стремится к нулю, а символическая (экстраутилитарная) выражена максимально ярко. Такое соотношение энергетической (практической у П.Г. Богатырева) и коммуникативной функций обуславливает постоянно высокий семиотический статус украшений [Байбурин 1989, с. 73].

Спектр символических функций, или коммуникативный аспект, украшений широк. Рассматривая его и прибегая с этой целью к операции расчленения функций, следует иметь в виду, что это искусственный прием, необходимый для исследования. В процессе бытования украшения выступают как «целостный факт» с нерасчлененными функциями [Там же, с. 78].

Если рассматривать комплекс украшений как некий текст, отчетливо выступает лежащая на поверхности функция обозначать статус лица, их носящего.

По своим формальным признакам (технике исполнения, характеру, форме) украшение может быть отнесено к определенному этническому ареалу, этносу, этнической группе. Украшения в этом контексте выступают в качестве этнического знака, знака своей культуры. Нет сомнения в том, что и родоплеменная принадлежность могла находить определенное выражение в украшениях. Здесь, вероятно, играли большую роль такие признаки, как используемые мотивы орнамента, преобладающие цвета и т.п. Конкретных данных на этот счет, к сожалению, практически нет. Г.М. Василевич высказывала предположение о зависимости формы женского нагрудника (а первоначально нагрудных украшений) от племенной принадлежности женщины, выделяя один тип нагрудника у долган и два типа у эвенков к западу от Енисея, что коррелирует с данными о наличии потомков двух различных племен в родовом составе этих этнических групп [Василевич 1949, с. 58].

Комплекс украшений (а в некоторых случаях отдельные украшения и их определенные детали) несет и более конкретную информацию о своем владельце, начиная с таких общих признаков, как пол, и кончая индивидуальными пристрастиями и вкусами.

Общепризнанно, что по набору носимых украшений можно судить о поле, возрасте, социальном положении владельца. Детство, отрочество, зрелость, переход человека из одной возрастной группы в другую, включение его в систему родственных и родовых связей находили отражение в наборе украшений, в определенных манипуляциях с ними.

Для периода детства, а еще в большей степени младенчества, характерно почти полное отсутствие половой обусловленности украшений, несмотря на определенную дифференцированность социального и ритуально-

го подхода к новорожденным мальчикам и девочкам. Первые детские украшения: браслеты, серьги, ожерелья – одинаковы у детей обоего пола. Такая изначальная половая немаркированность детских украшений находит выразительную параллель в специальном возрастном термине, одинаковом для мальчиков и девочек [Алексеев 1988, с. 10; Грачева 1988, с. 41; Таксами 1988, с. 99; Дьяконова 1988, с. 161]. Даже накосные украшения, появившиеся в более позднем возрасте и в силу прямого контакта с волосами чрезвычайно интимно связанные с жизненным циклом человека [Дьяконова 1986, с. 38], до определенного момента могли сохранять некое половое безразличие. У кетов, хакасов, алтайцев обоего пола украшения кос в виде кистей были одинаковы. В то же время именно прическа и накосные украшения девочки служили у многих народов первым полодифференцирующим признаком, появившимся довольно рано и, возможно, маркировавшим границу между младенчеством и детством. Лет с восьми девочкам (буряткам и телеуткам) начинали заплетать в дополнение к «мужской» (одинаковой с мальчиками и мужчинами) косе, идущей от затылка, косички из волос, растущих от висков. В косички девочек-алтаек вплетались и украшения по типу женских, но без специфических видов, впервые появившихся на свадьбе [Там же, с. 36].

У ряда народов Северной Сибири впервые сооруженная прическа с соответствующими накосными украшениями была четким полодифференцирующим признаком и оставалась неизменной в течение большей части жизни. Ненецкие девочки, а возможно и девочки северных хантов и манси, очень рано начинали носить сложные прически с украшениями в виде «ложных кос» и носили их до старости без существенных изменений.

Вступление в фертильный возраст маркировалось у многих народов появлением специальных украшений. Сам по себе факт полового созревания, будучи чрезвычайно важным, не означал, что человек автоматически вступал в брачный возраст. Для того, чтобы иметь право вступить в брак или даже добрачные половые отношения, человек должен был отвечать определенным социальным критериям совершеннолетия. В первую очередь он должен был освоить сообразную своему полу гамму хозяйственных занятий и навыков, быть включенным в ритуальную жизнь коллектива, т.е. быть готовым вести самостоятельную семейную жизнь. Сочетание двух факторов – физической и социальной зрелости – и служило нормативным критерием совершеннолетия и вступления в брачный возраст и было одинаково важным и для юношей и для девушек.

Юноши, как правило, вступали в брачный возраст позднее девушек, поскольку их трудовая социализация требовала обычно большего времени и оставляла позади момент полового созревания. Вероятно поэтому, у юношей на первый план выходил социальный фактор, оставляя в тени физиологический. Важность момента именно социальной зрелости у юношей хорошо видна на специфических мужских украшениях народов Амура – нивхов, ульчей, орочей, нанайцев, ороченов, манегров. У этих народов мужские костяные и металлические кольца, служившие в старину для стрельбы из лука, одновременно являлись знаком возмужалости, способности владеть луком, поэтому «аам» составляет необходимую принадлежность каж-

дого гильяка, достигшего зрелости» [Шренк 1899, с.36]. Знаковый характер кольцо сохраняло и при утрате прямого практического назначения – с выходом лука из употребления.

У девушек совершеннолетие (вступление в брачный возраст) наступало, вероятно, несколько раньше, их воспитание строилось таким образом, чтобы их физиологическая готовность к браку совпадала с социальной. Возможно, в силу наглядности момента вступления девушки в фертильный возраст физиологический момент некоторым образом выступал на первый план. Именно поэтому большинство украшений, маркирующих этот момент, были связаны с головой, в первую очередь с волосами (связь волос и головных украшений с репродуктивной функцией женщины будет рассмотрена ниже). Это девичьи накосные украшения *нанчи* у хакасов, *чалаакара* у тувинцев, *сааж* и налобное украшение *юбун* у бурят. Появление в волосах девушек этих украшений говорило о готовности к замужеству и возможности сватать их. С девичьего же возраста обычно начинали носить и другие головные украшения – венцы и головные повязки у южных хантов, эвенков, бурят, нанайцев, возможно и ненцев. У нганасан и энцев именно девичий венец *саймиди* являлся символом достижения совершеннолетия и готовности вступить в половые отношения, а затем и в брак [Симченко 1963, с. 174–175].

Определенные знаковые изменения претерпевали и те виды украшений, которые носили с более раннего возраста. Так, тувинская девушка наряду с простыми гладкими кольцами (аналогичными мужским) начинала носить небольшие перстеньки с кораллами. Девичьи серьги по сравнению с одинаковыми серьгами девочек и юношей также принимали более сложную форму. В целом знаковая роль серег в определении возрастного и социального статуса у народов Южной Сибири была значительна. Именно с серьгами у алтайцев был связан термин, означавший девушку-невесту – *сыргалу*, «имеющая серьги» [Потапов 1951, с. 44].

Функция маркирования половозрастного статуса девочки-девушки-женщины в общем виде развивалась так: недифференцированность украшений, появление в украшениях девушек первых четких полодифференцирующих признаков (с сохранением некоторых черт как бы социальной неполноценности, «бесплоности» украшений), постепенное возрастание дифференцирующих признаков, четкая маркированность украшений. Украшения мальчиков и мужчин практически не имели тенденции к изменению. Половая знаковость проявлялась за счет усложнения девичьих украшений и появления специальных новых видов украшений, главным образом головных.

В таком развитом виде эта схема представлена в основном у народов Южной Сибири, для которых вообще характерна более дробная возрастная периодизация. У народов Северной Сибири и Дальнего Востока первые специфически женские виды украшений были связаны скорее с моментом полового созревания («ложные косы» и головные повязки у ненцев) и сохранялись в качестве полодифференцирующего признака в течение всей жизни женщины без изменений, характерных для народов Южной Сибири. Вероятно, по мере размывания традиций этот преобразующий момент в

разных этнических группах мог несколько перемещаться в сторону детского возраста или, наоборот, приурочиваться непосредственно к свадьбе. Правда, за неимением детальных данных об этом можно говорить только предположительно.

Одна из наиболее значимых символических метаморфоз в жизненном цикле человека – вступление в брак, начало наиболее продуктивного в социальном и физиологическом отношениях периода жизни – зрелости. Свадебные обряды народов Сибири при всей вариативности входящих в них ритуальных действий включали два основных момента. Во-первых, обменные отношения между двумя коллективами (родами, семейно-родственными группами), переход девушки в род мужа при патрилокальном браке, соединение жениха и невесты. И, во-вторых, переход девушки в новую возрастную и социальную категорию. Способы символизации связей между брачующимися сторонами в плане их выражения разнообразны, но значительное место среди прочих занимают манипуляции с волосами и украшениями жениха и невесты. А изменение социально-возрастного статуса невесты маркировалось, главным образом, сменой костюма, прически, украшений.

Во время первого обряда свадебного церемониала – сватовства – у тувинцев девушке заплетали дополнительную косу, означавшую, что она занята, просватана [Сат 1984, с. 192]. Вероятно, ту же смысловую нагрузку у алтайцев несло украшение *тана*, прикреплявшееся к девичьим косникам.

Момент просватанья иногда отмечался и тем, что девушка начинала носить украшения, врученные ей во время сватовства родственниками жениха или самим женихом. Это был первый знак ее будущей принадлежности к роду мужа. У иркутских бурят в свадебном обряде особую роль играло нагрудное украшение *хоолобши* в виде кораллового ожерелья с крупной крестообразной бляхой, позже, видимо, замененной подвешенной на цепочке (ленточке) серебряной или золотой монетой. *Хоолобши* надевал на шею невесте жених или его родители при сватовстве. Если сватовство отвергалось, *хоолобши* не принимали. Если же предложение было принято, то *хоолобши* символизировало новое положение девушки. М. Хангалов отмечал, что *хоолобши* – «это первый обычай сватовства и без “хоолобши” сватовства быть не может» [Хангалов 1898, с. 41]. Возможно, в древности такая же роль отводилась украшениям в виде шейного кольца (*косо*, *ори*, *белгантун*), распространенным у народов Амура. Если же рассматривать эти украшения как подарок рода жениха невесте в знак сватовства, то становятся более понятными кажущиеся противоречивыми высказывания исследователей о характере этих украшений. В логическую цепочку увязывается то, что это украшение надевали на шею девочкам, то, что это свадебное украшение, родовая драгоценность, передаваемая из поколения в поколение, а также и то, что это выкуп за невесту.

Принято называть свадебным полный набор украшений, свойственных женскому костюму и впервые одеваемых на свадьбу. Это в полной мере справедливо для тех народов (или отдельных этнотерриториальных групп), где невеста с самого начала принимала участие в центральных обрядовых действиях в женском костюме. Так, у якутов невеста надевала полный женский набор украшений (браслеты, серьги, гривну с нагрудными и на-

спинными подвесками, начальник) перед поездкой в дом жениха [Слепцов 1989, с. 36]. В то же время для многих народов Южной Сибири существенным моментом свадьбы была именно смена девичьего костюма на женский. В этом случае как свадебные можно рассматривать и девичьи украшения, включая специальные украшения, связанные с помолвкой, так как именно в этом наборе украшений невеста появлялась на свадьбе с тем, чтобы в центральном свадебном обряде поменять их на женские.

Особая роль прически и накосных украшений в свадебном ритуале общепризнана [Клюева, Михайлова 1988, с.125–126]. Семантики украшений, связанных с волосами, коснемся кратко ниже. Пока же речь идет о манипуляции с волосами и накосными украшениями как действии, которое символизировало момент превращения девушки в женщину путем придания ей знаков нового возрастного и социального статуса. Часто эта процедура совмещалась с нанесением на невесту «меток» семьи жениха [Новик 1984, с. 187].

Моделирование обменных отношений между брачующимися группами прослеживается в обрядах причесывания невесты и жениха, в соединении концов их кос (западные тувинцы [Потапов 1969, с. 236], кеты [Алексеевко 1980, с. 53]), в обмене накосными украшениями (нганасаны [Симченко 1963, с. 173]). У народов Южной Сибири обряд причесывания невесты обычно совершался представителями двух групп. Так, у теленгитов расплетание волос невесты проводили две женщины со стороны жениха и невесты. Косу с правой стороны заплетала родственница девушки со словами «я даю ее», с левой – родственница жениха, произнося «я беру ее» [Дьяконова 1980, с. 22]. У бурят-сартулов во время обряда причесывания невесты гребень, украшения *туйба*, *татуурга* и другие давала мать жениха [Очирова 1986, с. 173]. Украшения, снятые с волос – девичьи – отдавали матери невесты [Бадмаева 1987, с. 67]. Таким образом, в самом выразительном варианте девичьи накосные украшения оставались принадлежностью рода невесты, а новые женские украшения принадлежали роду жениха. У теленгитов части украшений девичьей прически (бусины, раковины) раздавались присутствующим на свадьбе [Дьяконова 1986, с. 36]. У хакасов невеста дарила бусины девушкам, расплетавшим ей косы [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 174]. В изготовлении специального накосного свадебного украшения *чавага* у тувинцев принимали участие и родственники жениха, и родственники невесты. Обычно *чавага* переходила по наследству от матери к дочери (т.е. была собственностью рода невесты), но если дочерей было несколько и *чавага* приходилось заказывать заново, то для его изготовления использовались украшения, привезенные женихом [Потапов 1969, с. 238]. Родовая знаковая роль накосного женского украшения *тыйыр'ан* наиболее ярко проявлялась у кетов. Есть данные о том, что это украшение (и одежда) приготавливались для новой невестки женщинами из семьи жениха или более отдаленными родственниками из той же родовой группы. Орнамент на этом украшении определял принадлежность к той или иной семье или родовой группе [Алексеевко 1980, с. 52].

У малочисленных народов Северной Сибири и юга Дальнего Востока свадебный обряд имел общие черты с пышными и сложными свадебными

обрядами сравнительно крупных скотоводческих народов Южной Сибири [Гурвич 1980, с. 90], но отличался значительной упрощенностью, сводясь зачастую только к моделированию обменных отношений между брачующимися коллективами. У этих народов (по крайней мере по данным XIX – начала XX вв.) отсутствовала и ярко выраженная дифференциация девичьих и женских украшений. В свадебных церемониях не зафиксированы обряды, связанные с переменой прически и украшений, столь характерные для народов Южной Сибири. Исключение составляют только кеты.

Возможно, эти традиции были частично утрачены. Если И.Г. Георги отмечал существование многокосной прически у ненцев и остяков [Георги 1799, ч. I, с. 72, ч. III, с. 9], а значит она должна была в определенный момент меняться на женскую, то более поздние исследователи специальной девичьей прически уже не наблюдали. Известно, что девичьи прически отличались от женских и у северо-восточных палеоазиатов. Девичья прическа у юкагиров была многокосной в отличие от двухкосной женской. У чукчей женская и девичья прически хоть и были двухкосными, все же отличались местом заплетения кос. Они плелись в одном случае от ушей, в другом – ближе к затылку. У народов Амура прически неженатой молодежи отличались особым образом сложенными косами с соответствующими накосными украшениями, т.е. во всех случаях перемена прически должна была иметь место, но осталась, видимо, незафиксированной, может быть в силу общей невыразительности этих обрядов свадебного цикла. Можно предположить, что перемена прически осуществлялась самой девушкой без особой маркированности этого момента, подобно тому, как нанайская невеста в день отъезда из дома сама переплетала девичью косу на две женские [Смоляк 1980, с. 65].

При отсутствии специального свадебного костюма, что характерно для многих народов Северной и Северо-Восточной Сибири, невеста все же должна была отличаться от окружающих женщин торжественной нарядностью одежды [Попова 1981, с. 156], большим количеством украшений [Прыткова 1970, с. 48].

В приведенных выше примерах центральные события свадебного ритуала в основном совпали (может быть, даже в рамках одного ритуального действия), т.е. девушка получала знаки нового социально-возрастного статуса и одновременно устанавливались определенные отношения между родовыми или семейно-родственными коллективами, выразившиеся в соединении жениха и невесты. Но эти события могли быть и значительно разнесены во времени, и получение девушкой нового личного статуса уходило как бы на периферию собственно свадьбы или вообще выпадало из ее рамок.

У народов Северной Сибири статус женщины девушка получала задолго до свадьбы. Так, у нганасан женскую одежду и украшения совершеннолетняя девушка впервые надевала на праздник Чистого чума, в центре которого были именно юноши и девушки. Затем этот же костюм использовался во всех остальных обрядах жизненного цикла: свадебном и похоронном. После участия в ритуальной игре «Иняку» на празднике Чистого чума парни и девушки могли вступать в интимные отношения, которые не озна-

чали брака, но должны были строго соответствовать экзогамным нормам [Грачева 1988, с. 59]. Подобного рода добрачные половые отношения практиковались у многих народов Сибири – хантов, манси, эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей и др., а также в некоторой степени (с большими ограничениями) у якутов и бурят. У эвенов свадьбу часто устраивали уже после рождения ребенка.

Вступление в фертильный возраст, беременность (или рождение ребенка), вероятно, рассматривались как социально значимые события одного ряда, при этом второе выступало реализацией первого. Оба события в равной мере оценивались как переходный момент из девичьего состояния в женское. Если у нганасан внимание фиксировалось на моменте полового созревания и вступления в фертильный возраст, то у некоторых этнотерриториальных групп бурят переходным моментом считалось рождение ребенка. Обряд *yhээ zahaxa* (переплетение волос невесты) совершался в доме невесты по прошествии довольно длительного времени после свадебного пиршества и обряда приобщения невесты к роду жениха. До проведения этого обряда новобрачная продолжала носить праздничную многокосую прическу или одну девичью косу. У ольхонских бурят невеста ходила со множеством косичек и соответствующими украшениями до рождения младенца [Басаева 1980, с. 200], у тункинских бурят – до наступления беременности. Только после этого проводился обряд заплетания женских кос, перемены накосных украшений и невеста становилась «женщиной, равной всем женщинам улуса» [Требуховский 1929, с. 20].

Таким образом, можно говорить о принципиальной разнесенности двух основных моментов свадебного цикла. Получение знаков женского статуса могло приурочиваться не столько к собственно свадебным обрядам, относящимся главным образом к общественному быту родовых коллективов, сфокусированным на установлении определенных отношений между этими коллективами, сколько к переходным моментам биологического характера. Это или момент полового созревания, совпадающий у девушек с совершеннолетием, вступлением в фертильный возраст, или реализация этого положения в виде беременности или рождения ребенка. Несовпадение во времени двух центральных событий свадебной обрядности можно, вероятно, рассматривать как следы более древних общественных отношений. В то же время эта тенденция оказалась достаточно стойкой, сохранявшейся и с привнесением совершенно иных традиций. Отмечено, что у эвенов после традиционного свадебного обряда женщина продолжала носить девичью прическу в две косы и волос не прятала. Только после венчания в церкви ей делали женскую прическу. Здесь, вероятно, новый обряд по своей социальной значимости приравнивался к рождению ребенка [Попова 1981, с. 20].

Наличия каких-либо специальных мужских свадебных украшений не отмечено. Видимо, это были те же украшения, которые мужчина носил всю жизнь. Хотя, вероятно, некоторое внимание украшениям жениха все же уделялось, особенно накосным. Практически единственное свидетельство на этот счет – замечание Р.Д. Бадмаевой. По словам ее информаторов, косу жениха к свадьбе украшали круглой пластиной, кистью, коралловыми бусами. Но подобную роскошь могли позволить себе только состоятельные

буряты. Сохранились воспоминания стариков, соответствующие наблюдениям Ф. Ланганса, относящимся к последней четверти XVIII века, о многокосной прическе бурятского жениха [Бадмаева 1987, с. 21, 47].

Тезис о различии комплекса украшений девушки и замужней женщины с учетом того, что статус приобретался не всегда во время свадьбы, вполне справедлив по отношению к народам Южной Сибири.

В ряде случаев можно выделить специфически девичьи и специфически женские виды украшений. Скажем, матерчатый нагрудник, расшитый серебряными бляшками, у якутов был чисто девичьим украшением. После свадьбы его снимали и более не надевали. А нагрудное хакасское украшение *ого* было специфическим украшением замужней женщины.

Другие группы украшений (серьги, кольца, браслеты) у девушек и женщин различались по характеру. Развитие комплекса украшений шло как по линии увеличения их числа, так и путем усложнения украшений. У тувинцев маленькие кольцеобразной формы сережки *дээрбек сырга* девочки носили до брачного возраста. В ушах четырнадцати-шестнадцатилетней девушки были серьги более сложной формы – *дозу дээрбек* или *кулак дээрбек терлиг сырга*. После свадьбы носили женские серьги, отличавшиеся массивностью, изысканностью ювелирного исполнения [Сат 1984, с. 190, 194, 196]. Девичьи кольца и перстни *чустук* менялись на женские с большой накладной пластиной. Невесте полагалось надеть четыре серебряных перстня (у бедняков – медные). Девичьи браслеты из серебра или меди были совершенно гладкими, без рисунка, женские – обязательно с орнаментом [Потапов 1969, с. 239]. Свидетельства о специфических видах женских и девичьих перстней есть также у алтайцев и хакасов.

Отмечены и другие варианты дифференциации женских и девичьих украшений – по месту их ношения. У хантов на Анюе девушки, в отличие от женщин, носили серьгу в одном (левом) ухе [Лукина 1985, с. 343]. Есть данные о том, что у алтайцев девушки также носили серьгу в одном ухе [Народы Сибири 1956, с. 190]. Кольца и перстни разного рода носили и мужчины, и женщины. У тувинцев девушки носили кольца на безымянном пальце и мизинце [Сат 1984, с. 190], женщины – не менее четырех перстней на среднем и безымянном пальцах либо на трех средних пальцах [Потапов 1969, с. 259]. У баргузинских бурят отличительным знаком замужней женщины было отсутствие кольца на безымянном пальце, вообще же кольца носили на всех пальцах [Бадмаева 1975, с. 193]. Тувинцы, мужчины и юноши, носили кольца на указательном и большом пальцах [Потапов 1969, с. 239]. Ульчи, мужчины и женщины, носили кольца на обеих руках, женщины – на среднем пальце, мужчины – на указательном [Смоляк 1966, с. 189].

Наибольшей полнотой, строгой обусловленностью конкретной жизненной ситуацией отличался женский набор украшений. Украшения молодой женщины у народов Южной Сибири в течение всего детородного периода были особенно изысканны, многочисленны, отличались сложным исполнением.

Вдовство как специфический жизненный статус маркировался переменной прически, часто распусканием волос, что было, вероятно, своеобраз-

ной антитезой строго регламентированной женской прическе. Накосные украшения снимались [Дьяконова 1986, с. 36]. Статус вдовы, с одной стороны, приближался к положению старухи в силу временной утраты репродуктивной функции, с другой стороны, отличался регламентированностью снятия определенных видов украшений. Для старости же как определенного этапа жизненного цикла была характерна необязательность ношения украшений, отсутствие строгой системы в их наборе.

С наступлением старости, выходом из фертильного возраста набор украшений значительно упрощался и сводился к минимуму, приближаясь к детскому («бесполому») варианту. У тувинцев женщина в 50–55 лет снова возвращалась к ношению маленьких кольцеобразных сережек *дээрбек сыр-га* [Сат 1984, с. 196]. У забайкальских бурят у женщин преклонного возраста сохранялись только косные чехлы с *туйба* или только *туйба*. Если у женщины были хорошие волосы, она продолжала носить косные украшения в виде двух крупных коралловых бусин, закреплявшихся ниже уровня плеч на косах [Бадмаева 1987, с. 74]. Жизненный путь, пройдя круговой путь развития, возвращался к исходной точке.

Наличие определенного набора украшений, как уже говорилось, было обязательным по крайней мере для женщин репродуктивного возраста. В условиях выраженной имущественной дифференциации, с одной стороны, сохранялась нормативность этого набора, т.е. все женщины носили определенные виды украшений, с другой стороны, качество и количество украшений женщины во многом зависело от благосостояния владелицы, ее семьи. Например, у якутов величина серебряных серег с подвесками была признаком состоятельности женщины. Бусинные серьги, маленькие серьги-колечки были достоянием менее имущих слоев населения [Зыков 1975, с. 47–48]. Браслеты у нанайцев были общепринятым украшением. Но представители наиболее зажиточных слоев населения носили на каждой руке по три-пять серебряных браслетов, а бедняки – один браслет, обычно медный, иногда просто изогнутый кусок медной проволоки [Сем 1973, с. 239]. У бурят, хакасов украшения различались по количеству и величине использования бусин. «Серьги свахи, как и богатой женщины, состоят из больших круглых моржанов (большой, насколько помнится – в величину крупной вишни, оценивался в 30 рублей)» [Островских 1895, с. 318]. У бурят, по воспоминаниям стариков, за каждый крупный камень отдавали лошадь или корову. Естественно, что бедняки могли позволить себе лишь однорядное ожерелье [[Художественная обработка металла в Бурятии... 1974, с. 39, 81].], а у женщин из зажиточных семей бурятской знати («лучших людей») число коралловых рядов в ожерелье достигало десяти, общая стоимость некоторых украшений доходила до 500 и 1000 рублей [Ядринцев 1891, с. 257]. Таким образом, при наличии определенных имущественных различий внутри общества сложные дорогостоящие украшения являлись в основном достоянием местной знати, зажиточных слоев населения, т.е. могли выступать знаком богатства и высокого социального положения.

Информационный аспект бытования украшений очень важен, но он далеко не исчерпывает всех функций. Не менее существенно то, что укра-

шениям приписывалось обладание некоей «независимой магической» или «сверхъестественной силой» [Богатырев 1971, с. 201, 202].

Некоторые предметы приобретали магические свойства в результате совершения над ними определенных действий. Так, у чукчей посредством заклинаний, сделанных шаманом, бусины обращаются в охранителей и «обычно замещают всякого рода мелкие изображения и лица» [Богораз 1939, с. 52]. Другие предметы обладали магической силой изначально в силу присущей им природы. Поскольку обладание силой, о которой идет речь, не сводится ни к магии, ни к сверхъестественному, и связано подчас с действием сложных семантических механизмов, его и рассматривают как семантику или символику вещей [Топорков 1989, с. 91].

Простейший способ семантизации заключается в том, что предмет наделяется символическим значением на основе его отдельных характеристик: материал, цвет, форма и т.п. [Там же, с. 94].

Сверхъестественной силой обладали определенные части тела животных: клыки, когти, отдельные кости, части шкуры и т.п., которые часто употреблялись для изготовления украшений. Особенно широко эти материалы применялись для изготовления детских украшений-амулетов. Но известны случаи, когда женщины носили бусы из когтей рыси, зубов диких животных [Сем 1973, с. 324]. Употребление определенных частей тела животных связано с представлениями о порционных душах, которые, например, по представлениям эвенков находились у медведя в лапах, когтях, клыках [Василевич 1969, с. 225]. Такого рода предметы являлись полноценными заместителями самого зверя и могли с помощью его физической или ментальной силы по законам магии охранять своих хозяев. «Если у нанайца умерло несколько детей, то, спасая новорожденного, он брал клык медведя или кабана, коготь рыси или медведя и обращался к ним со следующими словами: “Моего ребенка караулить (защищать) тебя зову”, – и привязывал клык или коготь к колыбели» [Иванов 1977, с. 89]. Нивхи обвязывали кисти и лодыжки ребенка нитками, ссученными из волокон крапивы и собачьей шерсти, полагая, что это оградит его от злых духов, поскольку считали, что собака способна видеть злых духов и отгонять их своим лаем [Павлинская 1988, с. 231]. Путем присоединения определенных предметов животного происхождения могла увеличиваться охранительная сила украшений. У нанайцев к серьгам подвешивались косточки из головы сазана *чикуктэ*, клыки лисы, когти рыси [Сем 1973, с. 231]. Обращает на себя внимание обычай прикреплять к серьгам клочки меха и пух: пух лебедя на девичьих серьгах алтайцев [Потапов 1951, с. 44; МАЭ, № 2334–126; ГМЭ, № 4334–109/2.], пучки лисьего волоса на детских серьгах у нивхов [Шренк 1899, с. 633], ненецкие «серьги с шерстью» [РЭМ № 1503–14 а., в]. Помимо того, что определенные части тела животных (кожа и концы носов крупных животных, когти, зубы и челюсти волка, медведя, лисицы) считались «отстранителями несчастья», они могли передавать ребенку черты характера, приписываемые животным. У нанайцев, чтобы мальчик стал смелым, отец вешал ему на шею крепкий клык медведя [Липский 1923].

У народов Южной Сибири, Средней Азии, Казахстана охранительная сила приписывалась раковинам каури, из которых делались детские оже-

релья, а в более древние времена каури были непременной частью женского ожерелья. Широко использовались каури для изготовления наконечников украшений не только в Южной Сибири, но и у народов Амура. Не останавливаясь более подробно на представлениях, связанных с раковинами каури, отметим лишь то, что они в большой степени были связаны с культом змеи [Васильева 1986, с. 190]. Теленгиты нанизывали раковины на шнурок и надевали на шею ребенку или нашивали на белую тряпочку, которую подвешивали к колыбели [Тоцакова 1978, с. 40]. Каури у народов Южной Сибири – универсальный оберег, символ рождения и жизни.

Перламутр, по представлениям тувинцев и алтайцев, обладал лечебными свойствами. Украшение *тана* в виде перламутрового диска, пуговицы было широко распространено у тувинцев, алтайцев (теленгитов), хакасов с древнетюркских, уйгурских эпох [Дьяконова 1986, с. 42].

Огромна сакральная сила металла – материала, наиболее широко употреблявшегося у всех народов Сибири для изготовления всевозможных украшений и их деталей. Сами по себе металлические украшения, блеск металла, звон металлических подвесок в мировоззрении всех сибирских народов обладали способностью отпугивать злые сверхъестественные силы [Гурвич 1977, с. 117]. Г.Н. Грачев усматривает связь металла с огнем и солнцем (а белого металла и с луной) через огонь и блеск металла [Грачева 1989, с. 115, 117].

В особой разработке нуждается вопрос цветовой символики, в частности – цветовой символики металлов, у народов Сибири. Здесь отметим лишь особое отношение многих народов Сибири к белым сплавам. Часто отмечалось пристрастие хантов и манси к кольцам из белых металлов [Лукина 1985, с. 232]. Излюбленным материалом для украшений у якутов было серебро. «Желая выразить высшую степень красоты, они говорят “как серебро” и любовное ласкательное их имя – *конюсь* – серебро» [Сорошевский 1896, с. 393–394]. Особо ценились серебряные женские украшения (перстни, браслеты) у алтайцев, тувинцев, хакасов. У бурят большую роль в свадебных украшениях играло олово. Косы новобрачных и их одежду обязательно украшали оловянными бляшками. Знаковую роль олова подчеркивает и термин *туулгатай басаган* – «девушка с оловом», т.е. невеста. Наконечники украшений у закаменских и окинских бурят назывались в дословном переводе «кораллы и олово невесты» [Галданова 1986, с. 154]. В данном случае особую символическую нагрузку нес именно серебристо-белый цвет металла. Белый цвет у тюрко-монголов ассоциируется с положительной парадигмой значений. Поэтому символическим требованиям, наиболее существенным в данном случае, отвечали и другие материалы белого цвета – серебро (в виде монет) и даже белые пуговицы, которыми в дальнейшем заменили оловянные бляшки [Там же, с. 155].

Нужно отметить, что широкое распространение серебра в качестве материала для украшений в Сибири в целом – явление довольно позднее. Так, у якутов в XVII в. (возможно и ранее) наиболее распространены были медные украшения и отделка медью. Лишь в XIX в. на первое место среди металлов выступает серебро, правда не в чистом виде, а со значительными примесями меди и олова [Носов 1988, с. 11].

Семиотична и форма украшений. Повсеместное распространение имели круглые подвески из различных материалов (дерева, металла, камня), вышивка (бисером, сухожильными и другими нитками, оленьим волосом) в виде розеток, концентрических кругов с зубцами, расходящимися из центра радиальными линиями, лучами и т.п. Эта форма и орнаментальные мотивы ассоциировались с солнцем, представления о котором связывались с благожелательным, защищающим началом. Упомянем здесь, например, нганасанскую подвеску в виде металлического зеркала, которая носила название солнце-койка или день(свет)-койка [Грачева 1977, с. 225]. Подобные подвески в Сибири хорошо известны у ненцев, энцев, бурят, якутов, эвенков, юкагиров. У последних круглая нагрудная подвеска также имела характерное название, перекликающееся с нганасанским – «грудное солнце». Солярные кружки из камня в виде амулетов упоминает С.В. Иванов [1977 с. 84–85]. Изображение солнца в виде деревянного кружка с бороздками по краю и спиральной линией в центре *к'енг'най* было и у нивхов [Иванов 1954, с. 400–401].

Символика круга не сводится только к его солярным значениям, но имеет и более общую семантику, связанную с верой в охранительную силу круга, где он выступает как постоянный магический круг, граница между внутренним и внешним мирами. Оберегом является вещь, устанавливающая символические (поэтому наиболее эффективные) границы между людьми и силами внешнего мира [Байбурин 1989, с. 86].

С этим связана повсеместно распространенная вера в магическую силу кругового обвязывания рук, ног, пальцев, суставов и т.п. Отсюда ведут свое происхождение такие украшения, как кольца, браслеты, ожерелья, головные повязки. У народов Амура в некоторой степени сохранилась и преемственность форм магического круга. Здесь уже упоминался обычай нивхов обвязывать кисти и лодыжки новорожденного растительными волокнами, переплетенными с собачьей шерстью. Детские браслеты делались и из волос стариков, переплетенных с нитками и тряпочками, тонких полос коры осины, кожи. Вероятно, браслеты из такого рода материалов считались особенно сильными апотропеями, в которых особенно нуждались маленькие дети. Позже (лет в 5–6) младенческие браслеты заменялись металлическими, аналогичными браслетам взрослых, но, естественно, меньших размеров. Значительную близость с круговым обвязыванием сохраняли кожаные браслеты на запястье и предплечье, ремешки с подвесками, которые носили на шее и вокруг торса под мышками чукчи и эскимосы.

Важные апотропеические и катартические функции выполняли кольца, часто унизывавшие пальцы обеих рук. У манси и хантов кольца надевали на все пальцы так, что они закрывали фаланги до суставов. Много колец одновременно имели обыкновение носить нанайцы и многие другие народы. Особое внимание уделялось женским рукам в связи с общей концепцией ритуальной нечистоты женщины. Наиболее строгой табуации подвергались женщины в период их физиологической активности [Новик 1984, с. 164–165]. Вера в охраняющую и очищающую силу колец свойственна всему Востоку, начиная от ведических индусов и кончая современными персами. Так, у таджиков широко распространено поверье, согласно

которому готовить пищу женщина должна была непременно в серебряном кольце, иначе руки ее будут считаться нечистыми [Чвырь 1977, с. 98]. В этом же ряду находится и обычай, предписывающий тувинским женщинам носить не менее четырех перстней, предпочтительно серебряных.

Представление о магическом круге входило, вероятно, и в семантику таких украшений, как серьги (ушные и носовые), если иметь в виду исходную кольцеобразную форму этих украшений, включая и петлю из ремешка, вдеваемую в ухо, у народов Северной Сибири. Основным магическим назначением этих предметов была охрана так называемых «ворот души» – отверстий, через которые душа могла покидать тело. У алтайцев шаман, поймав душу, вышедшую из тела, возвращал ее человеку, дуя в ухо через кулак [Анохин 1929, с. 256].

Несколько слов нужно сказать об отверстии в мочке уха. Обычай прокалывать ухо рассматривается как практическая необходимость, связанная с ношением серег, т.е. отверстие делали для того, чтобы продевать серьгу. Некоторые данные, связанные главным образом с амурским регионом, дают возможность рассматривать эти явления в противоположном порядке, меняя местами причину и следствие. У нивхов отверстие в мочке уха имело некое самостоятельное значение, связанное с представлениями о жизненном цикле человека, круговороте человеческих душ. Нивхи считали, что если в ухе не сделать отверстия для серьги, то душа может после смерти человека погибнуть навсегда. Е.А. Крейнович приводит предание, согласно которому возле входа в селение мертвых сидит старуха и просматривает уши умерших. От нее ведут две дороги. Если у мертвого есть серьга или просто отверстие в ухе, старуха направляет его в селение мертвых по хорошей дороге, а если такого отверстия нет, она прокалывает ухо души своим шилом и пускает ее по плохой дороге, где душа и погибает [Крейнович 1973, с. 348]. По другому варианту этого предания, приведенному Л.Я. Штернбергом, у покойника отнимают душу, если он отказывается проколоть дырку в ухе при встрече со старухой. «Сережки носят, – говорится там же, – не для украшения, а ради дырок в ушах» [Штернберг 1933, с. 330]. Совпадает с этим высказыванием и мысль Е.А. Крейновича о том, что прокалывание в ушах отверстий для серег – это позднее переосмысление обряда, смысл и природа которого забыта нивхами [Крейнович 1973, с. 348]. Если иметь в виду первичность отверстия в ухе, то окажется, что серьга была нужна для того, чтобы не дать этому отверстию зарости, закрыться. А отверстие в мочке уха само по себе обладало сверхъестественной силой. Информатор Курчук рассказывал Крейновичу о том, что, когда он родился (до этого у его матери умерло несколько сыновей), ему в одном ухе прокололи много дырок, чтобы спасти его. Потом эти дырки заросли [Там же]. Свидетельством некоего самостоятельного значения отверстий в мочках ушей может служить и достаточно распространенный обычай сначала прокалывать уши, а серьги вдевать спустя значительное количество времени. Например, у тувинцев уши девочкам прокалывали в один-два года, но серьги не вдевали. В дырочки, чтобы они не заросли, вдевали палочки от кирпичного зеленого чая, которые всплывали на поверхность во время приготовления напитка, или собственные волосы девочки. Маленькие коль-

цеобразные сережки девочки начинали носить только в пять-семь лет [Сат 1984, с. 190–191].

Защитная магическая функция украшений включает в себя как составной элемент и приемы криптической магии. Обычай прятания (сокрытия) мальчиков как более ценных членов сообщества описаны у многих народов. Например, у тувинцев при необходимости «мальчикам прокалывали при рождении мочку одного уха и вдевали серьгу, давая при этом имя девочки» [Там же]. Не свойственные представителям мужского пола украшения служило не только для временной ритуальной перемены пола, но и расценивалось как дополнительный оберег, особенно эффективный в силу своей необычности. Этим же целям служил и кетский обычай продевания серьги в ухо мальчику, оставшемуся без матери [Алексеев 1967, с. 150]. У бурят мужчина должен был носить одну сережку в ухе, если он оказался единственным ребенком у матери и назывался *эрэганса* [Тугутов 1948, с. 135].

В особых случаях прибегали к ношению украшений, не свойственных данной этнической группе или всему этносу. У нанайцев, живших по Амуру ниже реки Горин, а также ульчей женщины носили носовую серьгу в виде крошечного колечка в перегородке носа в качестве предохранительного амулета в том случае, если умирали дети. Даже в 1947 г. в селе Булава А.В. Смоляк видела ульчскую женщину с колечком в носовой перегородке. С такой же целью носил кольцо в носовой перегородке и мужчина-нанайец, встреченный в 1860 г. К. Максимовичем, которому объяснили, что это кольцо являлось своеобразным оберегом, используемым в том случае, если у мужчины умирало несколько детей [Смоляк 1984, с. 225].

Некая исходная общность украшений, олицетворяющих магический круг, подчеркивалась одновременным их надеванием в младенческом возрасте. У нивхов обвязывали суставы младенца и прокалывали мочки его ушей [Крейнович 1973, с. 348]. Подобным образом у чукчей в первые месяцы после рождения ребенка на его запястье одевали кожаный ремешок с бусиной [Чесноков 1988, с. 142]. Если родители боялись, что ребенок умрет, они применяли особое «защищающее ребенка заклинание». Во время произнесения этого заклинания на шею ребенка надевали кожаное ожерелье, потом протыкали мочки ушей ребенка и вставляли серьги из трех маленьких цветных бусинок [Богораз 1939, с. 178]. У манси мать надевала на ручку новорожденного ребенка бисерный браслетик, который носился до тех пор, пока ребенок не вырос. Такие же браслеты были у северных хантов [Федорова 1988, с. 85]. Из бусинок, раковин каури, подаренных родственниками на рождение, делали браслет и надевали на правое запястье ребенку у хакасов [Бутанаев 1988, с. 212]. Как уже говорилось, для многих народов было характерно раннее прокалывание ушей, а там, где носили носовую серьгу, и носовой перегородки. Носовую серьгу девочкам одевали в среднем в четыре-пять лет [Сем 1973, с. 231]. Но если предполагалась серьезная угроза ребенку со стороны враждебных сил, к помощи этого охранителя прибегали гораздо раньше. А.А. Белькович видел носовые серьги и у грудных детей [Белькович 1896, с. 67]. С.Н. Браиловский отмечал, что носовую серьгу начинали носить «чуть ли не со дня рождения» [Браиловский 1901, с. 130].

Вероятно, к этому же ряду относятся и шейные, главным образом детские украшения в виде нанизанных на нить предметов (раковин каури, рыбьих позвонков и т. п.) или подвешенных на веревочку амулетов.

Браслеты, серьги, головные повязки и некоторые другие украшения выполняли функции лечебной и репродуктивной магии. Браслеты (особенно медные) считались у многих народов лечебным средством. Например, буряты полагали, что медный браслет помогает при вывихах, растяжении жил или мышц [Бадмаева 1987, с. 78]. У эвенков мужчины, страдающие головной болью, носили маленькую серьгу в ухе [Линденау 1981, с. 56]. Можно усмотреть в этих украшениях и определенные черты магии плодородия. Скажем, нанайские женщины носили с этой целью ножные браслеты [Сем 1973, с. 230]. Иными словами, все эти украшения благодаря материалу, из которого они были сделаны, обладали определенным комплексом магического воздействия на человека. Но наиболее ярко проявлялись их апотропеические свойства.

В другой группе украшений, свойственных главным образом женщинам фертильного возраста, молодым замужним женщинам, при сохранении охранительной функции украшений максимально актуализируется магическая функция, связанная с идеей плодovitости, чадородия, сопричастная живительным силам природы. Свидетельством этой сопричастности являются многочисленные установки, сопрягающие манипуляции с украшениями и еще в большей степени волосами женщины с природными явлениями. У алтайцев уши девочкам старались прокалывать ранней весной, когда разливались реки [Потапов 1951, с. 50]. Появление украшений, приуроченных к началу цветения и половодья, символизировало сопричастность девушки-невесты порождающим силам природы [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 173]. Первая стрижка волос у теленгитов Горного Алтая также проводилась весной, когда дни становились длиннее, в дни совпадающие с новолунием. Прическу делали только в благоприятное время суток, после обеда – «чоло-ой». Мыли волосы раз в месяц, в новолуние [Дьяконова 1986, с. 34]. Связь волос с внешними силами могла выражаться и табуированием операций, связанных с волосами в определенные периоды [Клюева, Михайлова 1988, с. 127].

Этими свойствами в наибольшей степени обладали накосные женские украшения. В архаическом мировоззрении усматривалась некая внутренняя связь волос женщины (их длина, густота) с ее плодovitостью, возможностью сохранить свое потомство. Характерно в этом отношении тюркское презрительное прозвище, которым награждали бесплодную женщину или женщину, дети которой умирали, – «куу баш» – буквально «высохший череп», т.е. женщина, «лишенная волос» [Абрамзон 1949, с. 86]. Широкое распространение в Сибири имела тенденция увеличивать с помощью накосных украшений косы женщины (их длину, толщину) до преувеличенных, не свойственных естеству размеров. «Ложные косы» ненцев, северных хантов и манси создавали впечатление, что косы женщины достигают колен, а при необходимости (при облысении от парши) они полностью заменяли собой косы. По представлениям алтайцев, косы женщины должны были быть как минимум до талии. Если они не отвечали этим тре-

бованиям, к ним обязательно приплетались чужие волосы [Радлов 1989, с. 133]. Таким же образом замужние женщины, но не вдовы, у хакасов приплетали к концам своих кос ложную косу, сплетенную из волос мужа и посаженной матери [Бутанаев 1987, с. 158]. Обычай увеличивать свои косы за счет накладных волос или их имитации в виде черных шелковых нитей, кистей был известен и бурятам и тувинцам. Такое же отношение к количеству женских волос запечатлено и в фольклоре. Например, в фольклоре алтайцев и хакасов девичьи прически характеризуются одним и тем же устойчивым приемом гиперболизации. В алтайском героическом эпосе количество косичек девушки, что «распущены по спине и о пояс ударяются», выражено числительными пятьдесят, шестьдесят, девяносто. На самом деле и у теленгитов, и у тувинцев, и у хакасов девушки носили лишь около пятнадцати косичек [Дьяконова 1986, с. 34].

С идеей чадородия связано и хакасское нагрудное украшение *ного*, специфическое украшение молодых замужних женщин. Принципиально важно для характеристики этого украшения то, что женщина впервые надевала его на собственную свадьбу, затем в нем же принимала участие в других свадьбах уже в качестве свахи или почетной гостя, т.е. его ношение было связано с моментами ритуальной жизни, для которых характерна максимальная демонстрация идей плодородия. В композиции орнаментальных мотивов *ного* В.Я. Бутанаев склонен даже усматривать стилизованное изображение лиц каменных баб Окуневского времени, богини Умай (Ымай), владеющей детскими душами. Согласно шаманской традиции хакасов, Умай владела коралловыми бусинами *суру*, заключавшими в себе души-зародыши девочек. Вместе со стрелами *ух* – душами мальчиков – она хранила их внутри горы Ымай-Тасхыл [Бутанаев 1984, с. 97, 89]. В соответствии с этими представлениями коралловые бусины, щедро используемые в различных украшениях, ассоциировались с многочисленным потомством, будучи символами и выражением личности богини Умай [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 174]. Коралл – излюбленное украшение у хакасов, алтайцев, тувинцев, бурят. Знаковая роль приписывалась, вероятно, и цвету коралла, который по этому свойству мог заменяться бисером красного цвета, бусинами из пасты, имитирующими коралл. Так, у тувинцев красный цвет ассоциировался со счастьем женщины, выживавшемся в здоровом и крепком потомстве [Потапов 1969, с. 174–175].

Сильная магическая потенция украшений связана не только с такими простейшими семантическими характеристиками, как форма, цвет, материал и т.п. Являя собой символическую границу между телом человека и внешним миром, они обладали способностью как бы продолжать в себе магические силы тела, волос человека. Украшения женщины наделялись сильными множительными и одновременно охранительными магическими функциями, с одной стороны, обеспечивающими обильное продолжение рода, с другой стороны, способствующими сохранению потомства. Среди алтайцев бытовало мнение, согласно которому женщина, особенно кормящая мать, непременно должна носить кольца, серьги, бусы, чтобы дети не умирали, а были «при себе» [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 174–175]. Подобным образом у корячек, молодых матерей, до сих пор

бытует установка на обязательное ношение украшений, особенно в период вскармливания ребенка. При этом особое внимание уделяется бисерным накосным украшениям [Клюева, Михайлова 1988, с. 103].

Особой субстанцией, способной аккумулировать в себе магические силы человека, несомненно, являлись его волосы. Есть основание полагать, что прическа женщины определенным образом манифестировала ее родственные связи, как реальные, так и сверхъестественные. Если замужняя женщина у хакасов имела братьев, то к двум своим косам она еще приплетала по маленькой косичке, которые, по поверьям, были оберегами ее братьев [Бутанаев 1987, с. 158]. Подобным образом, по некоторым данным, у монголов-дербетов число косичек девушки соответствовало числу имеющихся у нее братьев. Причем девушке запрещалось подрезать волосы, ибо вследствие этого как будто бы уменьшалась жизненная сила ее братьев и сестер [Потапов 1959, с. 111]. Магическую охранительную силу сохраняли и вычесанные волосы. Так, волосы входили в состав амулетов, развешиваемых над колыбелью ребенка у телеутов. Считалось, что прядь материнских волос обладает способностью отпугивать злых духов [Тоцакова 1978, с. 40]. У нганасан оцесы иногда привязывались к ремешкам, украшавших спину меховой одежды [Грачева 1983, с. 59]. Просватанной девочке у ульчей расчесывали голову и из упавших волос плели браслет, который в знак помолвки и «чтобы не умерла», «для счастья» одевали на ее руку [Золотарев 1939, с. 54]. Браслеты, сплетенные из волос стариков, надевали на ручки и ножки детей у ульчей, нивхов, нанайцев [Смоляк 1962, с. 271].

У бурят прическа невесты во время свадьбы олицетворяла существенный в тот момент принцип единения женского и мужского начал. На правой – «мужской» – стороне головы невесты заплетали девять косичек, на левой – «женской» – восемь [Хангалов 1960, с. 83]. В ритуальной сфере монгольских народов число девять связано с луной, сакральным мужским началом, число восемь – с солнцем, женским началом. Плетение волос в восемь и девять косичек символизировало супружеские отношения солнца и луны, единство мужа и жены [Галданова 1986, с. 156]. В этом контексте антитезой единения выступает разъединение мужа и жены в результате смерти одного из супругов. Вещественными символами этого положения могут выступать такие символические противоположности, как заплетенные в косы и распущенные волосы, соединенные перемычкой накосные украшения и разъединенные косы и т.д. [Клюева, Михайлова 1988, с. 126]. Красноречив в этом отношении обычай, согласно которому вдова у бурят срезала одну косу, которая погребалась вместе с мужем [Галданова 1986, с. 156]. Так же, вероятно, читается и семантика обрезания волос вдовой или вдовцом у других народов. У негидальцев на похоронах жена или муж срезали у себя волосы сантиметров на десять и вешали их на дерево. Иногда женщина бросала пучок своей косы на могилу мужа или заворачивала ее в тальник [Штернберг 1933, с. 536].

Одежда и украшения человека, являясь внешним покровом тела, были одновременно его продолжением, своеобразной экстернизацией личности [Топорков 1989, с. 98]. С этим качеством украшений, вероятно, связан широко распространенный в эпосе тюркоязычных народов Сибири мотив

превращения женщины в перстень или серьгу [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 173; Липец 1984, с. 43]. У нивхов на деревянное изображение умершей обязательно «навешивали серьги, делали медные нашивки на платье, надевали браслет, кольцо, бусы» [Крейнович 1973, с. 382]. Тем самым деревянное изображение не только получало некую портретную характеристику умершего человека, но и могло в полной мере выступать его заместителем. Периоду зрелости человека, времени максимального подъема его жизненных сил соответствовал наиболее полный набор украшений с максимальным спектром символических функций. В этих украшениях, главным образом женских, сконцентрированы представления о высших жизненных ценностях, таких, как счастье, благополучие, продление рода, плодородие и т.д. Все эти представления с помощью конкретных символов имели зримую форму. На определенном этапе развития общества, при достаточном уровне развития местного ювелирного искусства (или возможности приобретать художественные произведения других народов) символика высших жизненных ценностей ассоциировалась со сложностью и изысканностью украшений, высоким художественным уровнем их исполнения, наконец – с материальной ценностью этих украшений. Идея высокой символики украшений переплетается с представлениями об их эстетической и материальной ценности.

У народов Южной Сибири (включая в определенной степени юг Дальнего Востока) женские парадные украшения – это зачастую драгоценные произведения ювелирного искусства, символическое и материальное воплощение богатства как в широком, так и в узком смысле этого слова. Представления о связи ювелирных украшений с богатством, достатком реализуются в шорском эпическом сюжете волшебного превращения. Выходя за муж «скот Кара Казана не взяла. Скот и народ отца и матери своей, превратив в золотую и серебряную серьги, в уши их взяла» [Дыренкова 1940, с. 162]. О неразрывной связи эстетической функции женских украшений с символикой плодородия, например в тюркской традиции, уже говорилось. Материальные ценности, в частности деньги, монеты, осмысливались не только как таковые, но и как символ обладания высшими жизненными ценностями. Отсюда широкое использование монет (и их имитации) в различных ритуальных действиях, в изготовлении украшений.

Рассмотрев различные функции украшений, вернемся к целостной структуре их функций, свойственной традиционной культуре.

Украшения в общем не имели утилитарного назначения. Можно отметить весьма условную практическую роль накосных украшений в упорядочении и поддержании в должном виде прически, а также использование в качестве рабочего приспособления мужского кольца на большом пальце руки у ряда народов Амура.

Напротив, экстраутилитарные функции украшений были весьма разнообразны. В своем внешнем выражении, обращенные вовне, украшения, как и одежда, манифестировали социальные ценности, являясь знаком половозрастного и общественного статуса человека [Топорков 1989, с. 98]. В силу присущих им внутренних свойств (или, с внешней точки зрения, – в силу тех свойств, которыми их наделили люди), а также благодаря тому,

что, находясь на границе человеческого тела, они выражать его сверхъестественные свойства [Там же], украшения обеспечивали апотропеические, криптические, катаргические, симпатические, лечебные и другие магические функции. Различные виды магического воздействия украшений сводимы к одной существенной медиативной функции. Находясь на границе различных семантических сфер – внутреннее/внешнее, человек/природа – украшения могли либо перекрывать эту границу, выступая в качестве оберега, либо, напротив, открывать эту границу, приобщая человека к животельным силам природы, сообщая ему физиологическое развитие, здоровье, плодородие и т.д. Наконец, именно украшения среди других явлений культуры должны были иметь ярко выраженные эстетические функции.

Украшения – факт культуры, в котором изначально заложен определенный спектр («пучок») синкретических функций. Отдельные виды украшений обладают присущей им особенностью структуры функций. Так, в различных украшениях доминируют те или иные магические функции, которые определенным образом соотносятся с функциями другого порядка. По признаку соотношения функций можно условно выделить три основные группы украшений.

Первую группу составляют «украшения-амулеты», в них явно доминирует магическая функция в целом, а особенно ярко выражена охранительная функция. Способность этих украшений обозначать состояние (статус) лица незначительна. Эстетическая функция этих украшений часто не очень развита. Обычно это первые украшения, которыми снабжают ребенка, а также большая часть мужских украшений, сохраняющих «детские черты». Позже, особенно у девочек, эти украшения заменяются на иные – с другой структурой функций. Но у тех народов или в тех случаях, когда эти украшения сохраняются и в других возрастных классах, украшения этой группы продолжают сохранять свою половую, возрастную, социальную индифферентность. Так, у северо-восточных палеоазиатов браслеты, ожерелья, головные повязки в виде ремешков с бусинами (пуговицами) были абсолютно одинаковы у детей, мужчин, женщин. И даже более поздние украшения из бусин и бисера сохраняли преемственность недифференцированности. Ожерелья здесь носили представители обоих полов. Одинаковыми были и бисерные серьги. А.П. Лазарев писал об азиатских эскимосах, что на острове Св. Лаврентия «оба пола в ушах носят бисер и серьги» [Лазарев 1950, с. 295]. У коряков как мужчины, так и женщины носили серьги или ушные подвески *кэмэ*, состоящие из нанизанного на нитку бисера [Вдовин 1973, с. 200].

Более того, те украшения, которые начинали носить в младенчестве независимо от пола, с сильно выраженными охранительными свойствами, в дальнейшем имели тенденцию существовать как украшения и мужские, и женские. Так, браслеты у народов Амура носили всю жизнь и мужчины и женщины. А у тех народов, где детские браслеты не отмечены (например, у бурят, тувинцев), они были исключительно женским украшением. У бурят браслеты вообще впервые надевали на свадьбу или сразу же после нее. У народов Дальнего Востока и Южной Сибири мужские серьги отличались от женских не конструктивными особенностями, а меньшими размерами и про-

стотой оформления. Именно этими особенностями отличались детские серьги. Наиболее распространенный вариант – маленькие колечки, иногда с подвеской из одной бусины. Во многих случаях самый простой (и, вероятно, древний) вид определенного типа украшений не имел половой дифференциации, а с развитием более сложных форм он получал четкую половую привязку. Одним из примеров могут служить якутские гривны, которые в своей исходной примитивной форме были и мужским, и женским украшением [Зыков 1976, с. 56.], а более сложные виды гривен с подвесками стали исключительно женским украшением.

Для второй группы украшений характерна некая сбалансированность функций. Трудно выделить доминирующую функцию, все присущие украшению внутренние и внешние свойства выражены максимально ярко. К этой группе относятся украшения, свойственные репродуктивному возрасту, главным образом это женские украшения. Они четко маркируют малейшие изменения в возрастном и социальном положении носителя. Из магических функций наиболее развиты охранительная и репродуктивная, причем последняя обнаруживает теснейшую связь с эстетической. Художественный уровень украшений молодых женщин-матерей наиболее высок.

В третьей группе украшений наиболее актуализированной оказывается эстетическая функция. В качестве социального знака украшения этой группы выражают главным образом высокое положение человека в общественной иерархии. Магические функции подразумеваются, но существенного значения могут и не иметь. Они находятся как бы на периферии восприятия. В отличие от первой и второй групп, предназначенных для повседневного ношения, украшения, относящиеся к третьей группе, – парадные.

Украшения, входящие в каждую из трех групп, могут существовать в культуре синхронно. В диахронном же аспекте они обнаруживают тенденцию к движению от первой группы к третьей, так что первая группа украшений определенным образом соотносится с архаическим пластом культуры, вторая – с традиционной, а третья – в своем наиболее развитом виде тяготеет к культуре современной.

Рассмотрим в диахронном плане такое специфическое украшение, как специальное мужское кольцо, носимое на большом пальце рядом народов амурского региона, – *хоньякан* (нан., ульч.), *пэрхэ* (нан.). Это, пожалуй, единственное украшение, происхождение которого можно связать с вещью, имевшей не только символическое, но и практическое назначение. В то же время, прослеживая дальше во времени эволюцию этого кольца, Л.И. Шренк отмечал, что это украшение превосходной работы, из слоновой кости, агата, яшмы встречается на пальцах высших сановников, мандаринов в Китае [Шренк 1899, с. 108]. Это кольцо обладает следующей структурой функций. Начнем с практического назначения: оно предохраняло палец при стрельбе из лука. Р.К. Маак считал, что кольцо не только служит для натягивания лука, но употребляется и при добывании рыбы: поражая рыбу острой, ее верхний конец упирают в кольцо, чтобы придать больше силу удару [Маак 1859, с. 207, 219]. Ж. Лаперуз, видевший это кольцо у орочей, отмечал, что оно служит упором для ножа при потрошении рыбы и сдирании с нее кожи [Шренк 1899, с. 107]. Е.А. Крейнович

указывал еще на одно практическое употребление этого кольца: нивхи в момент раздражения били им противника в лицо [Крейнович 1973, с. 385]. Таким образом, кольцо служило необходимым приспособлением во многих мужских занятиях. Символический аспект функционирования кольца связан с тем, что оно было знаком маскулинности, возмужалости, а также, как всякое украшение, выполняло магические функции. Наконец, кольцо было красивым. Его делали из серебра, железа, меди, свинца, нефрита, украшали «разнообразными гравировками и фигурками из медных и серебряных пластинок» [Шренк 1899, с. 108]. Если попытаться иерархически разложить перечисленные функции, то выяснится, что диахронически они располагались в разном порядке. В архаической культуре наиболее актуализированными оказывались практические и символические функции. Затем на первый план вышла социальная знаковость этого кольца, практическая функция сошла на нет. Наконец постепенно стала доминировать функция эстетическая.

Кольцо, о котором шла речь, является в определенном роде исключением в силу выраженности своего практического назначения. Более типична ситуация, когда изначально доминирующей выступает одна из экстраутилитарных функций – магическая.

Бурятское нагрудное украшение *гуу* по своему происхождению – род ладанки, медальона, куда помещались различные священные предметы, обеспечивавшие высокую магическую силу этого украшения. Но постепенно *гуу* превращается в украшение в чистом виде (в украшение в современном понимании этого слова). А.Н. Кузнаков писал: «Такие га-у на широкой суконной перевязи можно часто видеть в Тибете на богатых богомольцах, купцах или должностных лицах, когда они в дороге. Иногда на одной перевязи прикреплено 6–7 га-у, по большей части пустых и носимых лишь как украшение» [Кузнаков 1907, с. 123]. При подчеркнутой здесь эстетической ценности, несомненно, осознавалась магическая сила украшения. Достаточно обратить внимание на то, что надевалось оно обязательно в дорогу, когда возможность неблагоприятного воздействия злонамеренных сил была особенно велика. В Бурятии на рубеже XIX–XX вв. *гуу* – чрезвычайно искусно сделанное украшение, хотя представления, связанные с охранительной функцией этого украшения, должны были сохраняться.

Таким же образом и нганасанское нагрудное украшение *сейми*, если иметь в виду его происхождение от мешочка для хранения амулета, в своей семантике сохраняло магические силы этого амулета, уже отсутствующего.

Таким образом, на определенных исторических этапах (а также ситуативно) из всего спектра заложенных в предмет функций в наибольшей степени актуализированы были только некоторые, причем одна из них могла доминировать. Правда, нужно иметь в виду, что выделение доминирующей функции не только достаточно условно, но зачастую может быть и субъективно. Доминирующая функция определяет функционирование и восприятие вещи. Стремясь найти в предмете единственный смысл, выделяя из широкого спектра функций традиционных украшений одну, мы получаем, например, «кольцо для стрельбы из лука», если за доминирующую принимается практическая функция предмета. Но гораздо чаще в качестве домини-

нирующей выступает магическая функция, действительно чрезвычайно существенная в украшениях. Отсюда происходит определение украшения в качестве «амулета», «охранителя».

Тенденция противопоставлять магические и эстетические функции украшений весьма характерна при рассмотрении этого явления культуры. Действительно, можно задаваться вопросом, являются ли украшениями, например, ожерелья чукчей, крайнюю неэстетичность которых (во всяком случае с европейской точки зрения) отмечал В.Г. Богораз. Он же писал, что это украшение является амулетом [Богораз 1901, с. 16]. Ответом на этот вопрос служит тезис о полифункциональности и синкретизме функций вещей в архаической и традиционной культурах, не допускавших противопоставление функционального и эстетического, практического и символического и т.д. При этом мы должны иметь в виду два вида прагматики, свойственные архаическому мировоззрению: собственно утилитарную и знаковую [Байбурин 1989, с. 81–82]. В этом же плане было бы неправильно выводить происхождение украшений из предметов, удовлетворяющих исключительно практические или исключительно символические, в частности только магические или только эстетические потребности человека. Один из способов наделить вещь необходимыми свойствами – ее украшение. В то же время определенным образом оформленная (украшенная) вещь только и могла обладать силой, которая от нее требовалась. Невозможно ответить на вопрос, какая из функций вытекает из другой: магическая из эстетической или эстетическая из магической в силу комплиментарности этих свойств. Они изначально неразрывно связаны и немыслимы друг без друга. Только в современном обществе вырабатывается специализация функций.

Таким образом, особенность украшений в ряду других явлений культуры нужно видеть в их постоянно высоком семиотическом статусе, ярко выраженной эстраутилитарности. Структура функций украшений изначально характеризуется высокой степенью синкретичности. Украшения возникают как факт культуры, в котором изначально заложен целый спектр символических функций. В диахронии структура функций постепенно перестраивается таким образом, что преобладающей становится эстетическая функция, имевшая тенденцию постепенно вытеснять, удалять на периферию все остальные. А в современном обществе при специализации функций она приобретает вполне самостоятельный характер. В развитом виде ювелирные украшения относятся к тому особому классу вещей, вся ценность которых заключена в них самих, в том, что они есть [Там же, с. 81].

Библиография

- Абрамзон С.М.* Рождение и детство киргизского ребенка // Сб. МАЭ. Т. XII. Л., 1949.
- Аврорин В.А.* Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л., 1986.
- Алексеев Е.А.* Кеты: Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Алексеев Е.А.* Свадебная обрядность: Кеты // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980.
- Алексеев Е.А.* Ребенок и детство в культуре кетов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Анохин А.В.* Душа и ее свойства по представлениям телеутов // Сб. МАЭ. 1929. Т. XIII.
- Астырев Н.* По улусам монголо-бурят Иркутской области. М., 1891.

- Бадмаева Р.Д.* Одежда и украшения баргузинских бурят XIX–начала XX веков // Полевые исследования ИЭ. 1974. М., 1975. С. 189–196.
- Бадмаева Р.Д.* Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1987.
- Байбурин А.К.* Семиотический аспект функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
- Басаева К.Д.* Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1980.
- Белькович А.А.* Из дневника во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 г. // Труды Приамурского отдела РГО. 1895. Хабаровск, 1896.
- Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Богораз В.Г.* Очерки материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти. СПб., 1901.
- Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. II: Религия. Л., 1939.
- Борозна Н.Г.* Виды украшений народов Средней Азии и Казахстана // Сов. Этнография. 1974. № 1. С. 40.
- Браиловский С.* Тазы, или удихэ: Опыт этнографического исследования // Живая старина. 1901. Вып. II–III.
- Бутанаев В.А.* Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 97, 89.
- Бутанаев В.А.* К истории семьи и семейного права хакасов (XIX – нач. XX в.) // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.
- Бутанаев В.А.* Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы. М., 1974.
- Василевич Г.М.* Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник МАЭ. Т. XI. 1949.
- Василевич Г.М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки. Л., 1969.
- Васильева Г.П.* Магические функции детских охранителей у туркмен // Древние обряды, верования и культы у народов Средней Азии. М., 1986.
- Вдовин И.С.* Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С. 200.
- Вдовин И.С.* Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. С. 117–172.
- Вилькинс А.И.* Среднеазиатская богема. Антропологическая выставка 1879 г. // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 35. Ч. 1. Вып. 4. 1882.
- Галданова Г.Р.* Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии: Материалы и исследования. Новосибирск, 1986.
- Георги И.Г.* Описание всех живущих в Российском государстве народов. СПб., 1799.
- Грачева Г.Н.* Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
- Грачева Г.Н.* Традиционные культы нганасан // Сб. МАЭ. Т. 33. Л., 1977.
- Грачева Г.Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983.
- Грачева Г.Н.* Социализация детей и подростков в традиционном обществе нганасан // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Грачева Г.Н.* Этнические особенности языка культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 115, 117.
- Гурвич И.С.* Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977.
- Гурвич И.С.* Заключение // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980.
- Долгих Б.О.* Этнографический состав населения якутского уезда // Кр. сообщ. Ин-та этнографии. 1955. Вып. 24.
- Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.; Л., 1940.
- Дьяконова В.П.* Старинные якутские шейные украшения // Сб. МАЭ. Т. 18. М.; Л., 1958. С. 179–186.
- Дьяконова В.П.* Этнокультурные параллели к традиционным прическам теленгитов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 34–44.
- Дьяконова В.П.* Свадебная обрядность: Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980.
- Дьяконова В.П.* Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.

- Дьяконова В.П., Клюева Н.И.* Этнографические коллекции 30-х годов по алтайцам и хакасам в собраниях МАЭ // Сб. МАЭ. Т.35. 1980.
- Евтюхова П.А.* Каменные изваяния Северного Алтая // Труды Гос. исторического музея. Вып.16. М., 1941.
- Иванов В.Н.* Социально-экономические отношения якутов. XVII в. Якутск, 1966.
- Иванов С.В.* О детских амулетах нанайцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Сб. МАЭ. Т. 33. Л., 1977.
- Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
- Зуев В.Ф.* Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде инородческих народов: Материалы по этнографии Сибири XVIII века. М., 1947 (ТИЭ, нов. Сер. Т.5).
- Золотарев А.* Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века // Историк марксист. 1938. Кн. 2 (66).
- Золотарев А.М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.
- Зыков Ф.М.* Ювелирные изделия Якутов. Якутск, 1976.
- Иванов С.В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.; Л., 1954. С. 400–401.
- Иванов С.В.* Скульптура народов Северной Сибири. Л., 1970.
- Иванов С.В.* О детских амулетах нанайцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера // Сб. МАЭ. Т.33. Л., 1977. С. 89.
- Каталог этнографических коллекций* Музея археологии и этнографии Томского университета. Томск, 1979. Ч.1.
- Кибер А.Э.* Извлечения из дневниковых записок, содержащих в себе сведения и наблюдения в болотных пустынях северо-востока Сибири // Сибирский вестник. Ч.1. СПб., 1824.
- Ким Н.В.* Материалы Ф. Ланганса о культуре и быте бурят // Культура и быт народов Бурятии. Вып.4. Улан-Удэ, 1965.
- Клюева Н.И., Михайлова Е.А.* Накосные украшения сибирских народов // Сб. - МАЭ. Т.42: Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988. С. 105–128.
- Клюева Н.И., Михайлова Е.А.* Каталог съемных украшений народов Сибири // (по коллекциям МАЭ) // Сб. МАЭ. Т.42: Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988. С. 195–208.
- Кочешков Н.В.* Декоративное искусство монголоязычных народов: XIX–середина XX веков. М., 1979.
- Крейнович Е.А.* Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.
- Кузнецов А.Н.* Мои пути по Монголии и Каму. Т.П: Монголия и Кам. 1907. Вып.1.
- Кузнецова А.А., Кулаков П.Е.* Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898. С. 160–161.
- Кузнецова В.Г.* Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник. II. 1957. С.275 (ТИЭ. Нов. сер. Т.35).
- Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 1984.
- Носов М.М.* Художественно-бытовые изделия якутов XVIII – начала XIX в. Якутск, 1988.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.III. СПб., 1788.
- Лазарев А.П.* Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный». М., 1950.
- Ларькин Р.* Материальная культура удэгейцев до установления советской власти // Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР. Серия историческая. 1963. Т.5.
- Ларькин В.Г.* Орочи. М., 1964.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири: Первая половина XVIII века. Магадан, 1981.
- Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
- Липский А.Н.* Элементы религиозно-магических представлений гольдов. Чита, 1923.
- Лопатин И.* Гольды. Владивосток, 1922.
- Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры хантов: Восточная группа. Томск, 1985.
- Маак Р.К.* Путешествие по Амуру, совершенное по распоряжению Сибирского отдела РГО в 1855 г. СПб., 1859.
- Маак Р.К.* Вилюйский округ Якутской области. Ч.III. СПб., 1877.

- Малиев Н.* Отчет о вогульской экспедиции Н. Малиева // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т.3. № 2. 1872. С. 8.
- Маргаритов В.П.* Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888.
- Мичи А.* Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи. С прибавлением статей и путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. СПб., 1868.
- Надаров И.П.* Североуссурийский край // Зап. РГО. по общей географии. 1877. Т. XVII. № 15.
- Народы Сибири.* М.; Л., 1956.
- Николаев С.И.* Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск, 1964.
- Носов М.М.* Одежда и ее украшения у якутов XVII–XVIII веков // Сборник научных статей ЯРКМ. Якутск, 1951. Вып.1. С. 92–103.
- Островских П.* Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет о поездке 1854 г.) // Живая старина. 1895. Вып. III.
- Очерки истории и культуры Бурятии.* Т.1. Улан-Удэ, 1972. С. 408.
- Очирова Г.Н.* Свадебная обрядность сартулов Монголии и Бурятии // Традиционная культура народов Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск, 1986.
- Павлинская Л.Р.* Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Петри Б.Э.* Орнамент кудинских бурят // Сб. МАЭ. Т.V. Вып.1. Пг., 1918.
- Полевой Б.П.* Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII века // Сов. этнография. 1965. № 5. С. 126.
- Попов А.А.* Материальная культура долганов в коллекциях МАЭ // Сб. МАЭ. Т. XVIII. 1958а.
- Попов А.А.* Нганасаны: Материальная культура. М.; Л., 1958б.
- Попов А.А.* Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л., 1984.
- Попова У.Г.* Эвены Магаданской области. М., 1981.
- Потапов Л.П.* Одежда алтайцев // Сб. МАЭ. Т. 13. М.; Л., 1951. С. 5–59.
- Потапов Л.П.* Некоторые итоги работы тувинской экспедиции // Сов. этнография. 1959. № 5.
- Потапов Л.П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
- Патачаков К.М.* Очерки материальной культуры Хакасов. Абакан, 1982.
- Приклонский В.Л.* Материалы по этнографии Якутской области // Известия Вост.-Сиб. Отд. РГО. Т. XVIII. 1887.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов // Сб. МАЭ. Т.15. Л., 1953.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 1–99.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда чукчей, коряков, ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 5–53.
- Радлов В.В.* Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.
- Розенфельд И.Г.* Древности Западной части Волгоокского междуречья в VI–IX вв. М., 1982. С. 91–93.
- Сазонова М.В.* Украшения узбеков Хорезма // Сб. МАЭ. 1970. Т.26. С. 126.
- Сат Л.Ш.* Прически и традиционные украшения тувинских женщин: XIX–начало XX в. // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984. С. 187–198.
- Сатлаев Ф.А.* Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974. С. 137.
- Сильницкий А.В.* Быт гиляков на низовьях Амура // Труды Приамурского отд. РГО за 1895 г. Хабаровск, 1896.
- Симченко Ю.Б.* Праздник Аны’о у авамских нганасан // Сиб. этногр. сборник. М., 1963. Т.5. (ТИЭ. Т.84).
- Сем Ю.А.* Нанайцы: Материальная культура. Этнографические очерки. Середина XIX–середина XX веков. Владивосток, 1973.
- Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения.* М., 1980.
- Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. Т.1.
- Симченко Ю.Б.* Праздник Аны’о дялы у авамских нганасан. М., 1963 (ТИЭ. Т.74).
- Слепцов П.А.* Традиционная семья и обрядность у якутов: XIX – начало XX в. Якутск, 1989.
- Слюнин Н.В.* Среди чукчей. М., 1896.
- Слюнин Н.В.* Охотско-Камчатский край. Т.1. СПб., 1900.

- Смоляк А.В.* Магические обряды сохранения жизни детей у народов Нижнего Амура // ТИЭ. Т.78. 1962.
- Смоляк А.В.* Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966.
- Смоляк А.В.* Традиционное хозяйство и культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984.
- Смоляк А.В.* Свадебная обрядность: Нанайцы // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980.
- Соколова Э.П.* Новые данные о погребальном обряде северных хантов // Полевые исследования. ИЭ. 1974. М., 1975. С. 169.
- Стариков В.С.* Материальная культура китайцев. М., 1867. С.104.
- Степанов.* Южно-уссурийский край // Древняя и новая Россия. Март, 1880.
- Стрелов Е.Д.* Одежда и украшения якутки в половине XVIII века // Сов. этнография. 1937. № 2–3.
- Таксами Ч.М.* Традиционное воспитание детей у нивхов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Топорков А.Л.* Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
- Тоцакова Е.М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев. Новосибирск, 1978.
- Традиционное воспитание* детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Традиционное мировоззрение* тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988.
- Требуховский П.Ф.* Свадьба балаганских бурят в прошлом и настоящем // Просвещение Бурятии. 1929. № 1–3.
- Туголуков В.А.* Кто вы, юкагиры? М., 1979.
- Тугутов И.Е.* Материальная культура бурят: Этнографическое исследование. Улан-Удэ, 1948.
- Тумлахани А.В.* Бурятское народное искусство. Улан-Удэ, 1970.
- Федорова Е.Г.* Одежда манси XIX–XX века // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 196–207.
- Федорова Е.Г.* Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири // Сб. МАЭ. Т.42: Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988. С. 86–104.
- Федорова Е.Г.* Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Хангалов М.Н.* Собр. соч. В 3 т. Улан-Удэ, 1958–1960.
- Хангалов М.Н.* Свадебные обряды унгинских бурят // Собр. соч. Т.2. Улан-Удэ, 1960. С. 83.
- Хангалов М.Н.* Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания бурят унгинского инородческого ведомства Балаганского округа // Этнографическое обозрение. 1898. Кн. XXXVI. № 1.
- Хомич Л.В.* Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1958.
- Художественная обработка* металла в Бурятии. Улан-Удэ, 1974.
- Чвырь Л.А.* Таджикские ювелирные украшения. М., 1977. С. 98.
- Чесноков Ю.В.* Некоторые аспекты трудового воспитания детей в культуре оленых чукчей и коряков // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.
- Шатилов М.Б.* Ваховские остяки // Труды Томского краевого музея. Томск, 1931. Т.4. С. 162.
- Шибалева Ю.А.* Одежда хакасов. Сталинабад, 1959.
- Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. СПб., 1899.
- Штернберг Л.Я.* Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
- Шухов И.Н.* Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. Вып.36. Тобольск, 1916. С. 49.
- Этнографические материалы* Северо-Восточной географической экспедиции. Магадан, 1978. С. 42.
- Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.
- Bogoras W.* The Chukchee: Material Culture // Memoir of the American Museum of Natural History. Vol.7. Leiden; New York, 1904; Богораз В.Г. Очерки материальной культуры чукчей // Сб. МАЭ. Т.2. СПб., 1901.
- Jochelson W.* The Koryak // Memoir of the American Museum of National History. Vol.VI. New-York, 1905. P. 1.